

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2011

Сентябрь-Декабрь

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2/2011

№ 2 (13)
Издается с 2006 года

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«ВестжКонсалтинг»

Редакция

И. Харичев (шефредактор)
Е. Степанов (заместитель шефредактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.09.2011
Формат 60x90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «ВестжКонсалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.westjconsulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 16

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *Л. Корниенко*
Последний зомби (повесть)

КОСМОС

- 30** *С. Красносельский*
День первый

ПРЕОДОЛЕВАЯ ВРЕМЯ

- 43** *Ф. Ромм, С. Муратов*
Благими намерениями

ЭКСПЕРИМЕНТ

- 51** *В. Анин*
Конденсатор гнева

КОНТАКТ

- 68** *И. Ситников*
Разум по братьям

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 84** *В. Ксионжек*
Ничейная земля
- 92** *С. Абаимов*
Миллиард смертей понарошку

ЮМОРКОН

- 98** *А. Белл*
Разрушитель системы
- 104** *Т. Ветрова*
Заблуждение
- 112** *И. Афанасьев, С. Жданов*
Саморез и Державность
- 118** *С. Бугримов*
Последние новости
- 122** *И. Харичев*
Открытие междисциплинарности

Леонид Корниенко

Последний зомби

повесть

Дайджест 1 из ранних записей в дневнике Элюара:

«...Планета Земля — живая субстанция. И, как все живое, состоит из разных клеток. Эволюционные пути формирования этих клеток тоже разные. Но взаимосвязь их такая тесная, что друг без друга они существовать не могут.

...На заре своей ЭВОЛЮЦИИ человек, как и все живое на Земле, глубоко ощущал эту взаимосвязь, слышал и понимал «язык планеты», читал на ней все сущее, пользовался ее дарами с благоговением. Но как никто и ничто другое на Земле, человек, живая клетка ее, проявил уникальную способность к физиоЮ логическому, а следом и социальному самосовершенствованию. Он создал оруЮ для труда и средства производства, и в биосфере Земли начал приобретать все большую власть. Его эволюция стала выпадать из общей эволюции всяк сущего на Земле и перерастать в ЦИВИЛИЗАЦИЮ.

...Цивилизация заставила человека не просить, а брать у Земли природные ресурсы. И брать он их начал не задумываясь, быстро уверовав в свою непоЮ грешимость и безнаказанность и нанося этим неслыханный вред планете.

...И тогда Земля, живая субстанция, лишила человека, свою клетку, чувЮ ства защищенности. Она — замолчала в его сознании.

...Люди перестали ощущать себя частью природы Земли. Опустевшая в их сознании ниша эзотерических знаний стала заполняться всевозможными богаЮ ми. Боги были завистливы и жестоки и враждовали между собой. И научили вражде людей.

...Вражда стала образом жизни человека. Психическое напряжение в душах — нормой. Разрядка напряжения через взаимоуничтожение — целью.

И потому путь от пороха до атомной бомбы человек прошел быстро — за триста лет. Земля, непрерывно сотрясаемая рукотворными ядерными взрываЮ ми, в конце концов начала уставать.

...И тогда пришло время ВЕЛИКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ человека за совершенное и совершаемое.

Пришло время КОНЦОВ и НАЧАЛ...»

1. Спасательный модуль СЗВЮ медленно плыл вокруг гигантского корВ пуса орбитальной станции второго поколения ИС, постреливая огоньками рулевых дюз.

Станция выглядела не совсем обычно. Настораживало отсутствие бортовых огней. Не светились иллюминаторы. Антенна ВРдар дальней связи была неподвижна, хотя еще сутки назад от нее поступал устойчивый сигнал маяка.

Экипаж спасательного модуля СЗВ10 собрался у большого экрана пилотного отсека, как только станция появилась на экране визуально, и следил за ней весь подлет.

Первым нарушил молчание эколог Вкорректор Влад.

- Командир! Обрати внимание – нет причалов!
- Ошибаешься! Один есть – прицеплен к штангам антенны.
- Странное место для причаливания...
- Нормальное, если не хочешь, чтобы вошли в твою станцию.
- Кто же не хочет?
- Не знаю.
- А как мы причалим?

Улыбка промелькнула на губах пилота Вкомандира Диксона.

Пристыковка модуля без причалов – сложная, но штатная вводная, которую получают пилоты Вкурсанты перед выпуском. Три такие удачные пристыковки подряд давали право выпускнику на престижное назначение – или в дальние рейсы патрульной службы, или на транспортные рейсы к станциям в глубокий космос. Навесная бляха на значке пилота Диксона имела цифру 12.

Врач Впсихоаналитик модуля Элюар показал Владу глазами на значок. Тот все понял и смущенно потер переносицу.

Безучастность к их разговору хранил только Олаф, так называемый «пассажир», а не член экипажа. Он не отрываясь смотрел на плывущую на экране станцию.

По штатному расписанию экипаж спасательных модулей типа СЗ состоял из трех человек: пилота Вкомандира, врача – психоаналитика, эколога Вкорректора.

В Центре Спасательных Служб, куда их вызвали на недельный инструктаж и медицинский осмотр (обычные перед полетом в глубокий космос), в кабинете руководителя им представили Олафа именно так: во время полета он будет просто пассажиром; а в их работу включится уже на месте.

Целью полета модуля СЗВ10 был поиск станции второго поколения ИС, которая тринадцать лет назад исчезла в глубоком космосе и вдруг три месяца назад дала о себе знать сигналами бедствия из Вза орбиты Плутона.

Спасательный модуль СЗВ10 закончил облет и, повинаясь манипуляционным клавишами на рулевой панели, завис над широким овалом входного люка станции.

- Застегнуть ремни безопасности! – приказал Диксон.
- Зачем? – пожал плечами Влад. – Станция же неподвижна...
- Выполнять приказ без рассуждений! – сказал Диксон, не оглядываясь.

Экипаж расселся по своим креслам и защелкал замками верхних и нижних ремней безопасности.

– Я сказал, все ремни застегнуть! – неожиданно рывкнул Диксон, все так же не оглядываясь.

Влад удивленно поднял голову. У командира что, глаза на затылке? И демонстративно щелкнул нижним замком, очень неудобным и потому не всегда используемым.

Модуль выстрелил пламенем из основных дюз и поплыл к станции. 10 метров... 7 метров... 5 метров...

Диксон положил левую руку на рычаг выпуска магнитных присосок. Рука легла неудобно. И командир на какую-то секунду замешкался, принимая для руки более удобное положение. Это и спасло модуль. Станция неожиданно сделала качок в его сторону. Штанги магнитных присосок модуля неминуемо оказались бы сломанными, если бы Диксон их уже в это время выпустил.

Сидевшие в рубке увидели, как борт станции стал угрожающе наплывать на экран. Реакция пилота-командира была молниеносной. Щелкнул тумблер аварийного скоростного заднего хода – и людей вышвырнуло из кресел на ремни безопасности.

Секунды напряженного ожидания. Борт станции медленно отплыл на прежнее место. Но тревога усилилась.

– Командир! Что это было? – Влад еле сдерживал дрожь в голосе.

– Не знаю, – Диксон обернулся и выразительно посмотрел на его ниже ремни безопасности.

Влад все понял без слов. В космосе приказы командира выполняют не переспрашивая. И виновато потер переносицу, укоряя себя в душе за дурацкий вопрос. Это был его первый полет в глубокий космос. Новое всегда тревожит! Ну невыносимо же не знать, что происходит!..

Диксон, хмуро глядя в экран, развернул модуль другим бортом к станции. Здесь находились магнитные присоски жесткого причаливания. Оно отличалось тем, что шлюзовую камеру после него установить на входной люк было уже нельзя. И, кроме того, трудность такого причаливания была еще в том, что пилот при этом не имел общего обзора, а только локальный, в месте, где шла стыковка. Общий видеобзор включался только после нее.

Модуль выстрелил пламенем основных дюз и снова поплыл к станции. Серебристая поверхность ее, в оспинках от метеоритных ударов, закрыла весь экран. Повинуясь манипуляциям командира на рулевой панели, модуль передвинулся так, что на экране стал виден овал входного люка. По нему, как по ориентиру, точнее можно было произвести причаливание.

Вот он увеличился до настоящих размеров. Еще секунда – и модуль налипнет на него. И вдруг люк поплыл к низу экрана – станция начала вращаться вокруг своей оси, не давая этим модулю причалить.

Рванув застешку верхнего ремня безопасности и расширив этим себе поле для маневра, Диксон ухватился обеими руками за руль ручного управления и резко перевел его в нижнее положение. Овал люка на экране поплыл вверх. И вдруг тут же начал уходить влево. Выравнивая модуль в ту же сторону, командир одновременно, другой рукой ухватился за ручку включения магнитных присосок. Модуль задрожал, но послушно завалился влево и тут же ткнулся в борт станции, мертвой хваткой вцепившись в ее поверхность. Толчок оказался настолько сильным, что командир, не страВ

хуемый верхним ремнем безопасности, не удержался и ударился о ручку включения магнитных присосок и разбил себе лоб.

Элюар поспешно освободился от ремней и бросился к нему. Влад расВтерянно переводил взгляд с экрана, на котором уже автоматически вклюВчился внешний обзор станции, на командира и обратно, не зная, что ему делать. Один только Олаф, весь подлет хранивший поВскандинавски невозВмутимое молчание, так и не оторвался от экрана.

Элюар залил из медицинского флакона лоб пострадавшего бактерицидВной пастой, которая, мгновенно застывая, образовала ровную белую полоВсу. Диксон, морщась, осторожно откинул голову на спинку кресла.

И тут Олаф, оторвавшись от экрана, повернулся и, смешно растягивая слова, сказал:

– КомандиВиѳ На стаВстанции ктоВто есть! В руВубке управления стаВанцией два раза зажеВегя и погаВассвет!

2. (Из воспоминаний Диксона. За пять лет до рейса.)

Диксон проснулся от щелчка таймера кухонного комбайна.

В каждом номере санатория для пилотов дальнекосмических рейсов стояли такие. Удобно! Не нужно спускаться ранним утром в столовую, осоВбенно на первых порах послеполетного адаптационного периода.

Диксон вылез из простыниВпакета, побрел в ванную. В зеркале долго расВсматривал себя. Недовольно морщась, надул раза два щеки. И так! Глаза – красные. Лоб и щеки – желтые. Нос – заострился. Кожа – буграми, а морВщины – веером... Ну что сказать? Безобразие какоеВто!. Перелет в санатоВрий, определение на поселение, встреча и (гм!..) ужин с сослуживцем, который закончил отдых и ночью улетал на базу.. НВд! Огорчительно себя таким видеть...

После душа и настоящего земного завтрака, с овощами и фруктами, приободрившийся Диксон вышел прогуляться. Санаторий, расположенВный на Тихоокеанских атоллах Сейшельских островов, предназначался для реабилитации пилотов из рейсов за Юпитер и дальше, в глубокий космос. Пилоты из рейсов на Меркурий и Венеру обычно проходили реабилитацию в Лапландии.

Диксон вышел на набережную. Созерцание океана, пальм, высокого неба в редких облачках скоро настроило на умиротворяющую волну, редко возникавшую во время рейсов и потому так ценимую. Незыблемым покоем веяло от всего окружавшего.

Он присел на скамью. Голубизна океана, зеленоватоВдымчатая у гориВзонта, напоминала голубизну земного шарика из космоса.

Диксон прищурился. Каким он кажется одиноким и беззащитным среди черной бездны! Теперь же, при виде утреннего океана, о нем так не думалось! Потаенная мощь океана внушала невольный трепет и уважение. И рождала мысль, что за созерцаемым может таиться невиданная в выражеВниях, упрямая в достижениях, но невероятная в проявлениях... праведная сила!..

Берег в этот утренний час был еще пуст. Сунув руки в карманы шорт,

Диксон спустился к океану и побрел вдоль кромки воды, стараясь шлепнуть ступней в сандалиях по каждому подкатывающемуся языку волны.

Так он шел с полчаса. Наконец вдали замаячили первые две фигуры в халатах. Кто это? Мужчины или женщины? Ну-ка, ближе глянуть... Мужчины!.. Окунуться вышли. И под халатами – ничего! Кроме плавок... А, может, и их нет?! Может, эти... нудисты?.. Ух, как бурно говорят! Что-то не поделили? Нет, просто, кажется, спорят.

Один из споривших был намного старше, седой, с коротко стриженной головой. У второго, совсем молодого, были длинные, вьющиеся, пепельные волосы, перехваченные на затылке синей лентой.

Поравнявшись, они замолчали и посмотрели на Диксона. Его очень удивила смертельная усталость в глазах старшего. Молодой же смотрел ни враждебно, ни дружелюбно! Как на пустую стену! Никак! Не обменявшись друг с другом ни приветствиями, ни кивком головы, встретившиеся разошлись.

Диксон усмехнулся. Не ортодоксы ли это? У них такая манера – не видеть людей... Тряхнул головой и оглянулся. Словно почувствовав спиной взгляд Диксона, оглянулся и старший.

Увидел он их снова уже во время обеда, в столовой. Диксон с подносом искал свободный столик. Дальние уютные углы были уже заняты. Оставалось несколько свободных мест посередине зала под пальмами, росшими в огромных пластиковых бочках.

За двухместным столиком под одной из пальм и сидели утренние фигуры. Только вместо халатов они теперь были в синей форме космических ассенизаторов. «Угадал я-таки, – подумал Диксон. – Ортодоксы! Это они служат во всех такого рода уборочных службах, как в космосе, так и на Земле».

У старшего были нашивки инструктора климатологической ассенизационной службы. У длинноволосого – нашивки новобранца так называемых орбитальных «пылесосов»: мусоруборочных космических модулей, следивших за чистотой околопланетных пространств. Человечество давно научилось летать по Солнечной системе, построило множество колоний на других планетах, из-за назревших губительных социальных и технических противоречий занялось подготовкой Всеобщей Космоэкологической революции, но так и не научилось не оставлять после себя, как на Земле, так и в космосе, всяческий мусор: от запчастей орбитальных станций до мусорных корзин и туалетных баков с модулей и планетолетов. Именно ортодоксы, одержимые идеей спасения Земли от последствий цивилизации, и приходили служить в космические спасательные и уборочные подразделения.

Старший и длинноволосый уже не спорили. Но, похоже, перемирия между ними не было. Инструктор выглядел задумчивым и печальным. Тарелка с едой была перед ним не тронутой. Длинноволосый ел, но по каменному лицу его было видно, что держит он себя отчужденно, если не враждебно, по отношению к инструктору.

Обедать Диксон сел за одноместный столик недалеко от них. За время обеда космоассенизаторы не обменялись ни единой фразой. А утром, как горохом, словами, сыпали!..

Еда была, по земному, вся размазана по тарелке, каждой частичкой на виду, и потому казалась особенно вкусной. Диксон так увлекся ее поглощением, увлеченно манипулируя вилкой и ножом, что не заметил, как космонавты ушли. Ушли, так ушли! Ничего же особенного в них нет?!. Хотя, стоп! Как тогда расценить зафиксированную эмоциональной памятью броскую черточку: глаза инструктора. Так всегда смотрят обреченные на долгую болезнь или... смерть.

Диксон уже видел такие глаза. Два года назад, во время странной аварии марсианского космоавтобуса на терминале лунного транзитного порта. Космоавтобус, почему-то погасив скорости при подлете к причалу, протаранил стоявший под разгрузкой товарный космопоезд, доставивший атомное сырье на многочисленные горнорудные шахты Луны. Удар пришелся не по грузовым отсекам с атомным сырьем и взрывчаткой, а по уже пустому пилотному отсеку. И авария потому катастрофических последствий не имела. А экипаж и пассажиры космоавтобуса погибли. Диксон на своем модуле был тогда на окололунной орбите и собирался совершать маневр для выхода на другую орбиту. Все радары его модуля были включены. За несколько секунд до тарана они и уловили адресованный кому-то телесигнал с космоавтобуса. На малом экране в пилотном отсеке модуля вдруг возникло лицо главного пилота, что-то говорившего. Слов не было слышно. Но глаза!.. Расширенные, с почти невидимыми точками зрачков... Глаза смертника!

Невольное воспоминание отвлекло Диксона от еды. Он оглянулся на пустой столик, где только что сидели космоассенизаторы. Вазочка, прибор со специями, подносы с грязной посудой унесены... Но что это?! Салфетка на столе! Согнута в его сторону так, что видно английское слово: «HELP!».

Диксон осмотрел зал. Народу стало меньше. В форме космоассенизаторов никого не было. Торопливо допив свой любимый апельсиновый сок, Диксон вышел в холл, поднялся по лестнице на смотровую площадку. Заинтересовавшей его парочки нигде не было видно.

Диксон решил вернуться в свой номер. Но пошел не через главный, а через оранжерею-эпланату. Вот здесь его тихонько и окликнули!

Инструктор, явно прячась, стоял за пальмами, недалеко от боковых выходов в спортзал и игровые комнаты.

— Пилот! Мне нужна твоя помощь! Доложи куда и кому хочешь, как свидетель, что меня видел! У меня нет выбора! Мне угрожают физической расправой. Я не согласен с методом космоэкологической реабилитации Земли! Но я не согласен и с методом тотального уничтожения цивилизации! Это ошибка!... И еще! Я посвящен в тайну местонахождения штабквартиры ортодоксов... Готовится акция уничтожения носителей генной реабилитации. Это вторая причина расправы со мной... Я — устал! Я не знаю, как правильно спасти Землю! Я — раздваиваюсь...

С этими словами инструктор сунул в нагрудный карман куртки Диксона дискету, повернулся и исчез за дверью, ведущей в спортзал.

В конце оранжереи послышались торопливые шаги. Появился длинноволокосый. Его глаза опалили Диксона такой жгучей злобой, что он невольно напрягся, незаметно принимая оборонительную стойку.

Длинноволосый презрительно шевельнул было губами, что Втонамере В ваясь сказать, но не стал этого делать, а словно приняхиваясь, раздул нозВ дри тонкого, крючковатого носа. В следующую секунду он уже шел по направлению к двери, ведущей в спортзал.

Диксон не пошел в свой номер, а спустился в бар. Он долго пил красное вино, смешивая его с апельсиновым соком и все поглядывал в зеркало за стойкой бара. Скоро в его отражении замелькали фигуры в форме космоасВ сенизаторов. Но длинноволосый не появлялся. Зато рядом сел короткоВ стриженный, малого роста, тоже с нашивками новобранца. Он заказал пиво и тупо уставился в кружку, чутко ловя боковым зрением каждое движение Диксона.

«Меня явно «пасут»... – решил Диксон. – Это ортодоксы! И это – совсем не интересно! Могут быть неприятности...»

Он поискал глазами по залу и с облегчением заметил в дальнем углу трех парней в зеленой форме пилотов дальних косморейсов. Заказав три бутылВ ки пива и взяв свой стакан со смесью вина и сока, Диксон направился к ним.

Парни были уже изрядно навеселе и восторженно, будто сто лет знаковВ мы, встретили сослуживца. С ними Диксон и просидел до глубокой ночи. Все это время у стойки бара неотлучно дежурил короткостриженный.

Уже было пора расходится. Парни продолжали вести себя буйно, хотя, как говорится, уже почти не вязали лыка. Диксона же хмель не брал. Но, стараясь подстроиться, шумел громче всех. Бармену это в конце концов надоело, и в зале появился полицейский патруль. Устрашающие каски, черные очки, бронежилеты, решительные движения... Веселую четверку быстро препроводили за двери и посадили в спецмашину. Там врачВнарколог, похожий на старинного русского барина, добродушно усмехаясь в пышные рыжие усы, сделал каждому инъекцию в вены и усыпил их. Уходя в забытье принудительного сна, Диксон увидел через решетчатое окно салона напряВ женное лицо коротко стриженного, злобно смотревшего на него и чтоВто говорившего по мобильному телефону.

Диксон проснулся в стерильно белой комнате гостиничного типа со всеми положенными атрибутами и дверями в подсобные помещения. Парней рядом не было. Его одежда висела на стуле рядом. Диксон поморВ щился от дурного вкуса во рту, поднялся, прошел в ванную, тщательно почистил зубы, принял душ. Уже когда он оделся, щелкнул замок и вошел толстый полицейский, весь какойВю домашний, улыбчивый. В роду у него, явно, были итальянцы, так как провожая Диксона по коридору, видимо, в какуюВто канцелярию, он без умолку болтал всякий вздор и яростно жестиВ кулировал руками.

Дежурный офицер с блеклым лицом и колкими глазами оценивающе глянул на Диксона и, не дослушав пространного доклада словоохотливого полицейского, досадливым жестом отправил его за дверь.

– Пилот Диксон?

– Да, сэр.

– Я – майор Смит.

– Да, майор Смит.

- Я ждал, пока вы проснетесь.
- Вы очень любезны.
- А вы очень сообразительны.
- Не понял.

Вместо пояснения майор протянул ему две фотографии полароида. На них был запечатлен лежавший на пляжном песке человек в униформе космического моассенизатора с нашивками инструктора. На виске его было видно темное запекшееся пятно.

- Теперь поняли?
- Частично.
- Рядом должны были лежать и вы.
- Должен?!
- Должны БЫЛИ!.. Но сумели перехитрить... убийц. К вам обращался инструктор с просьбой?
- Да.
- И передал дискету?
- Да. Вы ее уже, думаю, просмотрели.
- Конечно. Ей нет цены!.. Кроме того, нам удалось поймать волну, на которой шло подслушивание всего, что говорил этот человек с другими.
- Кто подслушивал?
- Ортодоксы – зомби.
- Ничего себе! Я заметил, как меня пасли. Пасли, значит... и вы! Вернее, спасли. Благодарю.
- Не за что. Вас мы под предлогом нарушения режима из санатория отправим. Под охраной. И позаботимся, чтобы вас сразу отправили в дальний рейс. Для вашей же безопасности.
- Неужели все так серьезно?
- Больше, чем вы предполагаете.

Дайджест 2 из поздних записей в дневнике Элюара:

«...Время Концов и Начал совпало с выходом человека в космос и освоением планет Солнечной системы...»

...Увлеченное ложными представлениями о более грандиозных, чем Земля, объектах познания, охваченное лихорадкой научно-технических революций, ослепленное достижениями в генной и компьютерной инженерии, человечество окончательно пренебрегло продолжающимися робкими пророчествами о грядущем Судном дне, стало самонадеянно глядеть в будущее. В сознании, а следом в книгах и кино человечество вылепило для себя некий, похожий на сказку, на фэнтези, на сюрреализм, фантастический мир, очень далекий от реальной, земной жизни...

...Человечество все еще не понимало, что Земля – живая субстанция, и потому не заметило, как Земля, ощутив человеческую цивилизацию на себе раковой опухолью, начала борьбу с ней. В местах массовых этнических, расовых или религиозных конфликтов участились землетрясения. Годовая температура окружающей среды во многих уголках Земного шара стала непредсказуемо колебаться. Это нарушало цепочку сезонных примет, важных при

выращивании продуктов питания. Как из помойного ведра на человечество выплеснулись эпидемии новых коварных болезней. Первой был СПИД. Но самым страшным стало растущее число маньяков, одержимых навязчивой идеей мирового господства на разного рода почвах: религиозных, этнических, националистических или милитаристских. С бешеной энергией вовлекали они государства в гибельный водоворот тотального террора против инакомысля. Здравый смысл заставил эти же государства начать борьбу с ними. И все едва не закончилось экологической катастрофой из-за применения в ряде случаев атомного и биологического оружия...

...Чтобы избежать гибели, человечество стерло границы, создало Единую Цивилизацию и все силы бросило на свершение Всеобщей Космоэкологической революции, призванной исправить допущенные ошибки. Но при этом о Земле, как живой субстанции, так и не задумалось...

...В космосе появились орбитальные станции второго поколения, которые обладали огромной энергетической силой. Их главное назначение было стать мощным орудием в глобальном изменении климата Земли, а заодно и других планет Солнечной системы. Человечество в связи с этим стало массово переселяться в колонии на другие планеты...

...И тогда Земля нанесла человечеству упреждающий удар. Появились ЗОМБИ — люди с тонкой психической и мутагенной системами, превращавшими их организм в совершеннейший механизм с любой точки зрения: физической, умственной и т. д., кроме одной — нравственной. ЗОМБИ патологически ненавидели людей, считая их виновниками нарушения гармонии всякого существа на Земле...»

3. Телекамеры внешнего обзора выдали на экран всю видимую с борта модуля панораму орбитальной станции. Диксон подумал и выпустил еще телезонд на длинном управляемом фале. Теперь стала видна и обратная сторона станции. Ничего угрожающего не наблюдалось, но от этого стало еще тревожнее.

В пилотном отсеке модуля наступила гнетущая тишина.

Влад первым не выдержал ее и громко забарабанил пальцами по панели стены.

Диксон поморщился.

Элюар ткнул Влада в бок. Тот понимающе кивнул и виновато потер пальцем переносицу.

— НуВжю идти на стаВнцию и провеВрить, кто таВам есть, — заметно волнуясь, сказал Олаф.

— На станции разумное, но враждебное нам существо, — Диксону было трудно поворачивать голову и он только скосил в сторону Олафа глаза.

— Я пониВмаю! И поВотому..

— Не перебивай! Станция теперь запечатана. Шлюзовой камерой не воспользоваться. Вскрывать лазером — значит погубить все там живое, или, не исключено, подвергнуться нападению. Нужен контакт, легальный, через люк.

— Я знаВю, как открыть стаВнцию извне.

Взгляды всех, кроме Элюара, который понимающе шурился, удивленно воззрились на Олафа.

– Я родился, – пояснил Олаф, – на таковой станции второго поколения, на орбите Юпитера. Мои мать и отец работали на ней. Я жил в космосе до девяти лет, когда с ними с одной станции на другую. Потом мать отвезла меня на Землю, год была со мной до своей.. смерти. – Олаф перевел дыхание. – Потом случилось несчастье. С отцом. Станция с бортовым номером ИСВ8 с которой я улетел на Землю и на которой оставался мой отец, внезапно ушла в глубокий космос. И исчезла.

Влад невольно присвистнул. На одном из мониторов большого экрана четко выделялся бортовой номер станции – ИСВ8

Диксон снова поморщился, то ли от боли, то ли от несдержанности Влада. Тот заметил это, покраснел и изо всех сил стал тереть переносицу. Сколько можно... вляпываться?..

– Право Олафа идти на станцию – бесспорное. Он знает тех, кто на ней есть. Его, надеюсь, помнят тоже. Нужен второй. Для страховки. Стыдно, но я не смогу, – щеки Диксона порозовели, взгляд беспомощно скользнул по лицам окружающих. – Кто пойдет?

Элюар, опережая подпрыгнувшего было в кресле Влада, мягко прижал его руку к подлокотнику.

– Пойду – я. Влад, как эколог, конечно, знает лучше, что нужно делать. Но он первый раз в космосе, а я – уже третий. И потом...

Элюар не договорил. Но командир в знак понимания и согласия прикрыл глаза. Влад засопел как обиженный ребенок, но возражать не стал. Командир и врач-психолог знали больше, чем он, и не стоило по глупому протестовать.

Одетые в жесткие скафандры, предназначенные для открытого космоса, Элюар и Олаф через двадцать минут выплыли из причального шлюза на двухместном космоглиссере. Постреливая огоньками дюз, понеслись в сторону антенн станции. Там находился, по словам Олафа, аварийный люк с внешним запорным замком. Такие люки были установлены на двух других станциях второго поколения, в том числе на ИСВ8 которая работала одновременно в поясе астероидов между Марсом и Юпитером.

Люк действительно оказался у антенн. Олаф открыл крышку замка и набрал шифр.

Элюар подумал, что Центр Спасательных Служб не зря послал Олафа с ними. Он знает станцию, как родной дом... Хотя же, черт возьми, это и есть его родной дом!

Люк стронулся с места и медленно отъехал в сторону. Внутри вспыхнул свет, и стал виден небольшой тоннель со следующим люком. Элюар потрепал Олафа по плечу и показал большой палец.

– Переходной шлюз исправен, – невозмутимо отметил Олаф вслух и вплыл в тоннель.

Элюар защелкнул карабин фала, закрепившего космоглиссер за антенну, и поплыл в тоннель следом за Олафом.

Плавающая вокруг настенной коммуникационной платы, Олаф одной рукой держался за скобу, другой манипулировал разноцветными кнопками. Входной люк закрылся. Но гравитатор не включился.

– Нет гравитации?!

– Нет. И не знаю, поВочему. Придется вклюВчатьмагниВтына подошвах. Олаф надавил на кнопки по обеим сторонам ботинок и прилип к полу. Его примеру последовал и Элюар.

– Хоть плавать не будем тюленями, а ходить, – проворчал он. – Значит, и атмосферы нет дальше в отсеках?

Олф взглянул на плату и покачал головой.

– Нет. Но почемуВтоесть в руВбкеупраВаения.

– Ты говорил, что в рубке зажигался свет. Значит надо идти туда. Люк этот входной можно открыть?

Олаф ткнул пальцем в плату, и второй люк переходного шлюза также медленно стронулся с места, отплыл в сторону. Открылся длинный кориВдор, тускло освещенный люминесцирующими стенами. Конец его пряталВся гдеВтоза поворотом.

Олаф, угловато ступая, быстро зашагал вглубь. Элюар улыбнулся про себя. Родной дом, ничего не скажешь! Ишь, как резво бежит!

Коридор казался бесконечным. Идти на магнитах было трудно. Пот сразу стал заливать глаза. А Олаф все ускорял и ускорял шаги.

Наконец коридор закончился, и пред ними открылось высокое сферическое помещение, скорее всего, каютВкомпания. Оно было заставлено мебелью, имело балконы с переходами, множество дверей и иллюминатов ров.

Но не это сразу приковало их внимание.

Спиной к ним, тесной группой, стояло неподвижно шесть фигур в скаВфандрах.

Первым из оцепенения вышел Олаф. Он осторожно шагнул в сторону фигур, обходя их стороной. За ним – Элюар.

Открывшаяся картина была ужасна. За прозрачным пластиком скафанВдров виднелись желтые лица людей с закрытыми глазами.

Они не спали.

Они были мертвы.

Элюар перевел взгляд на Олафа. Глаза его были широко открыты и неподвижны.

– Ты их всех знал?

– Да!

– Отца среди них нет?

– Нет!

– Об этом нужно доложить командиру.

И Элюар включил кнопку вызова модуля на кейсе космосвязи.

Каузальные диалоги:

1

– Вир! Ты не можешь так поступить!

– Сона! Я не могу уже ЭТОМУ противиться. И ты ничего не сможешь сделать.

– Вир! А что ЭТО даст тебе? Лично?

- Мне – ничего.
- А что даст нам?
- Разлуку. Но...
- А что даст Земле?
- Сона! Не смей... Прости... не знаю.
- Вир! ЧЕМ же ты будешь жить?!
- Надеждой! Сона! Не мучай меня!.. Я тебя прошу! Очень! Пожалуйста! Я не виноват! Наверно, это судьба, иметь ЭТО и... любить тебя! Сона! Я боюсь за тебя и Олафа! И потому вам нужно уехать со станции.
- С ней чтоВтослучится?
- Нет! И со мной нет! Но... я прошу тебя! Вам нужно уехать! Не бойся! Вам не будет грозить опасность. И я не умру. Я вернусь!
- К ЧЕМУ?
- К ЖИЗНИ!
- Я не увижу тебя больше.
- Мы увидимся. Обязательно. Береги сына...

2

- Вир отправил семью на Землю?
- Да, шеф! Пришло телесообщение. Завтра утром едем встречать ее в космопорт.
- НаконецВто! Проследить, чтобы Сона и ребенок встречались как можно реже. Найти ей соответствующую работу недалеко от нашей штабВ квартиры в Гималаях. Связь ее с Виром по космосвязи тоже свести до миниВ мума.
- Слушаюсь, шеф.
- И еще. После акции на ИСВ8Сона должна быть... ликвидирована.
- СВслушаюсь, шеф!
- Не делай таких глаз, идиот! Она – единственная сейчас, кто на Земле обладает способностью реабилитировать имеющих драгоценную для нашеВ го дела зомбированность! Понимаешь?
- Но наше обещание Виру, шеф?
- Он... не узнает об этом. Вернее, когда узнает, то уже пройдет много времени. И ему будет все равно. Мутационные изменения в его генах в косВ мосе станут необратимыми. Он станет настоящим ЗОМБИ...

3

- Шеф! Извините! Вы задумались. Чтение вашего обращения продолВ жать?
- ДаВд! Я должен его обязательно услышать со стороны. Продолжай!
- Гм!.. Мы не совершили ошибки, когда во время штурма нашей штабВ квартиры в Гималаях уничтожили генные карты и все видеоматериалы на зомбированных членов организации ортодоксов. Наоборот, это позволило сохранить в глубокой тайне наши основные силы. И вот уже два года, пусть медленно, но мы собираем силы для решительного удара по ненавистой

людской цивилизации. В глубоком космосе ждет нашего сигнала ИСВ8 Скоро, очень скоро Цивилизация получит смертельный удар и погибнет! И пусть парламент Единой Цивилизации подымает теперь вопрос о ненужности Всемирной Космоэкологической революции! Пусть носится с новой бредовой идеей о сотрудничестве с Землей! Это цивилизацию не спасет!»... Шеф! КтоВтозвонит!

– Я слышу!.. Алло!

– Шеф! Вы говорили на последнем совещании о начавшихся разработках методики гипнолечения имеющих зомбированность?

– Говорил! Ну и что?

– Вы помните дело о ликвидации Соны, жены главного пилота ИСВ8 Вира?

– Помню.

– Их сын остался жив. Агенты во время акции почемуВтого не нашли. Если она имела способность снимать зомбированность со своего мужа, то ею обладает наверняка и сын...

– Ясно! Нужно найти его, провести генную индивидуацию и найти конВтрметодику! Отлично! Детали операции разработать и доложить! Это приВказ! Действуйте!..

– Шеф! Чтение продолжим?

– Нет! Пока – отложим. Вызови ко мне начальника контрразведки...

4. (Из воспоминаний Олафа. За три года до рейса.)

Как трогательно то, что являет собой напоминание о прошлом! Не визуальное, как видеофильм, не вербальное, как звуковое письмо, а материальное: кусочек материи, локон волос, статуэтка, серебряная ложка, медальон или фотография...

Фотография! Олаф не считал себя сентиментальным. Он – естествоиВспытатель, путешественник, океанолог. Фотография, все знают, в его профессии – это документ! Фактический и достоверный! И совсем не напоВминание о пережитом...

И никто, никогда даже не мог себе представить, что этот скандинав Олаф, всегда спокойный и невозмутимый, может ночами плакать над маленькой помятой фотографией из удостоверения личности, совсем по детски шмыгая носом и вытирая скомканным платком лицо и рыхлые от слез губы. На фотографии была его мать...

В этот вечер Олаф засиделся допоздна в университетской библиотеке. Он читал... книги. Это было необычное занятие – читать текст не на мониторе, а на страницах, листать их, рассматривать иллюстрации! Оно напоВминало о детстве. Среди всяких игрушек у него тогда была настоящая книжка. Мамина книжка. Ей она перешла от мамы, то есть бабушки Олафа, которую он не помнил. Книга большая, с глянцевой обложкой, с яркими картинками, изображающими море, морские берега и морских животных. Как она завораживала! Ее страницы можно было погладить. И даже понюВхать! Они, эти страницы, пахли!..

Олаф, воровато оглянувшись, понюхал лежавшую перед ним книгу. Она тоже пахла! Правда, не так, как та, его, детская! Но все равно пахла...

Олафу захотелось увидеть фотографию матери. Он вытащил ее из портмоне, долго рассматривал в свете настольной лампы. Потом бережно спрятал, но не в портмоне, а в нагрудный карман. Поближе к сердцу.

Возвращался он домой, когда праздная полуночная публика уже стала заполнять улицы, днем чопорного и тихого, а ночами – блудливого и шумного городка на юге Англии... Не будем называть какого! Это было очередное временное пристанище Олафа в его скитальческой жизни. На нее он обрек себя с тех пор, как начал понимать, что в этом мире он – ОДИН! Ни отца, исчезнувшего в космосе, ни матери, погибшей в Гималаях... Олаф такие мысли обычно гнал прочь. Это он поспешил сделать и сейчас. К чему? Лучше о земном, обыденном...

Олаф шел по светлomu от витринной россыпи огней тротуару и мечтал о тарелке горячего супа, о стаканчике теплого красного вина...

Когда его в считанные секунды, грубо пригнув голову, вбросили в служебную машину с эмблемами службы космоасенизаторов, он даже сидя в неудобной позе между двумя амебоподобными телами в синих куртках с такими же эмблемами на рукавах, все еще продолжал думать какое-то время о супе, о вине... А дальше, будто вспышка, запечатлевшая в мозгу картинку: тонкая игла в плече, фотография матери перед глазами, возникшая под сердцем теплота. И, как в тумане, что-то нежное, словно глаза матери на фотографии. И потом голос, требовавший говорить, говорить... О чем говорить?.. Зачем говорить?.. Мама?! Почему.. о тебе спрашивают? Значит, ты жива?! И провал в темноту.

Очнулся он на больничной кушетке, похожей на зубо-врачебное кресло, но только с мягким матрасом, маленьким заборчиком по периметру и... игрушечной совой, висевшей над изголовьем на тонком металлическом удилище.

Превозмогая пересыпающуюся, как песок в бутылке, боль в голове, Олаф поднял руку и коснулся пальцами совы. Игрушка качнулась и обернулась к нему спиной. На ней он увидел карточку своей матери из удостоверения личности. Она была впаяна в пластиковый чехол и вделана в спину игрушки.

Олаф скосил глаза налево, потом направо. Он лежал под простыней. Голый. Кроме странной кровати в голубоватой комнате, где он находился, был только маленький столик с медицинским инструментарием и монитор.

За ним, видимо, наблюдали. Монитор ожил, и появилось привлекательное лицо молодой женщины, одетой в белый халат.

– Месье Олаф! Как вы себя чувствуете?

– Хорошо...

– Как ваша нога?

– Какая... нога?

– Левая.

Олаф шевельнул ею и почувствовал, что она его плохо слушается.

– Ничего.

– Болит?

- НВѣ знаю.
- Немеет?
- НВѣт. Слушается... плохо.
- Это не страшно.
- А что... страВшнѣ?
- Если бы были боли.
- ПровСтите. А что со мной?
- Вам объяснят. Вы готовы к визитам?
- Да.
- Хорошо. К вам сейчас зайдут.

Монитор погас. Раздался щелчок, и в противоположной стене открыВ лась дверь.

В комнату вошли двое в белых халатах. Один чернокожий и лысый, друВ гой белокожий и с рыжими лохмами до плеч. Они сели возле Олафа на пластиковые табуреты, вынутые изВюд кушетки Олафа.

Чернокожий (видимо старший) представил себя и спутника, подтвержВ дая сказанное удостоверяющими карточками. Это были сотрудники СБЕЦ, Службы Безопасности Единой Цивилизации. Так был назван созданный на Земле два года назад Всепланетный альянс европейских, азиатских и амеВ риканских стран для завершения Всеобщей Космоэкологической революВ ции.

– Господин Олаф! Чтобы не тратить лишних слов на объяснения, мы сначала покажем вам пленку.

С этими словами он щелкнул пультом, взятом со столика с медицинВ ским инструментарием. Монитор засветился, и Олаф увидел сначала себя плывущего в лодке по Амазонке – месту своей последней экспедиции, а потом идущего по коридорам Института Океанографии. И вдруг увидел себя бредущего по вечерней улице. Стоп! Это было... Где же это было?.. Вот рядом с ним остановилась машина с эмблемами космоассенизаторов. Его хватают, грубо запихивают в машину. Вот она мчится по освещенным улиВ цам черным жуком. Сворачивает на дорогу, ведущую за город. Исчезает в темноте. И возникает вновь в оптике ночного видения, уже на лесной дороВ ге. Вдруг она резко останавливается перед лежащим поперек дороги дереВ вом. Вспышки выстрелов. Машину окружают фигуры в форме агентов СБЕЦ. Выносят его, Олафа. И тут машина взрывается. Весь экран в пламеВ ни. И дальше Олаф видит себя, всего окровавленного, в вертолете. У него нет левой ноги. И затем... в этой голубоватой комнате на странной койке. Уже с ногой.

- Господин Олаф! Вам все понятно?
- Да, то еВсть нет! Зачем меня похиВщали?
- Вы узнаете об этом. Но позже. Сначала нам нужно, чтобы вы расскаВ зали все, что помните, о своей матери.
- Почему у всех такой иВингерес к ней?
- На это есть причина. Но о ней тоже, чуть позднее. Сначала – ваши воспоминания. Иначе другие разговоры могут повлиять на них. А они должны быть чистыми, поВнастоящему вашими.

Олаф всмотрелся в глаза темнокожего. В них была терпеливая доброта и

такая поВедски неумная жажда терзать Олафа расспросами, что он неоВжиданно для самого себя улыбнулся.

– Мы как в деВетском саду. У вас больше вопроВов ко мне, чем у меВеня к вам.

– Не ошибаетесь. Но, пожалуйста, – к главному делу!

– Мои воспоВоминания – главное дело?..

– Вы невежливы, господин Олаф. За вами охотились зомбиВоргодоксы. Мы спасали вам жизнь. Трое агентов при этом погибло...

Олаф ощутил жар на щеках. За всем, что было связано с его матерью, стояло чтоВю нешуточное. Зомби стали известны всей планете два года назад после разгрома штабВквартиры ортодоксов в Гималаях. Они создали подпольную террористическую организацию, лозунгом которой провозВгласили: «Смерть цивилизации!» Олаф отвернулся. Долго молчал. Гости сидели, терпеливо помалкивая.

Но вот глаза Олафа заискали игрушечную сову. Предугадывая его желаВние, чернокожий дал знак своему рыжеволосому спутнику, отцепил сову и протянул ее Олафу. На ощупь игрушка была мягкой, капроновоВнежной. Синие глазаВпуговицы были как живые, смотрели твердо и изучающе. Рыжеволосый между тем, выполняя немой приказ напарника, ловко приВкрепил к голове Олафа четыре датчика – два на лбу и два за ушами. Олаф, не обращая на него внимания, повернул игрушку и посмотрел на фотограВфию. «Медальон или брелок? Нет, скорее всего...»

Олаф плохо помнил, что было у него в детстве. Все какВтоотрывками, как мазками серой кистью по цветному полотну памяти. Это была не амнеВзия! Нет! Скорее всего, это была попытка мозга избавиться от пережитого кошмара, связанного с гибелью матери через год после прилета на Землю из глубокого космоса. Навсегда также в его детской эмоционально – виртуВальной памяти запечатлелись картинки удаляющегося борта станции с опознавательным знаком – «ИСВ», подлета к голубому шару Земли и полета земным аэробусом над Гималайскими горами. И еще – лихорадочВный шепот матери: «Сынок! Помни! Что бы не случилось! Что бы тебе не говорили об отце! Он – не виноват! Слышишь? Это – судьба...» Последние слова так и остались им до сего дня не понятными...

В Гималаях он стал видеть мать реже. Она работала целыми сутками на станции видеослежения за атмосферными изменениями планеты. Его отдали в детский круглосуточный сад. О небо! Это не был «САД» в его понимании, то есть деревья, плоды, о которых ему рассказывала мать там, на «ИСВ». Нет! Были высокие горы, были стремительные реки, такие преВкрасные и совершенно незнакомые, и еще были... роботыВньюки, соверВшенно такие, как на станции! С точки зрения маленького человечка, входяВшего в земную жизнь после космоса, всего этого было недостаточно для самоутверждения!..

Олаф почувствовал, как датчики, закрепленные на его голове, стали теплеть. На мониторе возникли голограммы его воспоминаний, созданные инферентными волнами его мозга...

В тот, последний, раз мать забрала его из «САДА» раньше обычного. Но поехали они не домой, а в горы. У подножья одной из них оставили машиВ

ну, взяли из багажника большую дорожную сумку и стали подниматься вверх по узкой тропинке. Раза два отдыхали, ели бутерброды на маленьких террасках. Когда добрались до большой, мать вытащила из сумки и надела на него теплую куртку. Потом достала из кармана мобильный телефон, кому-то позвонила и... выбросила его в пропасть. Туда же швырнула и дорожную сумку. И сразу, почти бегом, потащила Олафа в гору. В куртке тут же стало жарко. Олаф заворчал было, но, видя, как мать сама надсадно хваивает воздух широко открытым ртом и тревожно оглядывается, замолчал и сам стал оглядываться. Где-то далеко внизу он скоро заметил две фигуры, одетые в черное. Они карабкались вслед за ними...

— Что вам сказала мать об этих людях? — неожиданно спросил рыжеволосый.

— Чтобы я их остерегался! — сразу ответил Олаф.

Воспоминания захватили его. Он не замечал ни монитора, на котором они беззвучно воплощались в телекартинки, ни присутствовавших. Он проживал снова то, что ушло в глубины памяти, проживал зримо, ярко, попирая истину древних мудрецов о невозможности войти в одну реку дважды...

Вот они прячутся с матерью в расселине. Она вытирает со своих щек не то капли пота, не то слезы. Потом прижимается губами к его щеке, что-то шепчет. На мониторе картинка без звука, но ее слова как гром зазвучали у него в ушах.

— Сиди тихо. Не выдавай себя. И ничего не бойся. Тебя спасет... — она не договаривает, тревожно смотрит вниз.

Потом почти беззвучно, одними движениями губ говорит ему в ухо:

— И помни — отец не виноват... Все было вне его воли... И нашей. Это — судьба...

Мать целует его в лоб, словно благословляя, и уходит вверх, по тропе. Сама.

Через несколько мгновений мимо него вслед за ней проходят фигуры в черном. Олафу ужасно хочется запустить в них камень. Но он этого не делает. Мама сказала сидеть тихо. А потом он слышит короткий вскрик. И две фигуры появляются снова. Они движутся медленно, словно что-то или кого-то ищут. Олаф замирает...

На мониторе тоже замирает картинка. Фигуры некоторое время неподвижны, потом оживают и медленно уходят вниз по тропинке. Память нельзя остановить. Она, как по рельсам, цепко ведет зрительные образы по пройденному и пережитому...

— Господин Олаф! Очень важно! Вспомните свои ощущения! Почему они вас не нашли? Для зомби это ведь исключено! Что вас спасло?!

Олаф вытирает градом катящиеся по щекам слезы, которых он до этого не замечал. И этим словно стирает картинку на мониторе из своего далекового детства. Дважды вошедший в реку в ней все-таки остаться не может...

Олаф смотрит на агентов. Он понимает их волнение, понимает, как важен им его ответ. Машина, даже самая совершенная, не обладает эмоциональной памятью, самой сильной и точной у человека, и потому никогда не передаст всего того нового и необъяснимо важного, что было у его

матери, а значит, есть и у него. Он должен объяснить это. ЭТО тогда спасло ему жизнь! А значит, может спасти жизнь другим...

Олаф переводит взгляд на фотографию матери.

— Они прошли рядом как слепые. Я видел их лица. У меня было ощущение, что меня спасает сама Земля.

5. По штатному расписанию экипаж станции второго поколения ИС состоял из семи человек. Тел было шесть.

— Нужно искать седьмого, — сказал Элюар, закончив сеанс связи с модулем. Олаф посмотрел на него невидящими глазами.

— Нужно искать твоего отца, — поправился Элюар.

Олаф кивнул и пошел к одному из переходов.

— Ты куда?

— В рубку управления.

— Подожди. Я доложу об этом командиру.

Попали они в рубку управления только после прохождения шлюзовой камеры. Защита станции от утечки атмосферы здесь функционировала исправно.

Рубка представляла собой кубическое помещение с огромным экраном внешнего обзора — отключенным, и пультом управления — включенным. Светились сигнальные и аварийные лампы. Но в рубке никого не было.

Щелкая магнитными подошвами (звук стал слышен — появился воздух), Олаф и Элюар обошли рубку, остановились перед экраном внешнего обзора.

— Что будем делать? — Олаф взялся за застежку шлема, собираясь его снять.

— Не снимай! Вызови модуль на экран сперва!

— ПоВнял.

Олаф пощелкал тумблерами на пульте управления — экран не загорался.

— Нет свяВзи.

— Вижу. Продолжим поиски. Начнем с жилых кают.

Не успели они повернуться к выходу, как экран засветился, и на нем возникло изображение модуля. Вплеск помех — и картинка сменилась. Элюар и Олаф увидели пилотный отсек модуля, а в креслах — корчившегося от удущья Диксона и неподвижно сидевшего с запрокинутой головой Влада.

— На модуль! Скорей! — закричал Элюар.

Но тут на стене рядом с пультом управления неожиданно разошлись створки потайного люка, и в его зеве открылся черный лик глубокого космоса. Тут же из пространства рубки одним хлопком вылетел воздух. Но еще более неожиданным стало появление в черном зеве люка летящей фигуры в таком же скафандре, что и те шестеро в каютВюмпании. Вспышка выстрела полетного бластера — и фигура мастерски опустилась на край люка. Свет аварийных ламп и экрана упал на прозрачный пластик его скаВфандра.

— ОтеВец — крик Олафа ворвался в наушники скафандра Элюара.

Вот он — седьмой! Живой и невредимый! Хотя, стоп! Что это он, седьмой, делает?

Увернувшись от объятий Олафа, фигура обхватила его сзади за туловище, оторвала от пола и, не давая прикоснуться к нему магнитными подошвами, толкнула Олафа в зев люка.

– Стой! Не смей! Куда ты его? Дьявол!

В отчаянном броске, сам едва не зависнув над полом, Элюар поймал за ногу медленно улетающего в люк Олафа.

Фигура между тем отступила к пультам, прижалась к нему спиной, подняла свой полетный бластер (боевого, видно, не было) и нажала на спуск.

Огненная струя, пущенная меткой рукой, выбила из руки Элюара ногу Олафа. Вторая огненная струя вышибла беспомощно вертевшегося в проем странстве Олафа в космос. Третья струя вмяла Элюара в дальний угол рубки.

Сунув полетный бластер в кобуру, фигура сняла с пояса кейс портативной космосвязи, что-то переключила на его минипульте, повесила кейс на место и двинулась к Элюару, поигрывая неизвестно откуда вытасканными наручниками. За прозрачным пластиком скафандра немигающе смотрели жестокие глаза, сулившие смерть.

6. (Из воспоминаний Влада. За год до рейса.)

Влад был переведен после третьего рапорта в оперативную группу агентов СБЕЦ как штатный эколог-корректор из своего реабилитационного центра только по одной причине – он был молод и в хорошей спортивной форме. Начальник центра так и сказал, изучив предписание: «Тебе твои умения, если и понадобятся, то все равно, форы агентам ты не дашь. Но вот неумение бегать – это незачет нашему центру и стыд и позор тебе, Влад! Вот так! Спорт всегда и везде был, есть и будет в цене!..» При этом начальник центра вздохнул и незаметно втянул живот.

Влад ничего не ответил, только смешливо потер переносицу.

Работа в центре была рутинной: сотни регистрационных карточек, сотни просмотров видеозаписей, сотни однообразных реабилитационных бесед... Нет, ему его работа нравилась! Но душа жаждала действий, настоящей борьбы! А настоящая борьба с ортодоксами, штабквартиру которых в Гималаях штурмовал еще его отец, была давно позади. Ортодоксов зомби, ушедших в подполье, сейчас быстро выявляют и нейтрализуют. Оставшиеся в живых проходят реабилитацию в таких центрах, как его. По-моему они несчастные люди. Но от них нельзя откеститься. Они тоже люди, чьи-то близкие родственники. Им нужно помогать! Но... лучше не в кабинете! И Влад начал, правда, в тайне от начальника центра, писать рапорта. Только после третьего его вызвали в кадровый отдел СБЕЦ, тщательно протестировали и выдали предписание для перевода.

Начальник центра заметил жест Влада и обиделся. Он был патриотом своего центра, куда пришел в шестнадцать лет помощником санитара худым длинноволосым подростком, а спустя десять лет стал его начальником и превратился в лысоватого толстячка, не очень дружившего со спортом и очень болезненно это переживавшего. Он молча подписал заявление Влада о переводе и, не глядя, подал ему. Тот почувствовал, что краснеет.

Мальчишка! Восемнадцать лет уже, а все как... Потому и Дана с ним рассталась!.. Мелькнувшее воспоминание о Дане заставило Влада еще больше покраснеть. Это ведь по его мальчишеской глупости они так крепко поссорились...

В тот день Влад был старшим дежурным по блоку стационарных палат реабилитации колонистов из дальнего космоса. Она, Дана, как медсестра реанимации, была с ним в одном звене. Дежурство в этот раз выпало сложное. Солнечная активность вызвала возмущения электромагнитных волн по всей Солнечной системе. Это, естественно, вызвало много всякого рода аномалий. Особенно много было психогенных рецидивов зомбозависимости. Влад был в шоке! Такого не наблюдалось ни разу с тех пор, как была создана два года назад методика гипнолечения зомби! Почему? Кто в верхах Единой Цивилизации что-то упустил? А что?!.. Никто не знал. Но всему звену пришлось работать в поте лица. В конце смены, при передаче дежурства, Влад подал (ну не заметил, замотался!..) незарегистрированной генную карточку одного из пациентов. Дана заметила (пациент был под ее наблюдением) и подняла тревогу. Влада тут же вызвали «на ковер» как старшего. Влад, спешивший домой, чтобы приготовить свой «холостяцкий» угол к свиданию с Даной (настоящая причина забывчивости Влада!), даже опешил. Ну что за дурацкая принципиальность! Ведь эту карту следующая смена обязательно зарегистрирует!.. Дана осталась непреклонной. Влад вспыхнул и ляпнул что-то глупое. Дана промолчала, но так посмотрела, что у Влада все слова в секунду иссякли. Иссякли с тех пор и их встречи. Но не иссякли чувства... Вот и сейчас они присутствовали с ним...

Еще до перевода в СБЕЦ, он решил, что не будет искать встреч с ней до тех пор, пока... А что «пока», он и сам не знал! Но по мальчишески представлял себе, как на новой службе совершит что-нибудь... героическое! И она поймет, что он другой! Дальше мечты Влада обычно приобретали бессвязный характер, где он и Дана... Впрочем, они мирились и были счастливы!

Так было и в этот день, спустя три месяца после ухода Влада из реабилитационного центра, когда он с напарником пришли под видом жилищных электриков по указанному на утреннем совещании адресу проводить генную индивидуацию. Он, как обычно, стал рисовать себе какие-то героические картинки. Напарник, опытный агент, сразу сердито оглянулся на него, почуввав в шаге Влада беспечность. Влад виновато улыбнулся, потер переносицу и поправил на плече ремень компьютерного дозатора, замаскированного под сумку электрика.

Задача была штатной – определить степень зомбированности проживавшего по указанному адресу. Дверь им открыл на вид совсем мальчишка, хотя по доске это был тридцатилетний мужчина. Не задавая лишних вопросов, он сразу проводил визитеров к коммуникационному щиту и, пряча глаза, также молча ушел в другую комнату. С дозатором работал Влад. Напарник делал прикрытие, копаясь в щите. Образцов запахов и отпечатков пальцев жилья было предостаточно. Не хватало для аналитического блока чего-то сугубо личного, например, волоса. И Влад отправился на поиски этого личного. Увлёкся он так, что не заметил появления хозяина.

Опомнился, когда увидел перед носом ноги, обутые в домашние шлепанцы. А через секунду, подняв голову, и... черную дырку ствола пистолета.

Несколько секунд все молчали. Синие глаза хозяина квартиры поВзминому были неподвижны и ничего хорошего не сулили.

«Два выстрела – две дырки... И все! И нет героя... Стоп! Почему он приВ ставляет к виску пистолет?..»

Ровный и бесстрастный голос произнес более чем странную фразу:

– Ваша смерть и моя смерть – это не смерть Земли. Но смерть Земли – это и мой, и ваш конец. Земле угрожает КОНЕЦ! Я не хочу этого видеть и быть...

И тут же гулко ударил выстрел.

Влад зажмурился.

Стук упавшего тела был мягким и тихим.

Оглушительной стала наступившая тишина.

– Ты чегоВнибудь понял? – хрипло спросил напарник.

– Не совсем. Но он словно казнил себя... – ответил Влад, с ужасом глядя на растекавшуюся лужу крови.

7. Звон в ушах пробудил гаснущее сознание Влада. Он открыл глаза и увидел Диксона. Посеревшее лицо, выпученные глаза, судорожное, как и у него, дыхание – это был признак разрезающегося в пилотном отсеке воздуха. Влад, напрягая все оставшиеся силы, шевельнулся и почувствовал в затылке острую боль. Нападавший был, явно, профессионалом – отключил его с одного удара. И экран отключил. Если бы не звон в ушах от прилива крови... Дьявол! У командира закрываются глаза! Быстрее маску – воздух уходит очень быстро!..

Портативный противогаз с жесткой пневмомаской обычно достается из подлокотника легко. Но как это трудно сделать сейчас, когда такая боль!..

Живительная струя кислорода ослепительной вспышкой ударила в мозг, на секунду выключив его. В следующую Влад уже был на ногах и надевал маску на лицо Диксона. Сквозь плексиглас было видно, как серость на лице командира сменилась бледностью. Затем на скулах заиграл румянец.

Диксон открыл глаза.

– Командир! Ты видел, кто это был?! – голос Влада под маской звучал глухо.

– Видел.

– Он... ЗОМБИ?

– Похоже.

– Не дай бог были бы живы все остальные!

– Верно. Но и сейчас дела не лучше. Экран мертв – и мы слепы. Правда, бортовой компьютер он скорее всего просто отключил. Видно, орбитальная станция серьезно повреждена, и ему нужен модуль.

– А почему разрезается воздух?

– Открыт выход в космос без шлюзовой камеры. Система самогерметизации не справляется. Воздух в модуле разрезается, но полностью не исчезает. Все системы модуля должны быть работоспособны. А мы – погибнуть!

– Ты смотри, все предусмотрел!

– Сейчас посмотрим! Включи клавишу СОСВИН. Модульный компьютер должен блокировать отсеки, связанные со шлюзовой камерой.

Влад, преодолевая боль в затылке, дотянулся до панели и дрожащей от слабости рукой нажал нужную клавишу. Она загорелась зеленым светом. Компьютер сработал – послышался свист прибывающего воздуха.

Влад сорвал маску, глубоко вздохнул. Потом помог снять маску Диксону.

– Отлично, – сказал тот, переводя дыхание и поправляя повязку. – Значит, и экран внешнего обзора должен работать.

Влад нажал следующую указанную Диксоном клавишу. Экран сразу засветился, мгновенно выдав картинку борта станции.

– ХВа! – Влад от радости прищелкнул пальцами. – Командир! Это – его второй прокол!

– Это не прокол. Экран отключился перед тем, как ты пришел в себя. Этот... управляет им через портативную связь. Включение его он может увидеть на своем пульте. Поэтому опасность не миновала. Посмотри на экран. Видишь, на рубке управления станцией отверстие?

– Вижу. Люк. Его же не было!

– Верно. Надень скафандр. Этот, что ударил тебя, минуту назад проник через него во внутрь станции...

– Я все понял!

– Еще не все. Я видел, как из этого люка был выброшен в космос Олаф. Значит, Элюар в опасности. Выйди в космос. Только через аварийный люк! И на виражире – лети туда. Его надо обезвредить! Только осторожно!.. Ты же знаешь...

– Да, знаю.

– Удачи тебе. Все теперь зависит от тебя.

Система герметизации в боксе, где хранились скафандры, была исправна. Влад бросил в рот несколько таблеток транквилизатора, чтобы снять боль и восстановить силы, влез в скафандр, пристегнул к плечам виражир и вошел в шлюз аварийного выхода.

Выплыв в космос, Влад понял причину разгерметизации модуля. Люк главного входа был приоткрыт. Нападавший, пользуясь вызванной суматохой во время причаливания модуля к станции, лазерной пушкой (замки люка были характерно оплавлены) вскрыл и заклинил его, а потом проник внутрь.

Какая силища! Такое сделать – и в одиночку! На такое, точно, способен только ЗОМБИ!.. Ну все, теперь к новому люку на рубке станции!

Прицелившись, Влад одним включением виражира придал телу нужное направление и через секунду опустился на край нового люка.

Прибыл он, точно, вовремя!

Неизвестный (это был тот самый нападавший – силуэт его четко отпечатался в угасавшем сознании Влада после нанесенного удара) пытался в безжалостной схватке снять шлем со скафандра Элюара, прикованного наручниками к настенной скобе.

Влад, стараясь осторожно ступать, хотя в безвоздушном пространстве звука не было слышно, приблизился к борющимся, доставая из коленного кармана кумулятивный шприц-пистолет с мгновенно парализующей зомб-вакциной.

Контактный укол был бы эффективней. Но зная, что у ЗОМБИ феноменальное чутье к опасности, Влад спустил курок, не подходя двух шагов и целясь в предплечье, где ткань скафандра была без металлических прокладок.

И правильно сделал!

В момент выстрела ЗОМБИ, еще не оборачиваясь, уже насторожился. А получив укол, мгновенно выхватил из кобуры и с полуоборота успел выстрелить из полетного бластера.

Сбитый с ног огненной струей, Влад кувырком вылетел в космос. Вслед за ним выплыл, ударившись о стену после выстрела, уже парализованный ЗОМБИ.

Включив виражир, Влад вернулся в рубку, подхватив по дороге за ногу уплывающего в космос ЗОМБИ.

Элюар обессилено колыхался у стены и неуклюже дергал руками, безуспешно пытаясь освободиться от наручников. Увидев Влада, буксирующего ЗОМБИ, громко присвистнул.

– ФьюВю! Я сплю или мне...

– Не спишь. Это он – спит!

– Вакцина?

– Конечно.

– Значит – ЗОМБИ?

– А ты сомневаешься?

– Мысли не было! Это – отец Олафа!

– Печально. Нужно лететь за ним.

– Ты все видел?

– Нет. Командир видел. На экране модуля.

– Командир жив?!

– Жив... В общем, я за Олафом.

– Да, конечно! Код поискового сигнала – 707.

– Знаю.

– Подожди. Помоги снять наручники.

– Вот ключ. Сними сам. И одень их на эту... куклу. Надо спешить за Олафом!

– Верно. Удачи тебе, Влад! Ты – молодец... Тобой будут гордиться!

Влад почувствовал, как у него загораются щеки. Неужели Элюар что-то знает о Дане? Откуда? Влад по привычке хотел почесать переносицу, но ткнулся пальцами в гермеперчатках в пластик скафандра, совсем смутился и поспешил отключить магниты на подошвах, оттолкнуться и выплыть в космос. Уже там он настроил радар поиска на нужную волну, дождался ответного сигнала скафандра Олафа и включил виражир.

Станция с пристыкованным модулем быстро удалялась. Бездна космоса со своей россыпью звезд, словно пелена, окутывала все ощущения. Полет длился уже минут десять. Станция с модулем превратилась в небольшую точку. Влад со все нарастающим напряжением всматривался вперед, пытаясь уловить во мгле пространства отблески скафандра Олафа.

И вот наконец из пучин мрака, как пылинка, вынырнула кувыркающая фигурка, которая стала быстро приближаться.

Заложив вираж, Влад растопырил руки и крикнул в микрофон:

– Олаф! Погаси вращение!

Олаф не ответил.

Жив ли он? Не хотелось думать о худшем.

Влад изловчился и ухватил Олафа за плечи, придав ему ускорение своего тела.

– Олаф! Ты живой?

Влад прижался плексигласом своего шлема к плексигласу шлема Олафа. Несколько капелек жидкости плавали перед его лицом. На кончике ресницы правого глаза дрожала точно такая же. Широко открытые глаза были неподвижны.

– Олаф! Что с тобой?

– Я встреВтилотца...

Капелька сорвалась с ресницы и поплыла среди других.

Влад наконец понял, что это слезы, и почувствовал как у него самого чтоВтостало плавиться в уголках глаз.

8. Орбитальная станция ИСВ8 была сильно повреждена при столкновеВнии с астероидом. Почему произошло столкновение, никто не понял. Такие станции обычно оснащались автоматической системой слежения и уклонения от летящих в космосе объектов. К тому же сама ИСВ8 до ухода в глубокий космос десять лет находилась в поясе астероидов между Юпитером и Марсом и ни разу тогда эта система не подводила. Непонятной была и смерть шестерых членов экипажа. Скорее всего, они приняли ее доброВвольно после включения сигналов бедствия. Этим самым весь оставшийся запас воздуха (система регенерации его на станции тоже была уничтожена) достался седьмому члену экипажа, старшему пилоту Виру, отцу Олафа. Такое предположение высказал Влад, проверив баллоны с воздухом в скаВфандрах погибших – они были пусты. Причина же агрессивности Вира была понятна: он был ЗОМБИ, он выполнял приказ, как и его товарищи, любой ценой доставить станцию к орбите Земли, чтобы... Дальше было совсем непонятно! Чтобы что? Захватив модуль, отремонтировать станВцию? Одному это не под силу было бы, судя по полочкам оборудования. Буксировать станцию? Но это займет в три раза больше времени, чем самоВстоятельный перелет. Да и станция тогда, как боевая единица, в использоВвании теряет всякий смысл. И потом, приказа о возвращении и начале боевых действий отдать было некому. Тайной организации ортодоксовВ зомби уже не существовало!..

Оставив тщетные попытки найти ответы на возникавшие все новые и новые вопросы, экипаж модуля занялся консервацией орбитальной станВции и оснащением ее наружным спецоборудованием для инерционного полета в сторону Земли. Тела шестерых мертвых членов экипажа поместили в изоляционный блок модуля. По прибытии их кремируют и похоронят в земле: об этом мечтает каждый космонавт! Вира поместили в дельтаВкресло, предназначенное для анабиоза, и вывели из парализации. Но прежде, чем погрузить его в анабиоз, Элюар предложил провести первый этап реабилиВтационного гипноза – контакт с родственником, то есть с сыном Олафом.

ДельтаВкресло поместили посередине пилотного отсека. Из него виднеВлась только голова Вира с закрытыми глазами. Сжатые в тонкую полоску губы его застыли в страдальческом изломе.

Влад и Диксон сели на свои места. Элюар встал возле дельтаВкресла, а Олафа усадил на стул перед ним.

– Ты прежде хотел о чемВтоспросить, Олаф?

– Да.

– О чем?

– ПоВочему.. он... хотел заВахватить модуль и нас униВичтожитВ?

– Не знаю. Исполнял приказ. Старый приказ. Или готовился мстить...

– КоВому?

– Наверно, нам – людям.

– За что?

– Он – ЗОМБИ! Последний в нашей Солнечной системе ЗОМБИ!

– И он навсегда остаВается зомби?

– Нет. Его реабилитация наступит быстрее, если ты ему поможешь...

Олаф зажмурился и какВтопоВдетски, со всхлипом, вздохнул. По лицу Вира словно пробежала волна. Он вдруг открыл глаза. Зрачки беспокойно задвигались, чтоВтоотыскивая.

– Смотри! Он тебя почувствовал! – голос Элюара чуть не сорвался на крик.

Олаф привстал со стула и сел снова. Точки зрачков Вира в упор уставиВлись на него. Прошло несколько секунд. Губы Вира разжались. Послышался вздох, и голос, тихий и дрожащий, с жалобными нотками, произнес:

– Олаф! Как ты вырос! А Саны... нашей мамы, – нет! – маленькая капелька, оставляя мокрую дорожку, скатилась по щеке, задержалась на скуле и исчезла за воротником с эмблемой космоассенизаторов на отвороте. Влад, как и все, следивший, обмирая, за происходящим, внимательно взгляделся в эту старинную для него реликвию еще времен молодости его отца и вдруг порывисто наклонился к уху хмуро сидевшего Диксона. То, что он прошептал командиру, видно, вызвало и у него удивление и такое же внимание к эмблеме. На ее овале, в обрамлении всяких завитушек, был отчеканен космический корабль, внешним видом очень напоминавший их спасательный модуль. Но это был старый мусороуборочный космический модуль, так называемый орбитальный «пылесос», снятый с вооружения в космических уборочных службах еще года три назад.

– Ты думаешь, что... – Диксон еще больше нахмурился.

– Конечно! Он перепутал нас со своими! Ну, с этими... зомби!

Диксон исподлобья глянул в сторону дельтаВкресла и вдруг ругнулся так, что Влад прикрыл рот ладонью, чтобы не прыснуть со смеху от удивлеВния. Ну и ну! Вот это словарный запас у командира!

Вир, все так же не отрывая глаз от лица Олафа, продолжил:

– Я всеВтаки, – тень улыбки скользнула по его лицу, – обманул... всех и не отдал станцию... Нет, не всех! Не обманул Сону! СоВну! – взгляд Вира потеплел. – ЖеВну... мою! Она мне верила, верила, что я не... зомбирован... Судьба нас разлучила... Но она вернулась!.. Эти глаза! Эти глаза! Я жил надеждой их увидеть и сказать, что я... люблю эти глаза! Самое дорогое, что у меня... было!

Силы оставили Виру, и он замолчал, все так же не отрывая взгляда от Олафа.

Элюар, внимательно следивший за выражением лица Виры, повернулся к Олафу и кричащим шепотом сказал:

– У тебя глаза, как у твоей матери! И у него установка на зомбированность теряется! Смотри ему в глаза! Скажи третий тест гипнотической формулы реабилитации! Помнишь? Как я тебя учил? Для родителей!

Олаф дрожащими руками поправил воротник куртки, набрал полную грудь воздуха и негромким голосом, мягким и четким, не растягивая слов, проговорил:

– Я, как и ты, – частица Земли. Я, как и ты, – землянин. Ты – мой отец. Я – твой сын. Я – помню тебя. Вспомни меня. Я – твоя кровь. Мы – одной крови. Я – люблю тебя...

Наступившая следом пауза показалась всем оглушительной.

Вир вдруг закрыл глаза и весь как втообмяк.

Олаф растерянно оглянулся на Элюара. Тот улыбнулся и показал большой палец.

– Все в порядке. Он – возвращается!

И нажал кнопку анабиоза.

Дайджест 3 из последних записей Элюара:

«...Земля – постоянно эволюционирующая живая субстанция. Эволюционирует она в русле тотального здравого смысла...»

...Один из постулатов тотального здравого смысла – не суди, и судим не будешь. Цивилизованный человек этот постулат постоянно грубо нарушал. Он возомнил себя судьей всяк сущего на Земле и лишился в итоге изначального материнского инстинкта – беречь самую жизнь. Вслед за этим он утратил краеугольный камень духовности всей земной сущности: терпимость и прощение. И чуть не погиб...

...От физической гибели человечество убереглось, создав Единую Цивилизацию. Но в русло земного тотального здравого смысла не вернулось. Наоборот, вовсе перечеркнуло постулат «не суди, и судим не будешь». Человечество собралось проводить Всеобщую Космоэкологическую революцию, в корне враждебную Земле и космосу...

...Терпение Земли – живой субстанции – исчерпалось! И пришли КОНЦЫ! Появились ЗОМБИ, призванные уничтожить человечество, как раковую опухоль!..

...О, мудрая Земля! Когда и ЗОМБИ переступили грань своего предназначения: вернуть всяк сущему на Земле эволюционную гармонию жизни, – пришло НАЧАЛО! Как свет в конце тоннеля было спасение Олафа от ЗОМБИ! Этим Земля дала зеленый свет пониманию, что только СОТРУДНИЧЕСТВО всех и вся с ней вернет человеку способность полностью возродить себя полноценной клеткой живой субстанции Земли! А значит, и Вселенной!..

Эпилог

Спасательный модуль СЗВЮ подлетал к Земле. Голубой шарик планеты веселой новогодней игрушкой мерцал на экране пилотного отсека в звездных россыпях космической бездны.

Программа полета модуля была завершена – орбитальная станция второго поколения ИСВ8 исчезнувшая в глубоком космосе тринадцать лет назад, была найдена и направлена к Земле в инерционном полете. Обнаруженный на ней ПОСЛЕДНИЙ ЗОМБИ нейтрализован. А это означало, что на Земле завершилась последняя фаза ПОСЛЕДНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ людей. Человечество вступило в начальную фазу ЭРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА с Землей. Оно возвращалось к первому и, пожалуй, единственному, что могло дать людям вселенскую защищенность, – к голоВ су Земли в своем сознании.

Об авторе

Родился в 1954 году в Калининградской области. Окончил Кировоградский педагогический институт. Автор книги «Фантом журавлика», вышедшей в издательстве «ВестЮ Консалтинг» в 2010 году. Член редколлегии журнала «Иные берега» (Хельсинки). Живет в Финляндии.

Сергей Красносельский

День первый

«И был день, и была ночь — день первый»

Последний день восьмого месяца нашего пребывания здесь подошел к концу. Мы с Дейвом стояли в нашем саду, хотя пора было уже завершать дневную программу и идти отдыхать. Но у меня такое чувство, что мне нужно еще что-то важное выяснить сегодня...

— Мы болтаемся здесь уже восемь месяцев, а конца по-прежнему не видно... — Я мельком взглянул на Дейва, чтобы уловить самую первую реакцию на свои слова. Вряд ли я добивался, чтобы он начал снова меня убеждать, скорее просто захотелось «размяться». Дейв помолчал, ему вторазмиваться явно не хотелось. Потом заговорил бесстрастно и размеренно.

— Предстоящий эксперимент первое предприятие подобного масштаба в истории Человечества. В то же время сложность его такова, что предусмотреть все возможные последствия практически невозможно... — Я посмотрел на него в упор, и он осекся. — Зачем я тебе все это говорю, Стен?

— Не знаю, должно быть для того, чтобы рассеять мое невежество.

— Ты все это понимаешь не хуже меня. И почему нас не сняли вовремя, ты тоже знаешь. Зачем ты затеваешь каждый раз эти ненужные разговоры?..

Я бы мог ответить ему, что ненужные затеваю потому, что мне опротивели лишние — всякие деловые обсуждения и «непринужденное» общение по психологическому практикуму Коннора ВДжилса (специально для работников стационарных космических станций). И еще я подумал, насколько приятнее было бы здесь жить и работать, если бы на месте Дейва был простой и незатейливый робот с несложной программой. Но всего этого я ему не сказал, а произнес с легким надрывом. — Я готов просидеть здесь еще восемь месяцев, лишь от этого был бы хоть какой-то толк! — Дейв посмотрел на меня с явным недоверием. Конечно, он думает, что все дело в этих двух лишних месяцах, что я просто надорвался. Но мне, в конце концов, нет дела до того, что он там думает...

— Стен, мы много раз говорили о том, почему еще не время начинать эксперимент — никто не может пока сказать с полной определенностью, какое сочетание микроорганизмов окажется оптимальным и какие могут быть побочные эффекты. А без этого нет уверенности в положительном результате. В случае же неудачи мы загубим целую планету.

Нет, его тупость порой бывает поразительна! Неужели он не понимает, что нельзя объяснить необъяснимого!!! — Неужели ты не понимаешь, Дейв, что этим исследованиям не будет конца?! Я слышу об Эксперименте с детВ

ства, почти 20 лет. ИзВзаного я не стал космолетчиком, а сделался космическим селекционером и развожу эту микроскопическую живность. — Последние слова прозвучали с мальчишеской запальчивостью, и я даже слегка смутился, однако продолжил. — наших руководителей завораживает масштаб, поэтому никто не решается взять на себя смелость начать. Но ведь когдаВтоначинать все равно придется. А сколько еще продлится преВ образование поверхности! Так мы с тобой никогда не увидим эту планету зеленой!

— Увидим, Стен, обязательно увидим. И эксперимент начнем, и результаты увидим. — Это его фальшивое бодрчество еще противнее обычного занудства. И еще мне показалось, что он утратил часть своей всегдашней уверенности. — Конечно, начнем... Когда, как говорили в старину, «рак на горе свистнет». Ты когдаВнибудь видел рака на горе? Или слышал, как они свистят? — не дождавшись ответа, я закончил. — Тогда можешь прикинуть теоретическую вероятность комбинации этих событий.

Он посмотрел на меня долгим, неправдоподобно спокойным взглядом.

— Слушай, Стен, давай прекратим этот никчемный разговор... И пойдуВ как я спать. Да и ты не возись долго. Завтра у нас профилактика и надо хороВшо отдохнуть.

Последние слова он произнес, уже спускаясь по трапу в жилой отсек. Поле боя осталось за мной, но удовлетворения не было. Когда голова его скрылась в люке, я протиснулся между автоклавами, кольцом окружающиВми весь наш сад, раздвинул ветки и прислонился лбом к теплому пластикаВту. ГдеВтодалеко внизу поверхность планеты, которую мы никогда не видим сквозь пелену сверкающих на солнце облаков. Прямо перед моими глазами за прозрачной стеной выгибается серебристый бок торовой оболочки. Этот наполненный гелием бублик может бесконечно долго носить нашу лабораВторию в небе планеты. У меня возникло детское желание: проткнуть толВстый наглый тор и смотреть, как он будет дрябнуть, испуская гелий. Тогда лаборатория опустится на поверхность и можно будет хотя бы посмотреть на эту планету вблизи и потрогать ее руками. Досадно всеВтакипробыть здесь так долго и видеть планету только на экране так, как ее видит любой земной обыватель.

«Хотя потрогать не удастся, и любоваться долго тоже не придется. ДавлениеВтошарик, скорее всего, выдержит, — думал я лениво, — а вот мы в нем через некоторое время начнем поджариваться...»

Впрочем, если даже проткнуть тор — ничего не будет. Там столько уровВней безопасности... Мы все их изучали на макетах. Меня тогда ужасно возВмушала пустая трата времени перед полетом, когда оно так дорого. — Зачем все это изучать, если оно такое надежное? — Но шеф сказал, что у нас должВна быть непоколебимая вера в свой корабль (он всегда называл лаборатоВрию кораблем), а вера может быть прочной, только если она основана на твердом знании. С тором ничего не выйдет, а жаль. Я в последний раз взгляВнул на белесое брюхо и отвернулся. — Что бы такое все же сломать? Почему психологи не предусмотрели возможности столь естественного желания? Их бы сюда, чтобы узнали, как может опротиветь за восемь месяцев все это однообразие: бесконечные пробы, подсчеты, эти ненасытные микробы на

экранах мониторов – космическая рутина, ничем не лучше какой-нибудь агрохимической лаборатории на Земле. Даже хуже, там можно выйти за дверь и пойти по утоптанной, нагретой солнцем тропинке. Босиком. И дойти до речки, мелкой и прозрачной. Войти в воду по колено и рыбешки, кажется, они называются «пескари», будут с налета ударяться в икры. Щекотно.

Я отчетливо вспомнил мелкую прозрачную речку, по которой мы с Надей, никуда не торопясь, плыли на байдарке в позапрошлом году. На мелких песчаных перекатах мне приходилось вылезать в прохладную воду. Там тоже были стаи рыбешек, которые что-то щипывали с моих щиколок. Надя вылезать в воду не хотела, и мне приходилось каждый раз вынимать ее из байдарки и нести на берег. Байдарка медленно уплывала по течению, а мы с завистью представляли какие таинственные заводы и цветущие берега встретятся на ее пути.

Потом мы догоняли байдарку по берегу... И продолжалось это путешествие долго, целых десять дней. Вот там были настоящие, хоть и маленькие приключения, а здесь рутина и скука... Я с усилием вынырнул из потока воспоминаний, не давая увлечь себя слишком далеко. Чего, кстати, не рекомендуют и наши мудрые психологи.

Протиснувшись между автоклавами обратно в сад, я огляделся.

– А что, здесь неплохо! – произнес я громко с фальшивым оживлением и пугливо оглянулся на люк в жилой отсек.

Здесь, в самом деле, было неплохо. Вся верхняя половина прозрачной четырнадцатиметровой сферы довольно плотно заполнена разнообразной растительностью. Сад дает нам кислород и пищу. Если считать нас с Дейвом, получается замкнутый биоценоз. И еще сад создает иллюзию пространства. Если стоять посередине, кажется, что ты в дремучем лесу. Кажется, что можно идти по нему бесконечно, раздвигая ветки и приминая высокую траву. Но, черт возьми, я знаю, что через десять шагов упрусь в проклятый стеклянный пузырь. Мы в нем, как рыбы, на которых даже некому посмотреть.

Впрочем, обычно наш садик исправлял мне настроение – ребята, которые его устраивали, знают свое дело. Но сегодня никакой психотерапии не получалось. Может быть, мне просто не хотелось успокаиваться? Возможно, эта смута в душе была мне чем-то дороже.

Конечно, я знаю, как избавляться от всяких переживаний. Кроме таблеток, к которым я прибегал лишь в случае крайней необходимости, мы в совершенстве владеем методами психотерапии и самогипноза. Но к этим методам я тоже отношусь с недоверием чуть ли не с детства. Я прекрасно знаю, что можно внушить себе ощущение тепла и комфорта даже сидя в ледяной луже. Но есть в этом что-то фальшивое. Если мне на самом деле плохо, зачем я буду себя дурачить? Зачем убеждать себя, что мне хорошо, когда на самом деле надо думать над тем, как выбраться из лужи. Уж проще тогда принять дозу психотропика, по крайней мере, без самообмана.

Над головой в скрытой среди ветвей клетке послышалось квохтанье курицы. Яйцо снесла, дура, и радуется. А чему радоваться – одни и те же яйца всю жизнь. Те же, что несли ее прапастери на каком-нибудь крестьянском

ском дворе в прошлом тысячелетии. И никакого прогресса. Не знает даже, что она в космосе. А может и хорошо, что не знает, живет себе без забот и огорчений. Тут я вспомнил, что мне предстоит еще сегодня брать пробы, анализировать их и вносить коррективы в ход исследований. А еще предВ ставил, как Дейв со свежими силами возьмется меня завтра обрабатывать, и чуть не взвыл от тоски.

Однако спустился в лабораторию, окружающую кольцом «под землей» жилой отсек и долго бесцельно кружил по узкому проходу между двумя рядами пультов и экранов.

Потом все же занялся пробами. Однако упростил себе задачу – не стал ничего анализировать, а просто набрал на пульте код автоматического отбора проб из всех автоклавов. Это было явным нарушением инструкции, причем совершенно неоправданным. Но какоеВто полуоправдание проВ мелькнуло как тень на периферии моего сознания: сегодня это будет праВ вильно. Промелькнуло и исчезло. Впрочем, я не стал разбираться, почему правильно будет именно сегодня, а уселся в кресло и бездумно смотрел, как на экранах выстраивались колонки цифр и пульсирующие линии протягиВ вались все дальше и дальше через весь экран, замирали и гасли.

В этих замерах и состоит смысл нашего многомесячного пребывания тут. В тридцати пяти автоклавах, запрятанных среди зелени, помещались культуры микроводорослей и бактерий. Они жили и плодились там, в атмосфере планеты под давлением разных высот. А мы измеряли продукВ тивность, скорость размножения, поглощения углекислого газа, выделения кислорода. Все это нужно, ни много, ни мало, для того, чтобы выбрать самых перспективных из наших подопечных и выпустить их в атмосферу планеты. Чтобы они переработали ее и сделали пригодной для дыхания людей.

Трудность состояла в том, что нужных микроорганизмов на Земле не оказалось. Их пришлось выводить долго и скрупулезно. И наше руководВ ство, поВвидимому, считало, что процесс этот еще далек от завершения, хотя у некоторых культур сменились уже десятки тысяч поколений

– В каждом из этих автоклавов зрелая цивилизация, – любил говорить Дейв, похлопывая ладонью по выпуклому боку.

Действительно, если пересчитать на человеческие поколения, получаВ ются миллионы лет. Я попытался представить, какими мы будем через миллионы лет, но ничего стоящего не придумал.

Анализатор давно прекратил свое тихое пощелкивание, и на табло свеВ тились цифры окончательных результатов. Теперь нужно было на главном вычислителе рассчитать корректировку программ, но я даже не взглянул на столбцы цифр. Я все сидел, слегка покачиваясь в кресле, и глядел в одну точку. Потом поднялся и медленно пошел по кольцевому коридору вдоль рядов приборов, вглядываясь в их бесстрастные физиономии.

Когда я потом пытался восстановить ход своих мыслей, мне это никак не удавалось. Похоже, мыслей – то и не было. Хотя они, конечно, были, но чисто практического характера. Как будто ктоВтобдительно охранял меня от любых отвлеченных размышлений и сомнений. Стоило мне подумать о том, что это я делаю и что из этого может выйти, как этот ктоВтототчас же

уводил меня в сторону, отвлекая внимание каким-то пустяком. А оно, внимание легко дает себя отвлечь. Так бывало в детстве, у нас это называлось «нельзя, но очень хочется». Вдруг развивается в тебе повышенная рассеянность, легкомыслие крайнее. И голос совести и благоразумия тонет в этом вязком легкомыслии, запутывается в нем и звучит над ухом как гибнущая в паутине муха. А ты отмахиваешься от него доводами, которые, как после выясняется, не выдерживают никакой критики.

Начал я с того, что отключил защиту. Защита предохраняет лабораторию от всяких неожиданностей, в том числе и от «дурака». Мало ли что может случиться с лабораторией и с нами.

Отключение программных устройств автоклавов потребовало изрядных трудов. Такое отключение не предусмотрено в принципе, поэтому может делаться только вручную. Причем делать это нужно вдвоем. К Дейву я обратиться не мог. Ему трудно, точнее, невозможно было бы объяснить, для чего это все нужно. Где уж объяснить Дейву, когда я и сам этого не понимал.

Пришлось заняться акробатикой. Я набирал на пульте код автоклава, а потом необходимо было строго одновременно нажать кнопку на пульте и отключить соответствующий ей контакт.

Хотя я работал без всяких инструкций и, конечно, их не помнил, но автоматику системы жизнеобеспечения я не отключил, что оказалось весьма удачным.

Потом я поднялся наверх, в сад и долго крутил штурвальчики вентилей автоклавов. Я еще подумал, как все легко делается с автоматикой.

Наши ученые микробиологи потом долго добивались у меня, почему я выбрал из всех автоклавов именно эти двенадцать, по какому принципу. Этого объяснить я тоже не мог. Психолог базы определил мое состояние в тот момент, как эвристическую эйфорию. Они думают, что стоит подобрать словечко, и все сразу станет понятно...

Прижавшись лбом к пластику, я смотрел, как в атмосферу вытекают тонкие почти прозрачные струйки. Сначала они текут прямо, потом начинают колыхаться, клубиться и рассеиваются примерно в метре от борта. Лаборатория, лишённая стабилизации, медленно вращалась, и струйки то уходили в тень и вовсе пропадали, то освещались рассеянными облаками солнечными лучами. Подняв голову, я видел над собой эти сверкающие облака.

Мы и раньше выпускали содержимое автоклавов в атмосферу. Но всегда это были уже мертвые микроорганизмы, убитые жестким ультрафиолетовым излучением. Я попытался уверить себя, что сейчас дело обстоит точно так же. И мне это почти удалось.

Я даже не стал закрывать вентили и прямо пошел спать. Почему мне показалось, что ночь будет бурной, и я включил гиростабилизатор постели. Мы их включали, когда попадали в беспокойный район атмосферы. Приоткрыв дверь в каюту Дейва, я включил и его стабилизатор. Потом лег и мгновенно уснул.

Проснулся я в темноте. Мне снилась яхта в ревущих сороковых. Я никогда не ходил на яхте, но мне всегда очень хотелось попробовать, конечно, не пассажиром. Но это требовало много времени, и я так и не

собрался ни разу. Поняв, что это не яхта, но болтает сильно, я подумал, что нужно бы включить гиросtabilизатор, но не сладил со своим сонным телом и снова уснул. Если бы я дотянулся до пульта и обнаружил, что стаВ билизатор уже включен, меня, скорее всего, удивило бы, что так болтает с включенным стабилизатором. От удивления я проснулся бы, и тогда все... Нет, кое-что могло бы быть по-другому. Вновь проснулся я от удара. Точнее, мне приснилась все та же яхта, которая потеряла управление, и нас выброВило на камни. Потом я проснулся, а уже после почувствовал боль в боку.

Сначала я ничего не мог понять. В каюте было полутемно, и она раскаВчивалась короткими, резкими толчками. Дверь и постель были у меня над головой. Я загляделся на постель, которая выделявала замысловатые коленца под потолком. Гиросtabilизатор старался вовсю.

— Ну конечно, дал меня выкинуть, а теперь старается, работу показываает.

Я попытался приподняться, но в этот момент раздался глухой удар, как будто гигантское полено расселось под огромным колуном. Каюта вздыбиВлась и опала. Стало тихо. Шевелиться почему-то было страшно.

— Стен! Где ты, СтеВен?

У себя над головой в светлом проеме двери я увидел голову Дейва. Я попытался приподняться и застонал от боли.

Тут Дейв разглядел меня в полумраке и спрыгнул в тесноту моей вставВшей на дыбы каюты.

— Что с тобой? — он пристально вглядывался мне в лицо — Где болит?

— Бок. Я, должно быть, ударился при падении...

— Не шевелись — быстро сказал он, заметив мою попытку приподнятьВся, и огляделся, пытаясь сориентироваться. Я тоже не узнавал своей каюты.

Он потянулся к пульта, который теперь оказался над головой и нажал клавишу, помедлив — вторую и третью.

— Что за фокусы, неужели все вырубилось?

— Что там произошло, Дейв? — спросил я осторожно.

Он ответил как-то нехотя, после паузы...

— Еще толком не понял, Стен, но кажется мы на поверхности... Впрочем, пока меня больше волнует освещение...

— Это я вчера отключил, — сказал я машинально. Кажется, он мне не поверил. Во всяком случае, смотрел на меня довольно долго.

— Ну ладно, об этом потом — наконец сказал он и на этот раз безошибочно нажал кнопку аварийного энергопитания.

Каюта осветилась. Пожалуй, из всего в ней находящегося я пострадал в наибольшей степени, в остальном беспорядок был незначительный. Дейв дотянулся до стенового шкафа и достал из медицинского отсека портативный диагностер. Мне редко удавалось так вот быстро что-то найти в своей каюте. Он же действовал сноровисто и быстро, как будто всю жизнь только и занимался тем, что ставил диагнозы в походных условиях.

Я наблюдал все его действия, но ни они, ни состояние мое меня как-то не волновало. По-настоящему меня занимал один вопрос: Как мы могли очутиться на поверхности? Ну, отключил я автоматику... Ну, отключил

защиту... Ну и что? Все равно тор будет нас держать в атмосфере хоть год. И если и опустится за это время, самое большее, километров на пять...

Для того чтобы опуститься на поверхность, нужно стравить из оболочки почти весь гелий. Может быть, оболочка лопнула? Не знаю, что может ее серьезно повредить, тем более, в атмосфере.

Ничего не придумав, я стал следить за действиями Дейва. Он уже закрепил датчики у меня на ладонях и на голове за ушами и теперь водил надо мной приемной головкой диагностера, глядя на экран прибора. Мне тоже хотелось посмотреть на экран, но он был отвернут от меня, должно быть не случайно.

— Послушай, Дейв, если мы не знаем толком, что там произошло, может не время пока возиться со мной?

— Может и не время... — проворчал он, не отрывая взгляда от экрана, но хвататься сразу за два дела было нерационально. После паузы он сообщил. — Ничего страшного, перелом двух ребер и обширная гематома. Внутренние органы не затронуты. Он посмотрел мне в глаза и сказал заботливо. — Теперь ты полежи здесь спокойненько, а я пойду, погляжу, что с нашим «пузырем». Полежишь?

— Да иди, Дейв, иди... — у меня чуть слезы не навернулись на глаза от умиления. Так со мной только мама разговаривала, когда я болел.

Дейв посмотрел на меня испытующе, улыбнулся и встал. Подпрыгнул, и мгновенно исчез в проеме двери. Некоторое время было тихо. Потом послышался легкий вскрик. Что именно он крикнул, я не разобрал, но мне вдруг показалось, что с ним там что-то случилось.

— Что с тобой? — крикнул я. Молчание. Я уже собирался подняться, подумав, ребра, но в это время послышался его голос:

— Я сейчас. Лежи...

Прошло еще довольно много времени, хотя, наверное, не больше 10 минут.

— Дейв! — завопил я во весь голос. — Скажи, наконец, в чем дело!

Нет, это не был страх раненого на тонущем корабле. Мною владело нестерпимое любопытство. Если в хижине, высоко в горах вы включаете свет и тут же слышите грохот лавины, вы на секунду замираете. «А нет ли здесь связи?» — думаете вы. В следующую секунду вы осознаете, что связи нет и быть не может, и находите простое объяснение во вчерашнем снеговпаде, после чего ход ваших мыслей приобретает вполне реальное направление.

Здесь никакого правдоподобного объяснения не находилось и откуда-то из подсознания начало всплывать подозрение, которое постепенно превращалось в уверенность. Уверенность в том, что между моими вчерашними упражнениями и нашим теперешним положением существует прямая и непосредственная связь.

— Дейв!!! — завопил я диким голосом.

— Ну что ты орешь? — спросил Дейв, свесив голову в проем двери. — Все в порядке. Мы действительно на поверхности, похоже, что в кратере вулкана. В корпусе трещина.

— Ничего себе, порядок... Поймай, как трещина? А почему же тогда

жилой отсек не раздавило наружное давление? Ты посмотрел, какое давление за бортом?

Дейв укоризненно посмотрел на меня и я осекся. Действительно, как он может узнать давление за бортом, если я отключил всю автоматику.

— Не знаю, почему нас не раздавило, — начал он с расстановкой, — но скоро начнет поджаривать. Нашей терморегуляции надолго не хватит.

Мне сразу показалось, что в каюте слишком жарко. Мы оба посмотрели на панель климатизатора над дверью, снабженную наряду со сложной электроникой незамысловатыми допотопными барометром и термометром. Температура 27 градусов, несколько выше обычного, но на перегрев не похоже. Давление 995 мм. рт. ст. Тоже не похоже на разгерметизацию.

Дейв все смотрел на климатизатор, как будто надеясь получить от него ответ на наши вопросы. Потом спрыгнул вниз.

— Ладно, разберемся... Давай Вкапока вплотную займемся тобой. — Он долго смотрел на меня, как будто не зная, что, в сущности, нужно со мной делать. Потом вдруг сел на пол и обхватил голову руками. — Непостижимо! Чудовищно! — причитал он, раскачиваясь всем телом.

Нет, я не мог больше молчать.

— Послушай, Дейв. У меня есть кое-какие предположения... То есть это, конечно, не объяснение... Я вчера несколько культур... выпустил в атмосферу.

Последние слова я выговорил торопливо и замолк. Он поворачивал голову, чтобы посмотреть на меня может минуту или больше. Кажется, я даже слышал скрип. Однажды я видел антропоморфного робота, который отработал три года на дне Красного моря. Так вот у него шарниры поворачивались так же медленно и со скрипом. Наконец Дейв повернул голову и посмотрел на меня в упор. Глаза его сузились и превратились в щелки. Я вдруг вспомнил, как товарищ по университету называл его «Потомок Чингизхана».

«Интересно, что он сейчас сделает», — подумал я без любопытства.

Дейв ничего не сделал. Он протянул:

— Значит, выпустил. Ну Вну... — И отвел глаза. И тут же сказал обычным своим деловым тоном. — Ну что же, поскольку ситуация несколько прояснилась, займемся лечением.

Не отсоединяя от меня датчиков и глядя на экран: он извлек меня из угла, предупредив:

— Если будет больно, скажи.

Было терпимо, и я промолчал. Удивила меня легкость, с которой он подвнял мои 75 килограммов и осторожно положил на мягкую обивку стены.

Теперь я видел экран диагностера, на котором светились мерцающим светом мои сломанные ребра? Я с интересом наблюдал: как его руки осторожно мяли мой голый бок: пока обломки ребер на экране не соединились. Свечение сразу стало слабее. Дейв попросил меня не шевелиться, и взял из шкафа белый баллончик с раструбом. Направив его на мой бок, Дейв открыл вентиль. Из раструба вырвался бледно-молочный конус, и я сразу почувствовал, как стянулась кожа на боку. Дейв водил надо мною баллончиком, постепенно открывая вентиль, от чего шипение усиливалось, и

конус перед раструбом становился гуще. Через несколько минут он осторожно посадил меня и стал покрывать пенной броней мой торс со всех сторон.

— Теперь посиди, пока он не застынет, а я попытаюсь оценить размеры бедствия. Но только он поднялся на ноги, как каюта покачнулась раз, потом второй. Дейв посмотрел на дверь, потом на меня, видимо соображая, что со мной делать.

— Я теперь сам могу держаться. Ты иди, Дейв.

Он снова взял пульверизатор и, проведя зигзагом по одному и другому моему боку, прикрепил мой корсет к обивке стены.

— Ну вот, теперь никуда не денешься, — сказал он, придиричиво осмотрев меня. Собрался уходить, но приостановился и протянул мне нож. — На всякий случай, а то будешь биться здесь, как муха в паутине

На этот раз его не было долго. Я все пытался придумать разумные объяснения происшедшему. Но концы с концами никак не сходились. Торс никак не мог стравить весь гелий. Тогда значит, микробы съели всю атмосферу... Но это вообще невозможно. За одну ночь?! Остаться в неведении было невыносимо. Не такой уж я инвалид, чтобы продолжать торчать здесь, предоставив Дейву выпутываться из мною же созданной ситуации.

Ножом я обрезал тужи на боках корсета и поднялся. Нигде не болело. Я начал соображать, на что бы мне встать. В это время Дейв что-то крикнул в салоне. Подпрыгнул я довольно удачно и даже дотянулся до притолоки. И нос к носу столкнулся с Дейвом. Глаза у него были прямо круглые. Я подумал было, что его поразили мои гимнастические упражнения. Но он, кажется, даже не заметил моего внезапного выздоровления.

— Стен! Она летает! — прошептал он мне, как великую тайну.

— Кто?

— Птица. — То ли оттого, что устал висеть, то ли от неожиданности, но я чуть не сорвался вниз. Он успел подхватить меня под мышки и выволок в салон. Тут только он заинтересовался, почему я встал. Я его успокоил, и он сейчас же вернулся к своему открытию. — Она живая. И, кажется, я там видел еще одну.

Теперь я понял, что его так поразило. Лесные птички эти, малиновки, специально живут в нашем саду для контроля состава атмосферы. Они должны были неминуемо погибнуть при разгерметизации корпуса. Но не погибли, и это было удивительно. Я тоже приник к прозрачному куполу салона, чтобы увидеть эту птичку своими глазами. Вместо нее я увидел трещину. Она была впечатляющей. Непонятно было только, почему корпус не развалился на две половинки. И еще я заметил, что листья деревьев у самой трещины как будто слегка обуглены и сморщены. Дейв не дал мне предаваться размышлениям. Прежде всего он достал из каюты диагностер и снова проверил результаты своей работы. Когда я наклонился, места переломов начинали светиться сильнее, а уже после я чувствовал боль.

— Ничего, некоторое ограничение подвижности тебе не повредит, — сказал Дейв, а я с запоздалым раскаянием подумал, что бываю порой занудлив и уж в таком случае нашел бы более язвительные слова.

Вдвоем включать автоматику было гораздо проще. Если не считать того,

что бублик лаборатории стоял теперь вертикально, а мы лазили в нем, как белки в колесе, цепляясь за панели. Я называл порядок блоков. А Дейв вставлял на место контакты. Работали мы очень быстро, благо я почти все блоки называл на память.

Первой наградой нам было включившееся освещение. Экраны приборов оживали один за другим. Наконец дошел черед и до блока параметров атмосферы. Мне снизу не было видно экран, а Дейв стоял, задрал голову, и молча перебирал клавиши на пульте. Наконец он оставил пульт в покое, наклонил голову и долго смотрел на меня, вроде даже с состраданием.

— Ты понимаешь, что ты сделал, идиот? — спросил он наконец задумчивым тоном.

Я не ответил, мне не хотелось даже думать на эту тему. Вместо этого я попытался вспомнить, что означает слово «идиот». Оно было как будто знакомое, но, по видимому, малоупотребительное. Вновь взглянув на Дейва, я понял, что ничего лестного для меня в этом слове нет. Не дождавшись ответа, он закончил:

— Ты лишил атмосферы целую планету.

В ответ я забормотал, что это невразумительное, что, мол, это не только моя заслуга, здесь труд многих людей, но осекся под осуждающим взглядом Дейва.

— Бок не болит? — неожиданно спросил он с притворным участием.

Я настолько обрадовался перемене темы, что ответил, чуть ли не радостно:

— Нет, совсем не болит.

— Жаль, — произнес он сочувственно. — Тебе сейчас подошло бы более серьезное ранение. — И вздохнув, продолжал. — Ну что же, теперь мы можем выйти на связь с базой.

— А ты не пытался связаться по аварийному автомату?

— Это первое, что я сделал. Он непрерывно передает: Все нормально. В помощи не нуждаемся

— Но у нас, наверное, вышел из строя приемник, иначе мы поймали бы их сигналы.

— Сейчас включим основную станцию и пройдемся по всем диапазонам.

По всем диапазонам проходиться не пришлось. На экране сразу же появилось лицо Кола Батова. Он увидел нас на своем экране мгновением позже, и сейчас же лицо его осветилось широчайшей улыбкой.

— Наконец-то, — сказал он, оглядывая нас, как будто хотел убедиться, что мы действительно целы. Он показал глазами на мой корсет. — Что это?

— Легкая травма при падении. Дейв меня почти вылечил.

— Что у вас было, — спросил он жадно, и тут же лицо его приняло озабоченное выражение. — Что же я болтаю? Шеф просил сразу сообщить, когда появится связь. — Он наклонился к пульту, и на нашем экране появилось лицо руководителя. Он так же окинул взглядом нас и лабораторию, и задержался на моем корсете. Спросил, что со мной, кивнул и внимательно взглянул мне в глаза. Взгляд был не сочувственный, а, скорее, пыливый.

— При каких обстоятельствах, — спросил он уже у Дейва.

— При падении станции на поверхность планеты.

При этих словах у меня непроизвольно сделалось недоуменное выражение лица, мол, итак все ясно. Руководитель быстро взглянул на меня и вновь обратился к Дейву.

— Причины выясняли?

— Точно не известно...— сказал Дейв и продолжал осторожно, так, как сообщают о тяжелой болезни близкого человека. — Дело в том, что накануне вечером произошла утечка в атмосферу экспериментальных культур микроорганизмов.

— Скольких?

— Двенадцати...

— ТВЭВЭВк, — тянул руководитель, переводя взгляд с Дейва на меня и обратно.

Тут я решил, что самое время мне выйти на авансцену, и сказал, стараясь, чтобы голос прозвучал внятно.

— Это я их выпустил, — и прямо посмотрел в глаза руководителю.

— А зачем?— быстро спросил он, и во взгляде его светилось прямотаки детское любопытство. Должно быть, поэтому я ответил не со служебной краткостью, а сравнительно подробно, стараясь как можно точнее передать свое состояние в тот момент.

— Ну что же, добровольное признание снимает половину вины, — сказал Руководитель и улыбнулся. — Ну, остальное после. Ваши координаты уже определили. Вы угодили в кратер, поэтому вас так долго не могли найти. С этим кратером вам сильно повезло, а почему, вы сейчас поймете. Вы ведь ребята не нервные. — Он улыбнулся и исчез с экрана. А на экране появился белый шар планеты. Он наплывал, пока не занял весь экран. На белом покрове облаков зияло круглое черное пятно с рваными краями. Я отупело вглядывался в его черноту.

— Около тысячи километров, — тихо сказал Дейв.

Когда изображение еще увеличилось, стало видно, что облака на видимой диске планеты вытянуты к пятну. Ближе к его краям ленты облаков утончались, вытягивались и закручивались в гигантскую спираль, как пена вокруг водяной воронки. Изображение еще увеличилось, и тут мне показалось, что облака на экране движутся. Пряди по краям воронки текли, вытягивались в нее и пропадали

— Какие же там скорости? — недоуменно спросил я Дейва.

На экране вновь появилось лицо руководителя.

— Там сверхзвук. Это тайфун, а вы в его глазу, поэтому у вас пока спокойно. Сравнительно спокойно. Ну и кратер вас спасает... Мы пока не можем послать за вами планетолет. Они распространяются в атмосфере, как пламя. Но воронка может пойти гулять по планете, тогда... тогда не знаю, что будет. Пока вам нужно раскрепиться по штормовому. Вам, Дейв, как опытному яхтсмену, понятно, что нужно делать? Рекомендую использовать торовую оболочку. По прямому назначению ее применять уже не придется.

Дейв кивнул.

— В крайнем случае... — руководитель помолчал и повторил, — в крайнем случае, будете стартовать в спасательных капсулах вертикально. А мы уж

будем вас тут ловить. — Он снова помолчал. — Ну, желаю успеха, экспериментаторы.

На экране снова появился Кол. Дейв попросил несколько каналов для записи последних результатов. Кол сказал, что наши данные бесценны, потому что зонды, которые они запускают к поверхности, очень быстро гибнут в этой заварухе.

— Кстати, — сказал Кол, — единственный, кто сразу разобрался в причинах, был главный вычислитель. Он извлек из памяти расчеты вариантов с различными комбинациями культур и выдал заключение, что была использована оптимальная комбинация. — Кол с любопытством поглядел на меня. — Ну, держитесь ребята! Включаю каналы. — И Кол тоже исчез с экрана.

— Экспериментатор, — проговорил Дейв, не оборачиваясь. Он включил выдачу данных и смотрел на экран, на котором мельтешили колонки цифр.

Я покаянно опустил голову. Хотя раскаяния я не ощущал. Скорее, ликование, которое я пытался скрыть даже от себя самого.

Ну и что, даже если мы погибнем. В конце концов, риск присутствует всегда. Было бы ради чего рисковать.

— Ты влезешь в скафандр? — спросил Дейв — Или, может быть, я пойду один?

— Ну уж нет, ты прекрасно знаешь, что это запрещено инструкцией! — Только произнеся эти слова, я понял, что Дейв не может воспринять их иначе, чем издевку. Поэтому я постарался сделать как можно более серьезное лицо, и когда он пристально посмотрел на меня, я его взгляд выдержал.

— Ладно, одевайся.

С помощью Дейва я все же влез в скафандр. Придирчиво оглядев меня, Дейв оделся сам. На блоки жизнеобеспечения мы навесили друг другу ранцевые двигатели, как полагается по инструкции. Мне они казались лишними, поскольку путешествовать по планете мы не собирались. Но спорить я не стал, тем более, что тяжесть небольшая.

Выйти удалось не сразу. Выходной люк был прижат к выступу скалы, и Дейву пришлось довольно долго манипулировать клавишами наддува торовой оболочки, поочередно надувая и спуская ее секции, прежде чем удалось перекатить станцию на другой бок.

Шлюзоваться Дейв пустил меня первым. Скорее всего из соображений безопасности. Но мне кажется, что он уступил моему тайному, но сильному желанию. Сквозь прозрачное окно в стенке шлюза я видел над собой лицо Дейва. Оно было сосредоточенным и заботливым. Мне казалось, что его выражению не хватает торжественности, соответствующей моменту.

Впрочем, встреча моя с поверхностью планеты произошла тоже не очень торжественно. Я не мог из своего корсета согнуться в поясе и буквально выпал из люка. Крышка люка захлопнулась у меня над головой, и я увидел, как Дейв влезает в шлюз с внутренней стороны. У него все прошло более гладко, и через две минуты он уже стоял рядом со мной на каменистом склоне. Никакого особенного восторга я уже не испытывал. Скалы вокруг были мрачных, красноватых оттенков. И мертвые, абсолютно мертвые. На Земле таких скал не бывает. Даже на самых голых скалах суще-

ствует хотя бы возможность жизни. Отвлек меня голос Дейва, прозвучавший прямо в моих наушниках. Оказывается, он уже работал, вытаскивая из Вподоболочки камни и сбрасывая их вниз по склону. Сейчас он просил меня помочь сбросить особенно крупный обломок. Вдвоем мы довольно быстро очистили скалу от обломков. Я расправлял спущенную оболочку, а Дейв припечатывал ее к скале короткими импульсами из плазмотрона. Из широкого ствола вырывался бледно-голубой луч, на серебристом поле вспыхивала ослепительная точка и краснела, остывая... Гелий из оболочки был выпущен не полностью и за нами оставалось «стеганное одеяло», какое я видел когда-то в музее древнего быта.

Закончили мы во время, ветер явно усиливался. Мы стояли с Дейвом на скале над станцией и смотрели вверх, где в рваном жерле кратера было голубое небо, может быть впервые на этой планете. Там уже вошло солнце. Тонкий его луч прорвался сквозь щель в зубчатой стене и ударил в бок станции. Там на краю трещины сидела одна из наших птичек. Ветер норовил ее сбросить, но птичка выпрямлялась на своих ножках в пружинках и пела.

Я откинул щиток шлема, просто чтобы ее услышать. Дейв хотел меня остановить и так и замер с протянутой рукой. Воздух был как будто горячий, но дышать было можно. Дейв тоже открыл свой шлем и вдохнул воздух «нашей планеты»

– Ты знаешь, Стенли, – сказал он, – я, пожалуй, согласился бы быть на твоём месте.

Об авторе

После окончания авиационного техникума работал на летно-испытательной базе в Жуковском, а потом в КБ В. М. Мясищева. После окончания ракетно-космического факультета МАИ попал в ракетное КБ, а потом перевелся в Студенческое конструкторское бюро МАИ. Позднее создал свое СКБ «Венера», где вместе со студентами занимался разработкой космической и глубоководной техники. Постепенно сообразил, что основной продукцией СКБ являются не технические разработки, а эти самые студенты, которые там получали самостоятельный конструкторский опыт.

После МАИ работал во многих учреждениях довузовского образования. Разработал методику обучения школьников проектированию. Один из проектов, которые разрабатывал со школьниками – Проект преобразования планеты Венера для жизни людей. Его суть изложена в книге «Запасная планета», вышедшей в 2008 году. Много печатался в различных СМИ по широкому кругу вопросов. Больше всего на темы педагогики. В № 1 «Знание Юла: Фантастика» за 2010 год опубликован рассказ «Предварительный некролог».

Фредди Ромм, Сергей Муратов

Благими намерениями

Было восемь вечера. Густые облака зависли над поселком и окрестной тайгой. Благодаря им было не так холодно — минус пятнадцать. Хотя синоптики обещали к утру понижение температуры, я был в приподнятом настроении: работа продвигалась, впереди маячил гонорар. «Надо докупить дровишек, — думал я, подходя к своей калитке, — запас карман не тянет. А то послезавтра Наташа с детьми приедет от родичей».

Я вошел во двор и протопал по скрипучему снегу к крыльцу, сдергивая варежку и доставая ключ из кармана дубленки. Вдали завыл волк, в ответ забрехали собаки.

— Андрюха! Что братана морозишь? — послышалось из темноты. Я приоткрыл дверь: точно, брат Вовка. Он стоял на крыльце, прислонившись к двери, а рядом лежал лист фанеры. — Обещал к семи вернуться, а сам?

— Ты, Вовчик, мало выпил? Я когда обещал вернуться к семи? В четверг, а сегодня суббота. И я не ожидал увидеть тебя раньше вторника — ты в запой на меньшее не уходишь, — ухмыльнулся я, открывая дверь. — Проходи и тащи фанеру в «мастерскую».

Нет, брат выпил нормально. Вон как его занесло на повороте с фанерой.

— Ночевать останешься? Или к благоверной потопоешь?

— Не, я у тебя. На кой я своей нужен, она разводиться собралась, — Вовка икнул и отрыгнул, распространяя замечательный аромат самогонного перегара.

«МВд, неудивительно, что жена его видеть не хочет — бухого, с фингалом под глазом, небритого. А что, разведется запросто.» — Я бы продолжил эту мысль вслух, но брат спросил:

— Куда фанеру присобачить, художник?

— Уже забыл? Между этими двумя бубликами, тороидами, как ты их называешь. — Я указал на Машину Времени, мерцавшую в полутемном изваса слабого освещения углу.

— Не зазнавайся, братан. Знаешь, где редуктор моста у трактора ТВ50?

— Все, замолкаю, ты у нас специалист высшего класса.

— ТоВто! В ваших Машинах Времени я ничего не понимаю, но только потому, что их нет. И как киностудия дала тебе заказ, ты ведь только рисовать умеешь?

— А это для них главное. Физика им по барабану. И мой бывший одноклассник подсуетился — он там главный художник. Помнит, как я в школе победил на конкурсе художников Вфангастов. Такую Машину Времени тогда нарисовал — закачаешься. Этой не чета, много было наворочено.

– Хватит трепаться. Помоги приладить фанеру.

Мы подошли к Машине Времени, похожей на два огромных мерцающих бублика, установленных вертикально и разделенных фанерными перегородками. Вернее, перегородка была пока одна, вторую держал Вовка. Он неуклюже потыкался:

– Слышь, неудобно. Дай зайду внутрь – в тороиды эти самые. Оттуда сподручнее крепить.

Я не понял, чем это сподручнее, но не возражал. Нырнув за «бублик», Вовчик приставил лист фанеры и застучал молотком.

Стук уже давно стих, а брат все не появлялся.

Я начал злиться:

– Ну? Долго ты будешь копать?

– Андрей... Это ты? – Вовка выглянул из-за перегородки и странным взглядом окинул комнату. Он был чем-то ошарашен. «С перепою, что ли?» – вздохнул я, но сказал:

– Выходи, отдохни.

Брат выбрался и едва не упал.

– Осторожно, не сломай макет!

– Откуда у тебя это нелепое сооружение, – глядя на макет со стороны, спросил Владимир, – и где твоя Машина Времени?

Я покрутил пальцем у виска:

– Ты что пил? Забыл, чем мы занимаемся? Мы строим макет Машины Времени для киностудии, и пять минут назад ты прибил фанеру. Теперь на нашей машине времени хоть в прошлое отправляйся, хоть в будущее. Куда режиссер прикажет да фантазии сценариста хватит.

– погоди, Андрей, а как же задание?

– Задание ты с честью выполнил – фанера прибита крепко, хотя и криковато. Но если ее не снимать крупным планом, никто не заметит. А если будут снимать вблизи, пусть пеняют на себя, я не голливудская мастерская.

– Андрей, ты ничего не помнишь? – Вовка отошел от Машины, его лицо оказалось прямо под лампочкой, совсем близко ко мне, и – у меня мурашки побежали по телу – я вдруг понял, что от него совсем не пахнет перегаром... и фонаря под его правым глазом как не бывало. Лампочка вдруг раздвоилась и поплыла...

* * *

– Андрей, ты как? Может, мне амбуланс вызвать?

Очнувшись, я увидел, что сижу вместе с Володькой за столом – брат протягивал мне стакан с водой:

– Выпей водички!

Нет, брат точно головой стукнулся, когда нырнул за бублик, и крепко. Чтоб он предложил выпить воды, а не чего покрепче! Впрочем, я и без воды пришел в себя, ведь обморока не было – просто меня шокировало, как он внезапно протрезвел и оказался гладко выбрит. А куда девался фингал, который ему позавчера поставил Гриня?

Только теперь я обратил внимание на странности в одежде брата.

Удивительно, что я этого не заметил, когда мы вошли в дом. С какого перепоя он натянул легкие сапоги? Как умудрился не отморозить себе ноги, пока ждал на улице? А мне сперва показалось, что он был в своих меховых, подаренных Петром, знакомым летчиком из отряда испытателей при Чкаловском заводе.

Стоп, а эта курточка на нем откуда? Похожа на его рыбацкую ветровку, и вместе с тем... могу спорить, что заплатил он за эти шикарные шмотки тысяч десять баксов. Где он взял такие деньжищи? Когда успел закупить это?

Может, это я упал? Еще немного, и воображу, что не брат передо мной, а инопланетянин, натянувший на себя его тело — как в фильме «Люди в черном».

Я не выдержал и дотронулся до его руки — вроде настоящая.

— Андрей, ты не помнишь, что было до моего отправления? Ты говорил, что по возвращении мне многое покажется странным. А тебе?

Это был мой брат. И в то же время не он. Так Володька разговаривал лет двадцать назад, когда вернулся с дипломом физтеха, и ему прочили великое будущее в Академгородке. Как же, великое будущее — у нас! Вот.

— Да, Володя, мне многое странно. За те минуты, пока ты разбирался с фанерой, ты сильно изменился.

Мой язык не поворачивался произнести: «Не понимаю, как ты моментально протрезвел и переделся в дорожное барахло». Я спросил:

— Володя, ты несколько раз упоминал отправление, возвращение. А что такое амбуланс — скорая помощь? Почему ты ее так называешь?

Брат опустил глаза:

— Да, дела. Выходит, изменения произошли не так, как мы предполагали. Видно, придется сейчас рассказать кое-что. Не торопись отправлять меня в психушку, хорошо?

* * *

В тот вечер Андрей вернулся из института расстроенный: эксперимент прошел неудачно. Когда он въезжал в подземный гараж дома, зазвонил мобильный:

— Алло! Это Володя. Можно сейчас к тебе зайти?

Андрей очень устал, но язык не поворачивался отказать брату. Спустя пять минут они сидели в гостиной, Наташа включила «скороварку», уставив режим «мясной ужин на пять персон». Лена с Сашей играли в детскую, и обстановка настраивала на непринужденную беседу. Однако, судя по лицу Володи, вопрос, с которым он пришел, не располагал к трепу. Выпив стакан «Боржоми», он облизнул губы, вздохнул и выговорил:

— Женька подал рапорт с просьбой об отправке в Ирак.

Наташа тихонько охнула. Андрей покачал головой:

— Зачем он так?

— Как — зачем? Ты же его знаешь, смелый парень, патриот, а в Норд-Осте его подруга погибла, Нина, когда в Москву ездила.

— Отомстить, значит, за нее хочет...

Он замолчал. В разговор вступила Наташа:

— А по телевизору сообщили, что иракцы не были причастны к НордВ Осту. Орудовали там наши лучшие друзья: саудовцы и египтяне. И в Беслане тоже. Получается, напрасно мы вторглись в Ирак? И в Афганистан зря?

Андрей ответил не сразу. Не оченьВтохотелось вникать в политику.

— В Афганистане находились базы АльВКаиды, их надо было уничтоВ жить, тем более, что рядом с нашей границей. Египтяне и саудовцы пообеВ щали сотрудничество с Федеральной Службой Безопасности. А президенту нашему нужно было еще чтоВтосделать, помимо Афгана, чтобы народ не волновался после НордВОста и Беслана — вот и вошли в Ирак. И ведь сперВ ва все чисто проходило: Багдад заняли на третью неделю. Потом вот начаВ лись проблемы. И не так это было глупо — АльВКаида влезла в Ирак и застряла там. Да только и наши ребята гибнут. Паршиво! Эх, зря Женька туда едет!

— Да, вот она, российская действительность. То ли дело американцы. Занимаются своими делами, восточнее Кубы не суются, живут себе тихо. Взвод саперов прислали в Ирак — вот и все их участие во всемирной войне с террором. А доллар как поднялся! Обогнал евро, того и гляди, с рублем сравняется. Наверное, лучше было нам не затевать войну, а дать дополниВ тельно оружие Израилю, чтобы он отметелил иракцев по старой памяти, и пусть бы стоял лай в Лиге Наций.

Володя замолчал. Наступила тишина, нарушаемая только детским смеВ хом, доносившимся из соседней комнаты. После затянувшейся паузы Володя негромко кашлянул.

— Андрей... ты это... работаешь с Машиной Времени, верно?

Брат кивнул.

— Слышь, Андрей... Никто из вас не думал, что бы случилось, если бы история пошла иначе? КакойВто известный деятель умер до того, как совершил плохое. Или порядочный человек, умерший преждевременно, остался жив и выполнил намеченное. А?

— Конечно, Володя, об этом сто раз думали. Но вряд ли чтоВтоизмениВ лось бы. У того, кто остался жив, появились бы непредвиденные помехи, а рано умершего заменил бы другой. История подчиняется определенным законам, и перестрелками ее не изменишь.

— КтоВнибудь другой, говоришь... Я ведь занимаюсь историей России. Был в ней момент, когда хорошие люди могли прийти к власти. Вот только у них беда случилась. Погиб один из них, самый умный и порядочный, а без него все развалилось, и Россия пришла к тому, что мы сегодня видим. А если бы того человека спасти... Говоришь, ничто бы не изменилось? А кто пробовал?

— Пока никто не пробовал — инструкции не позволяли подобные эксВ перименты. Правда, в последнее время инструкции изменились, но теперь вторжение в прошлое, с целью его изменения, просто считается невозможВ ным.

Андрей не стал говорить, что, когда работаешь с переносами во времеВ ни, подобное желание — изменить прошлое — возникает неизбежно. Но

реально попробовать такое! От этой мысли становилось не по себе. Да, в последнее время инструкции изменились, даже устаревший агрегат разрешили установить дома. Вот и стоит внизу, на первом этаже, аппарат времени, предоставленный в его, Андрея, распоряжение на случай экстренных, не требующих больших мощностей, экспериментов. Появилась идея – включи аппарат, войди в нужную точку пространстваВремени, посмотри, что тебя интересует, и не занимай служебный агрегат. Считается, что вреда от этого быть не может по той самой причине: вторжение в прошлое ничего не изменит – сработает принцип неизбежности исторического процесса. Теоретически установлено, что если бы вторжение могло чтоВлибо изменить, структура пространстваВремени сама бы закрылась для подобной попытки. А что если... Конечно, эксперимент рискованный. Но, воВпервых, племянника Женьку жалко, как бы беда не случилась. ВоВвторых, идиотизм начальников и бюрократов надоел до чертиков. А воВтретьих... ну, если не получится, значит, теория подтверждена экспериментально. Можно будет доложить об этом на закрытом заседании Ученого Совета. Никто особо не удивится, но в справочники занесут.

«Эй, стой, – сказал себе мысленно Андрей, – это что же, я согласен отправить родного брата навстречу смертельной опасности? А если беда приключится? МВд, а если несчастье случится с Женькой? Не легче. И что, Володя согласится? Как это не согласится, он только что открыто не просит, чтобы я его отправил».

Андрей неуверенно посмотрел в глаза брату и встретил умоляющий взгляд. Да, крепко волнуется он за Женьку, и это понятно.

– Слышишь, Андрей, а что нужно сделать, чтобы ты смог отправить меня в прошлое?

Андрей невольно опустил глаза к полу – в сторону того самого аппарата, который стоял этажом ниже, закрытый на кодированный замок.

– Эй, мальчики! Вы что это надумали?! – с тревогой вмешалась в разговор Наташа. – Андрей, даже не заикайся! Я не пущу вас к Машине, понятно?

Возможно, именно реплика жены подтолкнула Андрея. Он невинно посмотрел ей в глаза и пожал плечами:

– Наташенька, а в чем дело? Мы просто поглядим коеВчто в прошлом. Мне для докторской это будет полезно. Володя историю хорошо знает, с ним мне будет легче – не тащить же его в институт!

Наташа окинула неуверенным взглядом обоих мужчин. Деверь улыбался ей как можно легкомысленнее, а муж, сделав паузу, добавил:

– К тому же это будет не сегодня. Мы устали, а надо еще многое проВдумать.

* * *

Владимир тряхнул головой, и окружающий мир перестал кружиться, превратился в интерьер подъезда в какомВтодоме, но тошнота пока не уняВлась. Вот оно, первое последствие переноса в машине времени. То ли еще будет. Так что на тошноту лучше не обращать внимания.

Итак, надо управиться за час. Андрей предупредил, что ровно через час, а теперь уже меньше, сработает «бумеранг» — система возвращения, которая забросит его, Володю, обратно в двадцать первый век, в момент, откуда произошло отправление, и в то же самое место. «Володя, — наставлял брата Андрей, — бумеранг тебя вернет в любом случае, но мне бы хотелось, чтобы ты был при этом жив и здоров. Время и место ты выбрал жуткие. Я понимаю, именно такие мгновения решают судьбу мира, если на нее вообще можно повлиять. Удачи. Давай!»

Владимир оглядел себя. Одежка, конечно, не совсем для этой эпохи, но, судя по предварительным наблюдениям, носили здесь всякое. К тому же обстановка такая, что прохожие больше внимания обращают на оружие в руках встречного, чем на его облачение. Очки бы нацепить, за учителя сойти можно, но авось и так получится.

Он вздохнул и толкнул дверь подъезда. Сразу навалился гул толпы, омерзительный грохот колес неуклюжих автомобилей и конных экипажей по булыжнику, ржание лошадей. А еще запах — смесь пота, фабричного дыма, навоза и горелого пороха. Сердце сжалось: только что поблизости стреляли. Мелькнула робкая мысль: может, вернуться назад, пересидеть в подъезде до возвращения — ведь Андрей почти уверен, что ничего не получится, безнадежная попытка. Владимир сжал зубы и шагнул туда, где собиралась толпа. Именно там должно произойти самое главное. Несколько человек, судя по виду — заводские рабочие, но с ружьями в покрасневших от холода руках — скользнули по нему рассеянным взглядом и отвернулись: и не такое видали.

Владимир осторожно осмотрелся. Вот здесь должно произойти то самое. Сейчас лучше пройти к середине площади, где возвышаются ошестинившиеся пулеметами броневики, пока толпа еще не встала стеной.

Володя медленно подвинулся поближе к тому месту, где, как показал аппарат времени, случится главное. Очень удобно, что рядом броневик, можно опереться спиной. Прикрыть глаза, сделать вид, что зашел сюда просто так. Никто сюда не смотрит — и хорошо.

Потянулись минуты ожидания. Володя даже успел ненадолго задремать — наверное, не более чем на пару минут. Внезапно окружающая толпа всколыхнулась. Дрему пришлось прервать.

Вот он, тот человек! И не скажешь по его виду, что он может изменить историю России. Но что, если у него не получится? Усилия окажутся напрасны... Все равно, спасти хорошего человека — благое дело. А то, что это хороший, добрый человек, видно по его искренней улыбке. И то, как он здоровается с людьми — пожимает каждому руку, словно другу, хлопывая по плечу, не то что Господин Президент Всея Руси, который ведет себя так, будто он вселенский владыка. Ничего, даст Бог, придется Господину Президенту переходить на заработки дворником. Тогда — конец всеобщему идиотизму, сытой тупости, а главное — бессмысленной вражде и ненужным войнам.

Владимир едва уловил движение слева — «рабочий» с вымазанным сажей лицом внезапно сунул руку в карман спецовки, и ткань одежды на его правом боку выперла характерной пирамидкой от дула пистолета. Еще

мгновение, и будет поздно — он выстрелит через одежду, как это случилось на самом деле. Отработанным боксерским движением Владимир с силой ударил чуть правее выпуклости на спецовке «рабочего». Тот вскрикнул от боли. Раздался выстрел, но пуля ударила вниз — в булыжник мостовой. На шум обернулись несколько рабочих и солдат, стоявших в оцеплении:

— Провокатор! Шпион! Он вооружен! Держите его, скорее! — вразнойой закричали они.

«Рабочий» затравленно оглянулся, убедился, что его вотВют схватят, рванулся назад, туда, где толпа еще встала монолитом. К нему бросились люди, потянулись руки, чтобы схватить, но покушавшийся успел проВшмыгнуть мимо замешкавшихся людей — и был таков.

— Держите второго! Они заодно! — услышал ошеломленный Владимир. Сомнений не было, его приняли за сообщника убийцы, и теперь его собВственная жизнь оказалась в опасности. Володя замешкался, и тотчас его схватили за руки и за плечи несколько рабочих. «Плохо дело. Сколько вреВмени осталось до возвращения? Ладно, если сейчас поведут на допрос, а вдруг сразу пристукнут?»

— Смотрите! Это не наш, не заводской! Одежа на нем какая! Это же иноВстранный шпион! Враг!

Толпа словно забыла, что «шпион» только что спас ее кумира. КтоВтос силой ударил Владимира кулаком в спину.

— Эй! Не надо бить его! Мы осудим и расстреляем его прямо сейчас — по закону революции! — послышался суровый голос одного из тех, кто сопровВождал спасенного Владимиром человека. Тот, в свою очередь, растерянно оглядывался, словно желая убедиться, что опасность миновала, и тоже не спешил на помощь к Володе. «Плохо дело. Расстреляют прямо сейчас, за милую душу».

На мгновение ощутив ослабление железной хватки, Володя резко приВсел, освобождаясь от державших его рук, опрокинулся на спину, перевоВротом назад вскочил на ноги и, расчищая себе дорогу кулаками и локтями, рванул к тому дому, откуда вышел почти час назад.

Он бежал через площадь и думал об одном: продержаться, выжить до назначенной минуты. Сзади слышались выстрелы, ктоВторядом закриВчал от боли.

— Не стреляйте! Вы попадете в рабочих! Мы его так схватим!

«Хорошая это мысль — не стрелять. А что вы меня схватите — еще посмоВтрим.»

Едва Володя выскочил с площади и рванул на себя дверь ближайшего подъезда большого дома, как земля вдруг ушла изВподног и весь мир преВратился в огромный серый водоворот. Машина Времени запустила «бумеВранг», унося герояВпасителя с площади перед Финским вокзалом в Петрограде, из 16 апреля 1917 года.

Маленький улыбчивый человек не погиб от руки агента Временного правительства, сделал намеченное и вошел в историю как Владимир Ленин.

Володя замолчал. Я тоже не издавал ни звука, силясь разобраться в той каше, которая заполняла сейчас мою голову. Все, что я услышал, было совершенно неправдоподобно, но ни малейшего сомнения не вызывало. Не только потому, что это объясняло удивительную метаморфозу, приключившуюся с братом, а прежде всего... я словно сам увидел это, находясь у пульта злополучной Машины Времени. Выходит, мой родной брат спас Ленина, и из-за этого мы живем сейчас в полном дерьме?.. Впору дать за это по шее незадачливому спасителю исторического проходимца, но ведь получается, что я виноват не меньше его. Да и брат уже наказан с того момента, как очутился в нашей постсоветской России. А что с ним будет, когда он узнает, что Женька служит в Чечне?!

— Ладно, Володя, сделанного не воротишь. Машины Времени больше нет, и исправить случившееся не удастся. Домой ты пока не спеши, отдохни сперва у меня. — Я не стал говорить брату, что его жена настроилась разводиться. Может, еще передумает, увидев его в новом обличье. — Давай пока посидим спокойно, придем в себя от всех этих новостей.

Я потянул брата в соседнюю комнату, мягко подтолкнул его к дивану и включил телевизор.

— Андрей... Это что, у вас телевизоры такие? Никакой голографии? МВд... У нас такие были в сороковых...

Я равнодушно пожал плечами и нажал кнопку пульта. Чем быстрее брат забудет про голографические телевизоры, тем лучше для него, не то снова сопьется.

На экране появился диктор, читавший сводку новостей. Я отвернулся — не могу уже слушать эти лицемерные речи. А затем...

Мой брат вдруг резко подпрыгнул.

— Как?! Что?! Он и у вас тоже президент?

Я обернулся к экрану. По телевидению выступал президент России.

Об авторах

Фредди Ромм родился в 1960 году в Москве. Основная профессия — химик-исследователь. Доктор наук (Технион Юайфа, 1996). С 1991 проживает в Израиле. В 1981-82 гг. — член Клуба Фантастов при Технике Молодежи. Затем — перерыв в писательском творчестве до 2005 г. Основная тематика: героизм и герои, отношение к ним общества. Основные жанры: фантастика, история, мистика, приключенческий псевдореализм, альтернативная история. Тираж опубликованного начиная с 2006 г. — свыше 500 тыс. экз.

Сергей Муратов родился в 1954 году в Омске. Окончил консерваторию в Новосибирске и аспирантуру в Киеве. Скрипач. Живет в Сиднее, Австралия. Работает в музыкальной академии по классу скрипки. Кандидат искусствоведения (PhD).

Публиковался в «Медном Всаднике» (Петровская академия наук и искусств, № 24, 2007 г.) — 4 стихотворения и одна прозаическая миниатюра.

Есть издания на английском языке (в США), русском (Украина), в жанре научной искусствоведческой литературы.

Был художником оформителем некоторых художественных литературных произведений, изданных в Израиле и США.

Владимир Анин

Конденсатор гнева

Долгое время я не решался изложить эту историю на бумаге. Не потому, что испытывал сомнения в своих повествовательных способностях — проВсто уж слишком невероятной она может показаться читателю. Невероятной и, в то же время, очень жизненной. А читатель нынешний не всегда приВемлет такое смешение. Ему подавай чтоВнибудь сугубо натуралистическое, либо уж очень фантастическое, такое, что и в головуВтоне придет простому обывателю. Моя же история, несмотря на невероятные события, описанВные в ней, является совершенно правдивой. Однако не буду вас долго мучить занудным предисловием и перейду к делу.

Случилось это несколько лет назад, осенью, когда погода уже стояла пасмурная, голые деревья и пожухлая трава, покрытая слоем опавшей листвы, отчетливо говорили о скором приближении зимы, однако было сухо, и, несмотря на прохладный ветерок, прогулки мои в парке с неизменВным спутником спаниелем по кличке Боб даже доставляли удовольствие. Бодрящий воздух еще только пугал предстоящими заморозками, но уже благотворно действовал на атмосферу большого города, прибывая к земле вредные выхлопы гигантского автомобильного стада и прочие неблагоприВятные для человеческого организма выбросы. А потому дышалось легко, как будто концентрация кислорода и бодрящего азота в воздухе заметно повысилась по сравнению с бесчисленным множеством всевозможных химических элементов, представляющих, в том числе, и нижнюю часть таблицы Менделеева, то есть, тяжелых металлов, которые Бог весть каким образом оказываются в воздухе, невзирая на то, что тяжелые.

Итак, я со своим ушастым питомцем черного окраса прогуливался по парку, что располагается неподалеку от моего дома. Наличие такого зелеВного островка в черте города, да еще и в нескольких минутах ходьбы, являВется безусловным преимуществом для горожанина, обреченного проводить свои дни в асфальтобетонных джунглях, где любое зеленое насаждение является лишь робким напоминанием о живой природе и зачастую плохо приживается, отступая под натиском техногенного чудища. Тот, у кого под боком волею судьбы оказался скромный сквер или бульвар, уже счастливВчик. А уж если это целый парк, а тем паче лесопарк, то можно с уверенноВстью сказать — ему крупно повезло. Вопрос с прогулками, в частности, в компании четвероного друга, или с зимними пробежками на лыжах — решен. Посмотрите на несчастных, вынужденных добираться до места восВкресного отдыха в автобусе или на метро. Да и тем, кто для этой цели садится за руль автомобиля, не позавидуешь — мало того, что они обречены

провести полдня в пробке, они лишены великолепной возможности после активного отдыха опрокинуть согревающую чарочку в зимнюю стужу или оттянуться прохладным пивком в летний зной... Однако я отвлекся.

Было около трех часов пополудни. Обычно я выгуливал Боба два раза в день, утром и вечером, как и большинство собачников. Но поскольку по роду деятельности (я свободный журналист) имел возможность самостоятельно распоряжаться своим временем, то порой позволял своему питомцу увидеть свет трижды за день, то есть, помимо утреннего и вечернего моциоВ на выходить еще и на послеобеденную прогулку. Что, собственно, и проиВзошло в тот раз.

Я с удовольствием вдыхал чистый, уже почти лишенный запахов, холодВый воздух. Боб, задрав лапу, метил очередное дерево. Причем, делал это уже почти минуту, пытаясь выдавить из себя хоть каплю.

– Добрый день! – послышалось сзади.

Я обернулся. Передо мной стоял маленький толстенький человек в сером плаще. Он приподнял над лысеющей головой шляпу, такую несуразВную в нынешнее время, и широко улыбнулся. Другой рукой он держал на поводке взволнованно переминающегося с ноги на ногу карликового пинВчера. Мой Боб, конечно, не волкодав, но мужчина с такой миниатюрной собачкой смотрелся весьма комично.

– Вы не будете против, если мы присоединимся к вашей компании? Сегодня в парке почти никого нет, даже поговорить не с кем, а я, знаете ли, весьма охоч до общения. Да и Джульетте, – он кивнул на свою собачку, – будет веселее. О! Ну, конечно, если только я не стану помехой в вашем стремлении к одиночеству под сенью этого великолепного парка. Я отличВно понимаю. Сам, знаете ли, частенько нуждаюсь в уединении, в особенВности, когда находит вдохновение, сотни мыслей роятся в голове и требуют порядка. В такие минуты я бегу от городской суеты, добровольно становВлюсь отшельником и живу исключительно внутренним миром. Даже есть порой забываю. Я уж не говорю про женщин. – Он тихонько захихикал, прикрывая рот рукой в черной вязаной перчатке, глаза его сузились, и своим пухлым скуластым лицом он стал походить на китайца.

Через некоторое время он отнял руку ото рта и вопросительно посмоВтрел на меня. Глаза из щелочек превратились в две маленькие коричневые пуговицы, а взъерошенные брови слегка вздернулись. Я рассеянно смотрел на его маленький, кнопочкой, порозовевший на холоде нос и тонкие губы, застывшие в полуусмешке, и наконец спросил:

– Вы писатель?

– Почему писатель? – Он удивленно захлопал ресницами.

– Или музыкант?

– С чего вы так решили?

– Ну.. вы там чтоВтоговорили про вдохновение...

– Ах, это! – Он опять захихикал, прикрывая рот рукой, и я решил, что у него, видимо, плохие зубы. – Что вы! – Он отнял руку. – Неужели вы думаете, вдохновение доступно только людям искусства? Нет! – Он улыВнулся широко, и я увидел, что зубы у него хорошие, белые, только редкие. – Я физик. А нам, ученым, вдохновение тоже требуется, в этом мы мало чем

от людей искусства отличаемся. Физики и лирики, знаете ли, одного поля ягоды. А вы писатель? Я просто интересуюсь, поскольку вы мне сами задали такой же вопрос.

– Почти. – Я пожал плечами. – Я журналист.

– А вы, – протянул он. – Новости, репортажи с места событий?

– Не совсем. Я пишу очерки и статьи.

– На какую же тему, позвольте полюбопытствовать?

– В основном, на социальную.

– Так это же прекрасно, друг мой! – воскликнул он и довольно фамильярно хлопнул меня по плечу. – Вы же мне и нужны, вас же мне сам Бог послал!

– В каком смысле? – Я невольно отступил.

Этот человек почему же не вызывал у меня особого доверия, он мне даже показался немного с приветом.

– Я вам сейчас все объясню. Для начала позвольте представиться. – Он назвал свое имя. По определенным причинам, я не буду приводить его в этом повествовании. Назовем его просто – экспериментатор, тем более что он сам себя так назвал. – Я, знаете ли, физик-экспериментатор. Все свои теории незамедлительно проверяю на практике, а для этого приходится конструировать весьма хитроумное оборудование и проводить сложные физические опыты.

– Не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне? – удивился я.

Боб тем временем, уже закончив свои дела, нетерпеливо крутился вокруг моих ног, то и дело, прыгая в сторону и натягивая поводок. Джульетта смиренно стояла подле своего хозяина и лишь слегка приседала и шевелила ушами, когда Боб начинал тявкать. Я медленно двинулся к выходу из парка.

– Самое прямое! – воскликнул экспериментатор, поспешив за мной. – Недавно я совершил потрясающее открытие. Пока оно, правда, только на бумаге, но я уже почти закончил создание прибора, который поможет мне доказать эту теорию на практике. Это будет грандиозный опыт – физико-социальный опыт, если хотите. И вы как журналист-социолог обязательно должны поучаствовать в этом эксперименте с тем, чтобы потом описать его в тех самых ярких красках, которыми вы, журналисты, умеете описывать. Очень важно правильно и грамотно донести до людей результаты опыта, дать им возможность вникнуть в суть этого открытия и научиться пользоваться им... Нет, нет! – воскликнул он, заметив сомнение на моем лице. – Я не призываю вас приукрашивать и сочинять небылицы. Я прошу только описать все это понятным, доступным обывателю языком.

К этому времени мы уже вышли из парка и остановились перед моим домом.

– И все же я не совсем понимаю, что вы от меня хотите, – сказал я.

– Давайте сделаем так. Я живу вон в том доме. Второй подъезд, третий этаж, квартира номер сорок шесть. Запомнили? Приходите ко мне сегодня часиков в семь, я вам все подробнейшим образом расскажу. Поверьте, вы не пожалеете. Можете, кстати, и своего пуделя взять.

– Это спаниель, – обиделся я за Боба.

– Надо же! – Он закусил губу. – А так на пуделя похож. Как его величают?

– Боб.

– Ну, так прихватите с собой Боба. С Джульеттой поиграет...

– Думаю, это лишнее. Он вполне может посидеть дома.

– Так, значит, вы придете? – обрадовался экспериментатор.

– Да, – немного помедлив, ответил я.

Мне действительно стало любопытно. Этот чудаковатый тип сумел меня заинтриговать. Я, конечно, не склонен был воспринимать всерьез всю эту болтовню насчет «потрясающего открытия», но последнее время у меня что-то никак не вырисовывалась интересная тема, а два уже начатых очерка я никак не мог дописать, остыл, потерял интерес. Благодаря этому физику я надеялся немного восстановить бреши в своем творческом мышлении и, если не разродиться каким-нибудь новым творением, то хотя бы закончить начатое.

В назначенное время я стоял перед обитой потертым дерматином дверью и давил на кнопку звонка. Однако ожидаемой трели не раздавалось (я почему-то был уверен, что должна быть примитивная трескучая трель, а не какой-нибудь «дин-дэн»), в квартире было тихо. Я надавил на кнопку сильнее – никакого эффекта. Я стоял в раздумье: постучать в туго натянутый дерматин или просто повернуться и уйти. Как вдруг замок щелкнул, и дверь распахнулась. На пороге стоял экспериментатор и улыбался во весь рот. На нем был синий тренировочный костюм и домашние тапочки с опушкой. В ногах его жалась, с недоумением оглядывая меня, Джульетта.

– Проходите, голубчик, проходите! – Он посторонился, впуская меня в квартиру.

– Странно, мне показалось, у вас звонок не работает, – сказал я, шагнув в тесную прихожую, заставленную коробками и ящиками.

– Ой, вы знаете, не терплю шума, особенно внезапного. Неожиданно прозвучавший звонок мало того что пугает, так ведь еще и совершенно сбивает с мысли. После этого уже нет никакой возможности сосредоточиться. А для моей работы это катастрофа. Уходит, по меньшей мере, день или даже два на то, чтобы вновь вернуть мысль в нужное русло, а это упущенное время, а порой и вовсе нереализованные возможности. Так что я заменил звуковую сигнализацию на световую. Вот поглядите. – Он просунул руку в приоткрытую дверь и нажал на кнопку звонка. Над дверью вспыхнула лампочка, самая обыкновенная, без плафона. – Если я в это момент не слышан занят, я обязательно замечу сигнал и открою. Ну, а если мне не до того, значит, я просто не готов никого принять. Гениально, не правда ли?

– Да, пожалуй, – пробормотал я, стягивая с ног тяжелые осенние ботинки. – Куда можно повесить куртку?

– Вот сюда, голубчик. – Он подхватил мою куртку и ловко повесил ее на крючок, прикрученный прямо к дверце стенного шкафа. И обязательно наденьте тапочки, пол очень холодный.

– Да нет, спасибо, не беспокойтесь.

– Я настаиваю. Ходить босиком по линолеуму – это самоубийство. Ноги надо держать в тепле, вас разве мама не учила? Ведь если у вас мерзнут

ноги, вы постоянно отвлекаетесь на эту неприятность, на дискомфорт, и тогда мысли ваши неминуемо приходят в беспорядок. Держи ноги в тепле, а голову в холоде, а? Помните народную мудрость?

— Что-то такое припоминаю, — ответил я, нехотя всовывая ноги в распотертые вельветовые тапочки.

— А теперь прошу вас в мой кабинет.

Середину просторной комнаты занимали три стола: один письменный и два рабочих с верстаками и какими-то приспособлениями непонятного назначения. Стены от пола до потолка покрывали стеллажи, забитые книгами. В углу притулилась серая кушетка. Видимо, это был не только кабинет, но и по совместительству спальня, тем более что других комнат в квартире экспериментатора не было. В кабинете, в отличие от прихожей, царил порядок. Лишь на письменном столе были разложены большие листы бумаги с чертежами, тетради и пара книжек, а на рабочих столах аккуратно расставлены какие-то детали и детальки.

— В кабинете я стараюсь поддерживать строгий порядок, — словно прочитав мои мысли, сказал экспериментатор. — Это помогает сохранять порядок в голове, ни на что, знаете ли, не отвлекаешься. Ну, а в прихожей у меня нечто вроде склада, так что прошу меня извинить. Вот здесь я и совершаю свои открытия, а заодно воплощаю их в жизнь в форме моих сконструированных аппаратов. Вам нравится? Впечатляет? А теперь прошу в мою гостиную, то есть на кухню. К сожалению, гостей я имею возможность принимать только там.

Маленькая кухня оказалась на редкость уютной, несмотря на довольно бедную обстановку: плита, тумба, висевший над ней шкафчик, столик и два табурета.

— Садитесь, голубчик, сейчас будем пить чай, — засуетился экспериментатор. — Вы какой предпочитаете: черный или зеленый?

— Черный, пожалуйста, — ответил я, опускаясь на табурет.

— С бергамотом, с жасмином?

— А разве бывает черный с жасмином? — изумился я.

— Конечно, бывает. Это, правда, большая редкость. Обычно с жасмином теперь делают только зеленый. Я, знаете ли, заядлый чаеман и пытаюсь запастись как можно большим разнообразием этого изумительного напитка.

— Я почему-то думал, что ученые пьют кофе. Чтобы работать по ночам.

— Ха! Возможно, вы и правы. Но на меня кофе действует совершенно противоположно — я сразу начинаю засыпать. Приходится выпивать вторую чашку, третью, четвертую. А это уже, знаете ли, крайне вредно для сердца, для печени. Так что моим неизменным спутником является чай. В нем, кстати, тоже достаточно кофеина, необходимого для поднятия тонуса, а вкупе с дубильными веществами и прочими полезными элементами он здорово повышает работоспособность и, особенно, стимулирует мозговую деятельность. Вы не знали? А какой аромат! Да и что может быть естественнее для русского человека, как не беседа за чашечкой чая. Чай, он хоть и пришел к нам из Азии, по праву является истинно русским напитком. До появления чая наши предки пили заваренные травы,

листья, ягоды. Кофе – напиток нам чуждый. Вы когда-нибудь слышали слово «кофепитие»? Я тоже не слышал. А чаепитие...

Он поставил на стол огромный заварочный чайник, из носика которого струился ароматный жасминовый пар, и накрыл его полотенцем. Следом на столе появились две здоровенные фарфоровые кружки, сахарница, банка меда, банка варенья и нарезанный аккуратными ломтиками батон хлеба.

– Ни конфеты, ни печенье – только хлеб и мед с вареньем, – продекларировал экспериментатор, усаживаясь напротив меня.

Я, признаться, уже немного устал от его болтовни и поспешил напомнить о том, что он собирался поведать мне о каком-то сверхъестественном открытии.

– Ну да, конечно же! – воскликнул тот, наливая мне полную кружку чая. – Вы, кстати, чай черный пьете или с молоком? Или с лимоном?

– Просто черный, спасибо. И, если можно, давайте ближе к теме, а то у меня еще куча работы.

Это прозвучало, конечно, грубовато. К тому же я лукавил, никакой такой работы у меня не было, а если и была, то отнюдь не срочная, или такая, за которую я совсем не горел желанием приниматься. Просто в силу моего не слишком терпеливого нрава мне уже становилось скучно, и я торопился закончить этот, казавшийся мне совершенно бессмысленным, разговор. Видимо, такой порыв с моей стороны вызвал у моего собеседника недоумение, он даже немного огорчился, что сразу же отразилось на его лице.

Он вздохнул и продолжал:

– Я постараюсь не занять много вашего времени, голубчик. Но для начала позвольте узнать ваше имя, а то как-то неловко обращаться к вам.

– Простите. – Тут уже я испытал неловкость, я ведь ему так и не представился. – Меня зовут Андрей.

– Андрей, – повторил он. – Очень приятно. Так вот, Андрюша, вы наверняка помните из курса школьной программы такие понятия, как теплоэнергетика, электроэнергетика, ну и тому подобное. Но вы наверняка никогда не слышали об эвовероэнергетике: от латинского «эмовере» – эмоция. То есть, энергия эмоций. Последние несколько лет эвовероэнергетика является предметом моих исследований. Увы, коллеги не воспринимают всерьез это направление науки, они и наукой этого не считают. Но я, изучая это необыкновенное явление, пришел к поразительному открытию. Оказывается, энергия человеческих эмоций является такой мощной штукой, что при грамотном ее использовании она вполне могла бы заменить многие источники энергии. Человек – существо социальное и постоянно вынужден доказывать окружающим свое право на существование и на свое место в социуме. Поведение человека сопровождается генерацией различных эмоций, вызванных окружающей его обстановкой, внутренним миром. Эмоции, как известно, делятся на положительные, самая сильная из которых – радость, и отрицательные, где первое место занимает гнев. Почему-то никому не приходило в голову, что эмоция – это не что иное, как концентрированный выброс энергии, которая в обычных условиях уле-

тает в пустоту, расходуется бесцельно. Но если научиться улавливать эту энергию и накапливать ее, представляете, сколько пользы можно из этого извлечь? А помножьте энергию эмоций одного индивида на потенциал толпы? А всего человечества? По моим расчетам, эмоциональной энергии одного человека, вырабатываемой за год, достаточно, чтобы в течение суток освещать, скажем, вот эту кухню. Это как минимум. А как максимум – целую неделю, все зависит от темперамента. Разве это не велико? Нет, конечно же, я не призываю отказаться немедленно от традиционных источников энергии, в том числе альтернативных: солнца, ветра, приливов. Но сама по себе идея использования энергии человеческих эмоций, по моему, замечательна. Новый экологически чистый источник энергии. Практически вечный, во всяком случае, до тех пор, пока существует человечество.

– Любопытно, – процедил я.

Он все же сумел меня убедить. Я по натуре человек недоверчивый и ужасно консервативный. Все новое вызывает во мне протест и отторжение. К тому же я и в самом деле чувствовал себя усталым, сам не знаю отчего. Тем не менее, я все же заинтересовался:

– Ну, а в чем проблема? Идите, запатентуйте ваше изобретение. Я так полагаю, что потом можно будет каждому вставить куда-нибудь батарейку, и он сможет в течение дня заряжать ее, а по вечерам переключать в фоновый режим и освещать город?

– Ну, зачем же так примитивно? – обиделся экспериментатор. – Я ведь не шучу, это абсолютно серьезно. А проблема действительно существует. В процессе моих исследований я обнаружил, что количество негативных эмоций многократно превышает количество положительных. Да и сила негативных эмоций значительно больше.

– И о чем это говорит?

– Прежде всего, о том, что в нашем обществе не все благополучно. Это, кстати, по вашей части – вопрос социальный. А что касается физики, то слабость и рассеянность энергии положительных эмоций очень усложняет процесс ее улавливания.

– То есть, вы хотите сказать, что негативные эмоции вы научились улавливать?

– Именно! – воскликнул экспериментатор, подняв вверх указательный палец. – Аппарат, который я сконструировал, способен улавливать и накапливать в себе эту энергию.

– Так это хорошо или плохо?

– Это хорошо. То есть, плохо, что количество негативных эмоций свидетельствует о нездоровье общества, но хорошо то, что эту отрицательную энергетику – энергию негативных эмоций, и, в первую очередь, энергию гнева, можно использовать во благо, то есть оздоравливать общество. Но есть одно «но».

– Какое?

– Существует вероятность того, что «плохая» энергия не захочет творить добро и принесет только вред.

– Ну, это уже мистика какая-то! – усмехнулся я.

– Зря иронизируете, – вздохнул экспериментатор. – Это только на первый взгляд чистая физика. А как копнешь глубже, понимаешь, что все это уже выходит за рамки традиционной науки, за рамки «нормальности». Я пока сам не вполне могу объяснить все возникающие при этом процессы явления. Знаю только одно – явления есть, и этим надо непременно воспользоваться. Для этого я и сконструировал свой аппарат.

– Хотелось бы на него взглянуть, – недоверчиво произнес я.

– А я вам сейчас покажу.

Он подскочил с табурета и выбежал из кухни, а через несколько мгновений уже стоял в дверях, протягивая небольшую металлическую коробочку, увенчанную чем-то похожим на елочку, и опоясанную рядом разноцветных мигающих лампочек.

– Что это? – спросил я, привстав.

– Эмовератор! – гордо произнес экспериментатор. Лицо его сияло, глаза горели, губы взволнованно подрагивали. – Или, проще говоря, конденсатор гнева. Конечно, хотелось бы, чтобы он мог конденсировать различные виды эмоций, но пока это только гнев.

Он пустился в долгие и пространные объяснения, как и по какому принципу работает эмовератор. Я даже не буду пытаться воспроизвести здесь то, что рассказывал мне о своем чудовищном приборе экспериментатор. Все равно, я ничего не понял, а обилие заумных научных терминов в его речи превосходило все мыслимые пределы. Единственное, что мне удалось для себя уяснить – прибор каким-то невероятным образом впитывает в себя энергию гнева и способен накапливать ее до таких величин, что конденсатор можно использовать вместо карманной батарейки, то есть подключить к нему обыкновенный электрический фонарик, и тот якобы будет гореть.

Спустя полчаса голова у меня уже раскалывалась, я понял, что если немедленно не сбегу, то рискую заработать серьезную мигрень, или попросту свихнусь. Я вежливо перебил нескончаемый поток информации, лившийся из уст разгоряченного экспериментатора, и, сославшись на занятость, поспешил откланяться. Напоследок мы обменялись телефонами, он вдобавок записал мой домашний адрес, и мы распрощались.

Всю следующую неделю я был предоставлен самому себе. Много гулял, в компании Боба, разумеется. Экспериментатор мне больше на глаза не попадался, и я стал постепенно забывать о том безумном разговоре на его кухне. К тому же ко мне вроде бы как стало возвращаться вдохновение, я даже засел за один из моих недописанных очерков.

Как вдруг, в один прекрасный день, в дверь позвонили. Я только успел налить себе чаю и включить компьютер. Мерзкий дребезжащий звонок заставил меня вздрогнуть, я невольно вспомнил, как экспериментатор объяснял мне, почему вместо звонка он решил установить в квартире световую сигнализацию.

Чертыхаясь, я нехотя поднялся и пошел открывать. На пороге стоял он. И улыбался во весь свой щербатый рот. Отпечаток какого-то безграничного счастья настолько озарял его лицо, что я даже не посмел возмутиться такому беспардонному вторжению.

– Андрюша, голубчик! – воскликнул он, отстраняя меня и входя в кварВ
тиру. – Получилось! Он работает!

– Ух, ты! – сказал я, чтобы чтоВто сказать, и невольно поморщился,
глядя на жирные капли грязи, сползающие с его ботинок и растекающиеся
по моему полу рыжими кляксами.

– Вы должны это видеть, немедленно! Одевайтесь скорее и идейте со
мной.

– Куда? – опешил я.

– В магазин.

– Мы собираемся чтоВтопраздновать?

– Да нет же!

– Тогда я чтоВтоне совсем понимаю...

– Идемте, идейте, я вам все объясню.

Он сорвал с вешалки мою куртку и принялся натягивать ее на меня.
Пришлось подчиниться, устоять под таким напором было невозможно.

Все время, пока мы шли по улице, подставляя лица мерзкому мокрому
снегу, экспериментатор молчал. Перед входом в гастроном (есть у нас такой
захудалый магазинчик в пяти минутах ходьбы от моего дома) я остановился
и потребовал разъяснений.

– Сейчас вы все увидите! – загадочным тоном произнес экспериментаВ
тор и, схватив меня за рукав, потащил внутрь.

– Нет уж, извольте сперва объяснить, зачем мы туда идем.

– Ну, хорошо, – сдался он. – Вы часто бываете в этом магазине?

– Случается. – Я пожал плечами, хотя не помнил, когда был здесь в
последний раз.

– Вы отметили в нем чтоВнибудь особенное?

– Магазин, как магазин. Только народу больше обычного. Видимо,
потому что продукты дешевые, только просроченные все.

– Точно! А что за народ там?

– Бабушки, дедушки...

– Типичная публика из светлого советского прошлого, – уточнил эксВ
периментатор. – И повадки у них те же, из прошлого. А вы помните, как
тогда было?

– Да уж помню, не мальчик, поди: борьба за каждый кусок колбасы,
мордобой изВзалишней упаковки помидоров... К чему вы это?

– А вот к тому, голубчик Андрюша, что люди эти до сих пор живут переВ
житками того тяжелого времени, главный из которых – непримиримая
агрессия по отношению друг к другу. А это именно то, что нам нужно. Ну
что, пойдём?

Мы вошли в гастроном. Пожалуй, я действительно там давно не был, я
даже забыл, как там пахнет – помесь аромата протухшего мяса и гнилой
картошки. Мне сразу захотелось убежать, но экспериментатор крепко дерВ
жал меня за рукав.

ПоВмоему, сейчас во всех продуктовых магазинах города, да и не только
в продуктовых, с успехом внедрена система самообслуживания: ходи,
выбирай себе сам, что хочешь, а услужливые продавцы только стоят поблиВ
зости, готовые в любую минуту придти на помощь, да еще следят, чтобы ты

что Внибудь не спер. В этом магазине все было иначе, здесь каким ВтонеВеВ роятным образом сохранилась древняя прилавочная система, когда к кажВ дому из пяти прилавков выстраивается длинная очередь из голодных и жаждущих, знающих наверняка, что здесь тебя непременно обманут (или недовесят, или обсчитают), но упорно и слепо верящих, что только здесь и есть самые настоящие, не грабительские, цены, потому что дешево. То, что этикетки со сроками годности на упаковках переклеиваются по несколько раз, никто не замечает, или не хочет замечать — раз продают, значит, вполне пригодно к употреблению. Кроме того, товар к прилавку выносится откудаВ то из «потайной» комнаты небольшими порциями, и всякий раз кажется, что эта порция последняя. Это еще больше подогревает нездоровый спрос. То, что возле прилавка просто мало места, в голову никому не приходит, а если кто случайно и задумается об этом, то незамедлительно отвергнет такую мысль, как ложную — инстинкт самосохранения и инстинкт вечного добытчика не дремлют. Ведь другие стоят!

Экспериментатор приблизился к одной очереди и незаметно достал из кармана пальто эвовератор. Бочком, бочком, он пристроился в середине очереди и через головы впереди стоящих попытался заглянуть за прилавок. Что тут началось! Очередь колыхнулась, немного ропща, а потом вдруг разВ разилась воплем десятка разъяренных пожилых людей с котомками: «Встаньте в очередь!», «Вот молодежь пошла!», «Совсем совесть потерял!», «Вроде, интеллигент, а туда же!» И прочее, и прочее, и прочее. Больше всего умиляла реплика насчет молодежи: экспериментатор был от силы лет на десять моложе большинства стоявших в очереди.

Я стоял чуть в стороне и чувствовал, как у меня волосы на голове начиВ нают шевелиться. Да для такой мощной энергетики никакой конденсатор не нужен, я этот праведный гнев возмущенной толпы все кожей ощущал. Возьми сейчас в руку электрическую лампочку, и она вспыхнет — настолько наэлектризованным казался воздух.

Экспериментатор выждал около минуты или даже меньше того и, довольно улыбаясь, отскочил в сторону, поскольку к нему уже потянулись несколько жаждущих расправы рук.

— НуВс не будем доводить до кровопролитья, — шепнул он, прошмыгВ нув мимо меня к выходу.

Я поспешил за ним, а вслед нам неслись возмущенные крики и укоризВ ненные замечания.

— Каково? А? — воскликнул экспериментатор, когда мы были уже на улице. — Смотрите сюда! — Он поднял вверх эвовератор, центральный свеВ тодиод горел ярким желтым светом. — Зарядка на уровне пятидесяти проВ центов. Скорее ко мне домой!

Дома он на ходу сбросил ботинки, чуть не зашибив несчастную Джульетту, и побежал в свой кабинет. Я прошел на кухню и в ожидании уселся на табурет. Экспериментатор появился менее чем через минуту, держа в одной руке эвовератор, а в другой старый туристский фонарик, из тех, что раньше были столь популярны и работали на толстых круглых батаВ рейках. Фонарь был раскрыт, из него свисали два заранее приделанных проводка.

Экспериментатор положил оба предмета на стол и аккуратно присоединил проводки к специальным маленьким клеммам эвовератора.

— Внимание! — воскликнул он и щелкнул маленьким переключателем на корпусе прибора.

В то же мгновение фонарик вспыхнул, а я даже привстал от неожиданности. Все это походило на какой-то фокус или розыгрыш. Конечно, хотелось верить, что это правда, но червь сомнения продолжал грызть меня изнутри, и я вдруг рассмеялся.

— Не понимаю, что тут смешного? — нахмурился экспериментатор.

Я захохотал в голос и долго не мог успокоиться. Наконец я с трудом проглотил очередной смешок и, вытирая глаза, встал.

— Ну, вы даете! Вот ведь устроили! А я почти поверил.

— О чем вы? — подступил ко мне экспериментатор, схватив фонарь и трясая им у меня перед лицом.

— Как я сразу не догадался, что вы меня разыграли? Вы же заранее зарядили эту батарейку, а теперь демонстрируете, будто бы она зарядилась от воплей тех несчастных старичков в магазине.

— Андрюша! Вы меня обижаете! — вскричал экспериментатор. — Как вы могли такое подумать? Неужели вы думаете, у меня есть время на такие нелепые розыгрыши?

— Ладно, давайте серьезно, — сказал я. Мне уже стало не смешно, я потел время, пусть даже и повеселился немного. Но меня дома ждала работа, и этот настырный толстяк начинал меня раздражать. — Зачем вы все это делаете?

— А если серьезно, — нахмутив брови, отвечал тот, — то я прошу вас... нет, я просто настаиваю на повторении эксперимента. Сейчас мы разрядим эвовератор, он, кстати, уже почти разрядился. — Фонарик и вправду затухал. — И проведем опыт еще раз, чтобы вы убедились воочию.

— Вы что, хотите опять потащить меня в этот жуткий магазин?

— Нет! — капризным тоном отрезал экспериментатор. — В магазин мы больше не пойдем, там нас, чего доброго, порвут на части. Мы пойдем в другое скопище негативной энергии.

— И куда же это, позвольте полюбопытствовать? — ехидно усмехнулся я.

— В общественный транспорт! Сейчас как раз приближается час пик. Не желаете прокатиться на автобусе от метро?

— Если честно, нет, — поморщился я, представив себе классическую давку.

— А придется! — заявил экспериментатор тоном, не терпящим возражений. — Я же должен вам доказать, что мой эвовератор не фикция.

Я сдался. Мы отправились на автобусную остановку с тем, чтобы прокатиться до метро и там брать приступом автобус, идущий в обратном направлении. Я не буду в подробностях описывать это короткое, полное неприятностей путешествие. Скажу только, что экспериментатор в результате этой поездки лишился двух пуговиц на пальто, у моей куртки капюшон оказался наполовину оторван, а вязаная шапочка, сбита чьим-то локтем, упала под ноги и была нещадно затоптана.

Тем не менее, главного экспериментатор добился. Вернувшись домой,

он подсоединил к эвовератору фонарь, и тот вновь вспыхнул ярким светом, словно в него вставили свежие батарейки. Причем, в этот раз фонарь работал долго. Несмотря на мой скепсис, сомнений не оставалось — чудесный прибор работает. Я пообещал экспериментатору, что незамедлительно сяду за описание проведенных в тот день опытов, что и собирался сделать, пока не пришел домой и не обнаружил, что позабытый мною Боб благополучно наделал в углу кучу. Я пошел его выгуливать, а возвратившись, принял душ и завалился спать...

Прошло около месяца, прежде чем беспокойный экспериментатор вновь нарушил размеренный ход моей жизни, ворвавшись, как всегда, неожиданно внезапным телефонным звонком в такое тихое и мирное зимнее утро.

— Андрюша! — восторженно завопила телефонная трубка, и я невольно отстранил ее от уха. Было около девяти часов утра, но я еще оставался в постели, поскольку накануне заработался допоздна. Боб лежал на коврикe возле кровати и укоризненно смотрел на меня. — Андрюша, я обязательно должен показать вам это! — продолжал кричать экспериментатор. — Срочно приходите, срочно!

— Господи, да что случилось? — пробубнил я в трубку.

— Я построил его. Эвовератор! Не миниатюрную опытную конструкцию, что мы с вами испытывали, а настоящий — невероятной мощности. Если вы не поспешите, то уверяю вас, очень пожалеете. Ведь это не просто прорыв, это революция, это тайфун, это... В общем, сами увидите. Сколько времени вам нужно на сборы?

— Ну..

— Вы что, еще не встали? — удивленно воскликнул экспериментатор.

— Встал, — соврал я, стыдливо выползая из пододеяла. — Давно уже. Сейчас только Боба выгуляю и приду.

— Хорошо, хорошо. Только, умоляю вас, поторопитесь.

Он повесил трубку. Я, поеживаясь, побрел в ванную.

Эта утренняя прогулка с Бобом была, пожалуй, одной из самых коротких — этакая спринтерская пробежка вокруг дома с небольшими остановками у парочки деревьев. Несмотря на явное недовольство пса и даже попытки сопротивляться, я все же затащил его домой и, наспех глотнув холодного вчерашнего чаю, отправился к экспериментатору.

Тот встретил меня на улице, по своему обыкновению широко улыбаясь и раскрыв руки для объятий, будто видел во мне родственника или близкого друга. Родственником я ему, конечно же, не приходился, да и в близких друзьях не числился. Так что мне эти его телячьи нежности были не по душе. Но я не стал обижать чудака и позволил обнять себя и похлопать по спине.

— Спасибо, что пришли, голубчик, — сказал экспериментатор, поправляя сбившуюся набок кроличью шапку Вушанку.

— Чем на этот раз вы хотите удивить меня? — поспешил спросить я, ибо ужасно не хотелось тратить время на пустяки, пусть даже и с намеком на чудо.

— Вот! — Экспериментатор широким жестом указал на припаркованные у подъезда серые «Жигули».

Я, признаться, плохо разбираюсь в машинах, но это, похоже, была чуть ли не самая первая модель, такая древняя консервная банка с мотором, в которую не то что садиться, к которой даже подходить страшно. Разве что из чисто антикварного интереса.

— Вы построили автомобиль? — Я попытался пошутить.

— Да нет, что вы! — Он, похоже, даже не понял моей иронии. — Машина лишь средство. А в багажном отделении и на месте заднего сиденья располагается он.

Я осторожно подошел к машине и заглянул внутрь. Действительно, вместо заднего сиденья торчал, утыканный лампочками, тумблерами и датчиками, громоздкий металлический шкаф, от которого в багажное отделение тянулись многочисленные провода и проводки. Один проводок тянулся к потолку и исчезал в нем, видимо, соединяясь с похожей на елку антенной, закрепленной на крыше.

— Это уловитель и преобразователь, — пояснил экспериментатор. — Через специальную антенну производится захват эмоциональной энергии и ее преобразование. А в багажнике установлен накопитель.

— Это что? Вроде аккумуляторной батареи? — спросил я.

— Почти. Только эвовероэнергия не аккумулируется посредством химической реакции, а преобразуется в некое подобие плазмы, позволяющее достичь огромной концентрации. Теоретически можно вот в таком багажнике собрать энергию по мощности сравнимую с атомной бомбой. Сегодня сила эвовератора, конечно же, во много раз слабее, но даже в этом скромном варианте, я уверен, энергии накопленной в течение нескольких часов хватит, чтобы снабжать электричеством целый район города, или даже округ. Вот это вот я и намерен проверить.

— И каким же образом вы собираетесь это сделать?

— Сейчас объясню. Давайте сядем. — Он подошел к машине и открыл водительскую дверцу.

— Сюда?! — Я выпучил глаза. — Вы собираетесь на этом ехать?

— Хотите, садитесь за руль вы, — предложил экспериментатор.

— Спасибо, у меня прав нет.

— Вы вообще не водите? — удивился он.

— Вообще, — признался я. — И никогда не горел желанием.

— Удивительно! — воскликнул экспериментатор. — Мне казалось, люди вашего поколения совершенно не могут обходиться без автомобиля.

— К сожалению, я не из их числа, — возразил я. — А может, к счастью. Я предпочитаю пассажирское место и возможность, сидя в машине, смело пить пиво.

— В таком случае, присаживайтесь на пассажирское место. И не бойтесь, машина надежная, уверяю вас.

Я вздохнул и, открыв дверцу, протиснулся в пропахший временем салон, уселся на поскрипывающее продавленное сиденье и приготовился ждать. Экспериментатор, несмотря на свой выдающийся живот, лихо пристроился за рулем и завел мотор. Не с первой, правда, попытки, а с третьей или даже с четвертой. Но он завелся.

– Как продвигается ваша работа по описанию наших опытов? – повернулся он ко мне.

– Нормально, – ответил и почувствовал, как лицо заливает краска. Я ведь даже не приступил к этой работе.

– Очень хорошо! – обрадовался он. – Обязательно покажите мне, когда закончите.

Я пообещал. В течение десяти минут, пока двигатель прогревался, экспериментатор излагал мне суть предстоящего эксперимента. Учитывая, что огромное количество людей в наше время перемещается по городу на автомобилях, то городская улица является самым большим скоплением людей и, соответственно, их негативных эмоций. Вспомните поведение водителя за рулем. Достаточно малейшего повода: неосторожного маневра, случайной задумчивости на светофоре и тому подобного – как человек за рулем соседнего автомобиля превращается в разъяренное существо, изрыгающее ужасные проклятия. Таким образом, именно городские улицы с бесконечными потоками автомобилей и утомительными пробками являются идеальным плацдармом для сбора негативной эмоциональной энергии.

Я бы, конечно, мог в красках описать здесь нашу кошмарную поездку, но не стану этого делать, поскольку многие из читателей, кто хотя бы раз путешествовал на машине по столице в разгар буднего дня, сами сумеют легко вообразить себе то состояние, в котором мы пребывали, двигаясь в бесконечном потоке железных коней, эти неизменные: «Куда прешь, козел?!», «Разуй глаза, урод!» и прочие нелицеприятные высказывания, коими поливали нас как сквозь приоткрытые, так и сквозь плотно закрытые окна «добрые» дяди – собратья по автомобильному цеху. Скажу лишь, что после нескольких часов такого испытания я был совершенно разбит, измотан, обессилен, несмотря на то, что просто сидел на пассажирском месте и ничего, собственно говоря, не делал.

Поскольку в четыре часа у меня была назначена встреча с редактором, который намеревался опубликовать в популярном журнале мой, по правде сказать, совершенно бездарный очерк, но на весьма актуальную тему, у меня появился повод прервать эту пытку городскими пробками, и я, несмотря на активные возражения и даже обиду со стороны экспериментатора, все же вышел у станции метро и, облегченно вздохнув, погрузился в более привычную для меня, хотя и совсем не доброжелательную атмосферу городского общественного транспорта.

Экспериментатор с сожалением проводил меня взглядом, крикнув напоследок, что самое интересное еще впереди, но я старался не слушать его, а вскоре увлеченный беседой с редактором и вовсе забыл о той досадной поездке и уйме без толку потраченного времени. В памяти еще всплывали возбужденные реплики экспериментатора, когда экспериментатор активно попискивал у нас за спиной, а сам экспериментатор, переставая следить за дорогой, оборачивался, присматривался к приборам и мигающим лампочкам. Я в такие мгновения вжимался в сиденье и норовил ухватиться за руль, видя, как надвигается на нас здоровенный зад какого-нибудь автобуса. Я благодарил Бога уже за то, что для меня эта поездка завершилась без происшествий.

Поздно вечером, погуляв с собакой, я заварил себе крепкого чаю и уселся на кухне перед стареньким телевизором. Внезапно свет во всей квартире погас. Чертыхаясь, я отыскал в шкафу свечу и зажег ее, установив, за неимением подсвечника, на блюде. Вышел на лестничную клетку, решив, что у меня выбило пробки в щитке, а точнее вырубился автомат. Хотя многие, в том числе и я, по привычке используют это устоявшееся старое выражение «выбило пробки», возникшее, когда эти самые пробки стали автоматическими, поскольку еще раньше пробки просто перегорали.

Но света не было и на лестничной клетке. Более того, вернувшись в квартиру и выглянув в окно, я увидел, что и соседние дома стоят в полной темноте, и даже уличные фонари погасли. Весь наш спальный район погрузился в кромешную мглу, и только висевшая высоко в небе полная луна позволяла еще различать смутные очертания вмиг притихшего города.

Подобных грандиозных аварий на моей памяти в нашем районе не случилось, однако это не подвигло меня на то, чтобы немедленно отправиться на улицу, подобно моим многочисленным соседям по подъезду, чьи шаги вскоре слышались на лестнице. Я просто отнес свечу в спальню, попытался было читать, но, поняв, что это чревато пагубными последствиями для моего и так уже не идеального зрения, задул пламя и, не раздеваясь, улегся на кровать. В темноте я слышал, как, пыхтя, устраивается на прикроватном коврик Боб.

Проснулся я оттого, что в комнате внезапно вспыхнул свет, а на кухне забормотал телевизор. Боб, приподняв голову, удивленно глазел по сторонам. Я посмотрел на часы — было около полуночи. Стало быть, с аварией справились довольно оперативно. Свет, если не ошибаюсь, вырубился где-то около десяти.

Вставать ужасно не хотелось, но выключить телевизор все же было нужно. Войдя на кухню, я потянулся к пульту дистанционного управления и замер.

— ...инской электроподстанции в результате мощного взрыва возник сильный пожар, — вещал диктор. — Начальник столичного управления МЧС сообщил, что причина взрыва еще не установлена. Пожар пока локализовать не удалось. Как сообщает наш корреспондент, работающий на месте событий, судя по всему, от бывшей электроподстанции не осталось даже руин. То, что не уничтожил взрыв, уничтожает не поддающееся укрощению пламя. На месте работают восемнадцать пожарных расчетов и два вертолета МЧС. Руководство электроподстанции заявило, что никто из обслуживающего персонала не пострадал. Сотрудники правоохранительных органов пока не готовы озвучить версии происшедшего, но сообщают, что мощность взрыва была настолько велика, что пострадал не только административный корпус, но и окна жилых домов, расположенных на расстоянии более километра от эпицентра взрыва. Значительно повреждены многие сооружения, линии электропередачи. Очевидцы утверждают, что видели, как на территорию предприятия въехал автомобиль «Жигули» серого цвета и проследовал в направлении подстанции, где впоследствии и прогремел взрыв. Пока никакой машины на территории электроподстанции не нашли. Хотя, учитывая силу взрыва, можно предположить, что от

«Жигулей» не осталось даже мелких фрагментов. Следствию еще предстоит выяснить, причастен ли к взрыву замеченный случайными свидетелями автомобиль «Жигули», или всему виной сильно устаревшее оборудование. Мы продолжим следить за ходом событий. Смотрите новости на нашем канале...

Я даже не заметил, как присел на стул. Ноги не слушались. Разум отказывался верить услышанному, но беспощадные факты, выплеснутые на меня с экрана телевизора, убеждали в том, что случилось непоправимое. Серые «Жигули»... Он все таки пошел до конца...

Примерно через неделю после описанных событий ко мне в квартиру позвонили. Я никого не ждал и немного струхнул. Я все это время жил в напряжении: боялся, что люди из Органов придут ко мне и станут терзать допросами. Ведь наверняка многие видели меня в обществе эксперимента Втора. Признаться, мне такая перспектива была совсем не по душе.

Я весь внутренне напрягся и пошел открывать. На пороге стояла девочка лет двенадцати. На руках она держала дрожащую собачонку, карликово Вго пинчера.

– Здравствуйте, вы Андрей? – спросила девочка.

– Да, – почему то помедлив, сказал я.

– Это вам, – она протянула мне собачку, в которой я сразу признал Джульетту. – И это тоже. – Девочка протянула мне запечатанный конверт. – До свидания.

– До свидания, – растерянно пробормотал я, прижимая к себе Джульетту.

Я прошел на кухню и хотел опустить собачку на пол, но она вцепилась когтями в мой свитер и лизнула в нос, с какой то грустной мольбой глядя мне в глаза. Я погладил ее и, сев на табурет, положил на колени. Вошедший вслед за мной на кухню Боб удивленно покрутил головой, но решил не вмешиваться, просто улегся на пороге и уставился на незваную гостью.

Я разорвал конверт и вытащил написанное мелким почерком письмо.

«Дорогой друг!

Позвольте мне обращаться к вам именно так, ибо за те немногие встречи, что у нас с вами случились, я искренне проникся к вам дружбой и любовью. Сегодня я намереваюсь, наконец, осуществить то, к чему шел многие годы – испытать созданный мной эмовератор и пригласить вас участвовать в этом, без преувеличения, эксперименте века. Тем не менее, я подозреваю, что мне не удастся убедить вас пойти со мной до самого конца, до той кульминации, которая призвана изменить мир. Я не стану упрекать вас, тем более что в душе моей по прежнему живут смутные сомнения относительно успеха этого эксперимента. Я уже как то высказывался о том, что вероятность преобразования разрушительной энергии гнева в созидательную не слишком велика, и последствия моего эксперимента могут оказаться весьма губительными. Гигантская мощь заложена в беспорядочном потоке человеческих эмоций, но, в большинстве своем, эти эмоции резко негативны. Может оказаться, что отрицательную энергию невозможно преобразовать в положительную, что нельзя из выплеснутого человеком зла создать что то, несущее добро, тепло и уют. Но пока остается хоть малейший шанс, я просто обязан им воспользоваться.

Я намерен подключить эвовератор к подстанции, которая снабжает электричеством нашу часть города. Уверен, что энергии хватит как минимум на сутки. Остается только проникнуть к трансформаторам, отключить основное энергоснабжение и запитать в систему эвовератор.

Если вы теперь читаете это письмо, значит, я потерпел неудачу, значит, моей мечте не суждено было осуществиться, и это является лишним доказательством того, что зло невозможно укротить и поставить на службу человечеству, ибо каковы бы не были намерения, результат будет один – смерть и разрушение. Ну, а коли это произошло, то уже ничего не изменишь. Я сожалею и признаю свое поражение. Остается только надеяться, что последствия моего эксперимента остались без жертв, разве что в лице моей недостойной персоны. А вам, мой друг, спасибо за поддержку, за то, что согласились быть со мной в минуту торжества, и, слава Богу, что вас не было со мной в минуту разочарования и грандиозного фиаско.

Напоследок прошу вас лишь об одном – позаботьтесь о Джульетте. Она для меня самое дорогое существо. Среди моей немногочисленной родни вряд ли отыщется человек, готовый приютить несчастную собачонку. Им я тоже оставлю свое завещательное письмо. Конечно, всей правды им знать не следует, а потому для всех я просто уехал. Неважно, куда: на Камчатку, в Израиль, в Америку. У моего брата есть замечательная внучка, все свое скромное имущество я оставляю ей. Но заводить собаку ей не позволяют родители, поэтому Джульетту я попрошу передать вам. Вместе с этим письмом. Надеюсь, никому не придет в голову вскрыть и прочесть его, прежде чем оно попадет в ваши руки. Если когда-нибудь у вас возникнет желание все же описать наши с вами посиделки и отчаянные эксперименты (я ведь понял, что вы так и не отважились на это), буду вам очень признателен. Пусть и другие узнают о моей работе и постараются избежать той роковой ошибки, которую я имел неосторожность допустить. Можете написать все, в подробностях. Не упоминайте только моего имени, пожалуйста. А впрочем, почему бы и нет. Вам решать.

За сим остаюсь искренне ваш...»

Об авторе

Владимир Анин – литературный псевдоним. Автор родился в 1967 году в Москве. Окончил Русский институт управления им. В. П. Чернова (РИУ). Живет в Москве, работает в банке. Пишет сравнительно недавно, с 2005 г. Первая публикация в 2006 г. в журнале «Южная звезда». Повести: Манагуанда (Южная звезда, № 2 2006), Аданешь (Искатель, № 9 2007), Высоко над уровнем моря (Сокол, № 3 2008), Легенда о двенадцати ковчегах (Мир Искателя, № 2 2008), Западня (Странник, № 1 2009), Монокль (Мир Искателя, № 1 2009). Рассказы: Энерджайзер (Порог, № 9 2006), Фабрика (Порог, № 1 2007), Выпускной (Порог, № 9 2007), Ферма (Порог ИАК, № 1 2008), Кардиология (Искатель, № 8 2008), Девушка из «Кактуса» (Порог ИАК, № 3 2008), Пробуждение (Порок ИАК, № 6 2009), Дармовщинка (Искатель, № 9 2009), Десять минут назад (Порог ИАК, № 8 2009), Горыныч (Порог ИАК, № 10 2010), Надоело (Порог ИАК, № 10 2010).

Иван Ситников

Разум по братьям

Луна мне не понравилась! Честное слово! Оказывается, гораздо приятнее смотреть на нее с Земли, нежели шляться по пустынным улочкам Лунограда, покрытым пылью и пустыми банками из Подколы. А мутный защитный купол, воздвигнутый над первым и пока единственным лунным городом, вызывал у меня приступы клаустрофобии. Не всегда, конечно, а только с похмелья. Когда бредешь из бара в свое жилище, покачиваясь после вчерашнего, то такая тоска порой берет. Тоска по голубому небу, зеленой траве и загорелым девушкам. Короче, по Земле-матушке! Звучит с изрядной долей пафоса, но тем не менее. Я здесь уже третий месяц, и за это время все надоело до ужаса.

— Черт, — выругался я, наступив на лунный булыжник. Взвесив в руке камень, с жалостью подумал, что в свое время на Земле за такой сувенирчик отвалили бы кучу деньжищ. Увы, времена сейчас не те.

Я нащупал в кармане ключ и, с трудом попав им в скважину, толкнул дверь. Вообще ключ — это уже пережиток прошлого. Теперь все двери и запоры открываются исключительно идентификационными карточками, но здесь, на Луне, все по старинке.

Эх, если бы я тогда не был с похмелья... Хрен бы я согласился сюда отправиться.

Как сейчас помню разговор с редактором.

— Ну, что, брат, — говорит мне редактор. — Болееешь?

— Болею, — послушно киваю я.

Редактор укоризненно качает головой и спрашивает, вроде бы даже с сочувствием:

— Может, пивка хочешь?

Я на секунду оживаю и подозрительно смотрю на эту толстую тушу с масляными глазками, которая по непонятному недоразумению зовется моим шефом.

— Да ты не стесняйся, — он дружески хлопает меня по плечу. И, подобно фокуснику, извлекает из шкафа литровую бутылку «Марсианского», кстати, самого дорогого из всех пив — или пивов? Короче, бутылку пива. Я, будто загипнотизированный, смотрю на живительную влагу и теряю бдительность.

— На Луну хочешь? — неожиданно спрашивает редактор.

— Хочу! — говорю я, имея в виду пиво.

— Вот и славненько, — довольно потирает руки шеф.

Но я тоже не промах. Все-таки жизнь репортера наложила свой отпеча-

ток на психику. Делая вид, что все еще нахожусь в прострации, неторопливо открываю бутылку и присасываюсь к горлышку. Когда бутылка пустеет ровно наполовину, а голова начинает работать гораздо лучше, оглядываюсь на шефа.

— Вы серьезно? Какая Луна? Это ж такая дыра, я там со скуки помру.

— Лучше на Луне со скуки, чем здесь от цирроза, — ехидничает шеф и протягивает сигару. Боже, таким подобострастным я его еще не видел. Наверное, кроме меня рассчитывать ему больше не на кого. Действительно, кто в здравом уме полетит в Луноград. Город, на котором малоВмальски интересные события происходят раз в полгода.

— Нет, — отвечаю. — Бейте меня, режьте, увольняйте. Не полечу!

На секунду в глазах редактора мелькнул жесткий огонек. Но шеф тоже не так прост, как может показаться. Прицелившись в меня двустволкой глаз, он подумал и решил не спускать курок. Вместо этого расплылся в блаВ годушной улыбке.

— А давай, Василий, посидим и просто поговорим. Как старые товариВщи! — подмигнул он.

Тамбовский волк тебе товарищ, едва не сорвалось у меня с языка. Но тут этот фокусник, этот Копперфильд от журналистики достал коньяк. Прямо из воздуха, как мне тогда показалось.

Выпили. Поговорили. Ни о чем. О погоде. Снова выпили. Потом еще и еще. О чем говорили в конце, я не помню. Проснулся уже на почтовом транспорте, а когда с трудом поднялся и выглянул в иллюминатор, то понял, что нахожусь на лунной орбите.

— МатьВперемать! — только и сказал я.

В кармане костюма оказались бережно уложенные командировочные документы на Луну. Подписанные моей рукой. В том, что подписывал именно я, не было и тени сомнения. Слишком уж пьяноВкорявым оказался почерк.

С тех пор уже три месяца, как я прозябаю в этом богом забытом уголке и изредка отписываю на Землю репортажи о местных событиях, а если быть более точным, то всякую хрень типа: «Мэр Джонсон провел благотворительВ ный вечер», «Купол — надежная защита Лунограда», «Новый бассейн — горВ дость жителей Луны». От тоски взвыть можно. Правда, иногда я устраиваю себе маленькие развлечения — пишу сенсацию. В свое время я долго рабоВ тал в желтой газетенке, поэтому устроить провокацию лунным властям для меня раз плюнуть, а годы работы в серьезном еженедельнике приучили грамотно выстраивать факты, чтобы никакая вошка придраться не смогла. Апофеозом моих журналистских расследований на этом клочке обитаемой лунной поверхности стало раскрытие тайного публичного дома Лунограда. Через знакомого капитана почтового транспортника, курсировавшего между Землей и Луной, я приобрел сотню резиновых кукол. Такие, знаете ли, симпатяшки с намалеванными губами и огромной грудью. Их обычно используют для своих целей извращенцы и астронавты. Когда их тайком доставили с Земли, я перетащил безропотных барышень в пустующее здаВ ние, разложил по комнатам и сделал потрясающий фоторепортаж. Что тут началось, бог ты мой! Мэр Джонсон рвал и метал, с Земли прилетела

комиссия по защите нравственности, а половина семей жителей Лунограда перессорилась в пух и прах. После этой заварушки мужчины, заподозренные женами в неверности, еще долго пытались использовать меня в качестве боксерской груши.

Ноутбук противно запищал. Покосившись на экран, я лениво принял вызов. В ту же секунду передо мной возникло свирепое лицо шефа.

– Василий, где шляешься? – без церемоний рявкнул он.

– Так это... – я демонстративно почесал затылок, – репортаж делал.

– Он еще и издевается! – мясистый нос редактора даже побагровел от злости. – Полоса пустая, ждем материал только от тебя.

Я мельком глянул на часы.

– Сан Саныч, у меня еще два часа в запасе. Успею.

– Ну Ву, – процедил шеф. – Смотри, премии лишу.

Лицо редактора, наконец, исчезло с экрана. Я облегченно вздохнул и, нашарив за креслом початую бутылочку «Лунной долины» поправил здоровые. Следующим глотком прояснил мысли и уселся за материал.

«ПЕРВАЯ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ – ОСТАНОВКА НА ЛУНЕ».

Я поморщился. Длинновато для газетной «шапки» и слишком много пафоса. Немного подумав, снова застучал по клавиатуре.

«ЛУНОГРАД ПРИВЕТСТВУЕТ КОСМИЧЕСКИХ ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ»

Дожил, уже простой заголовок придумать не могу. Хотя «космические дальнбойщики» звучит красиво.

Скрипнула дверь, и на пороге появился ухмыляющийся Питер. Один из немногих поселенцев, с которым у меня сложились приятельские отношения. Простой, как две копейки, и добродушный, как спящий мамонт, он вызывал уважение одними габаритами. И вот сейчас эта двухметровая туша с трудом протиснулась в дверь и загадочно улыбалась.

– Пит, если дело не срочное, то не отвлекай – работаю, – буркнул я.

Питер смущенно топтался на месте, но уходить не спешил.

– Ну, что? – спросил я. – Выкладывай.

– Вася, – шепотом начал он, – мазурики прилетели. Пошли ловить.

– Ты с ума сошел, Пит? Подождут твои мазурики. Некогда сейчас.

Лицо Питера сморщилось, как у ребенка, который вот-вот расплчется. Он повернулся к открытой двери, зацепил плечом шкаф и испуганно вжал голову в плечи, когда из шкафа на пол с грохотом посыпалось разное барахла. Я с жалостью посмотрел на этого почти плачущего детину, с интеллектом десятилетнего ребенка, над которым потешался весь город. Питер работал в порту грузчиком. Помогал в разгрузке космических кораблей, таскал всевозможные тяжести и подносил багаж редким туристам. Наверное, я первый человек, который общался с ним на равных. Не высмеивал его и не дразнил. В результате Питер привязался ко мне, как ребенок, и всюду ходил за мной хвостиком. Однажды он даже спас меня от жаждущих крови мужиков. Как раз после истории с фиктивным публичным домом.

– погоди, Питер. – Остановил я его. – Помоги мне заголовок для статьи придумать. А потом сразу рванем ловить твоих мазуриков.

Пит засиял от счастья. Его попросили помочь в «умной» работе. Он опасно присел на стул. Поерзал на нем, прислушиваясь к жалобному скрипу ножек, и вопросительно посмотрел на меня.

Я быстро растолковал, что к чему, и мы начали думать. Питер весь напрягся, набычился и даже покраснел от натуги. На низком лбу проступили бисеринки пота.

— А давай напишем... — смутившись, начал он.

Я исподлобья глянул на Пита. Он решил:

— «ОНИ НАЙДУТ РАЗУМ ПО БРАТЬЯМ».

Я даже поперхнулся сигаретным дымом.

— Чего они найдут?

— Разум по братьям! — победоносно оскалился Пит.

Наконец, до меня дошло.

— Ты хотел сказать, «братьев по разуму»? — расхохотался я.

Питер смутился. Опустил глаза и покраснел, да так, что даже кончики ушей стали ярко пунцовыми.

— Да ладно, не переживай, — похлопал я его по плечу, — подумаешь, оговорился. С кем не бывает. Пошли лучше мазуриков ловить. Полчаса свободных у меня еще есть.

Поразительно, как быстро может меняться настроение у человека. Только, что Питер казался самым несчастным человеком в мире и вот он уже счастливейший из смертных. Бегает вокруг меня, заглядывает в глаза, лопочет что-то, улыбается и все время норовит зацепить руками окружающие предметы. Он когда радуется или волнуется, вообще по сторонам не смотрит. Может такой погром учинить, что мало не покажется. Я даже начал думать, что в пословице про слона в посудной лавке, кто-то по незнанию перепутал слова. Правильнее было бы говорить: Пит в посудной лавке. Уж поверьте мне, это гораздо разрушительнее.

Выпроводив Питера на улицу, я вышел сам и закрыл дверь.

— Разум по братьям, — снова хохотнул я, поворачивая ключ в замочной скважине.

* * *

Мазурики оказались на редкость мелкими и хилыми. За полчаса мы наловили их всего несколько десятков. Все с жеваными крыльями и обвисшими хоботками. Но Питу и этого было достаточно. Бережно закрыв их в стеклянной банке, он радостный отправился домой. Проводив взглядом ликующего Питера и мельком взглянув на часы. Как ни крути, а материал нужно срочно дописывать и отправлять в редакцию. Не очень то хотелось снова смотреть на звероподобную физиономию шефа, на ходу придумывая оправдания.

* * *

Просыпаться не хотелось. Не хотелось и все тут. Утро самое неудачное время суток, особенно для таких сов, как я. Но звонок будильника продол-

жал противно жужжать. Почти как мазурики в брачный период. Холодный душ и кофе – вот замечательное средство для борьбы с утренним недомоганием. Ничего лучше человечество еще не придумало. Может в других галактиках братья по разуму и нашли более эффективное средство для выхода из посталкогольной комы, но мне оно неизвестно.

– Разум им по братьям! – весело выругался я, обтираясь полотенцем. Настроение на удивление оказалось приподнятым. Вчера я все-таки успел отписаться в номер. Скрипя зубами, шеф принял мою писанину и пригрозил в случае чего устроить мне кузькину мать. А я про себя пожелал ему катиться в дальние края и никогда не возвращаться. Вслух конечно не скавал. Зачем? Кто его знает, какая мать у фольклорного Кузьки.

Восемь утра. Значит, пора двигать на космодром. Скоро на Луну прилетит «Странник». Члены экспедиции отметятся перед местными властями и устроят брифинг журналистам, то есть мне. Я ведь здесь единственный представитель пишущей братии. Больше идиотов не нашлось. Правда, на корабле должен быть коллега, но наверняка какой-нибудь спесивый болван. Этакая смесь романтика, честолюбца и карьериста. Но у него другие обязанности. Вряд ли бортовой журналист вообще выйдет на поверхность Луны.

Сейчас ни один космический корабль, кроме почтовых транспортных, не выходит в космос без журналиста. Новая победа средств массовой информации в борьбе за свободу слова. Когда только началось освоение солнечной системы, власти предоставляли информацию очень дозированно и только после строгой цензуры. Однако представители второй древнейшей устроили такое давление на руководство своих стран, что на уровне ООН пришлось принимать очередную поправку в закон о свободе печати. С тех пор на любом корабле, будь то исследовательский лайнер, транспорт с колонистами или даже военный крейсер, всегда должен находиться представитель СМИ. Без него корабль просто-напросто никуда не отправится.

Сразу после принятия поправки все журналисты, не исключая и вашего покорного слугу, стали в срочном порядке подавать документы на аккредитацию для полетов. Наивно полагая, что заветная бумажка даст право летать к другим планетам и ощутить себя настоящим космическим рейнджером. Ха! Не тут-то было. Сотни тысяч представителей журналистской братии получили аккредитацию, а летало к другим планетам всего несколько десятков человек, считающихся элитой нашего цеха. Тем не менее, бэйдж с разрешением на участие в полетах всегда имел при себе любой мало-мальски уважающий себя журналист.

Так вот, на борту «Странника» обязательно должен быть кто-то из журналистской элиты. Наверняка некурящий, непьющий и с безупречным послужным списком. Ну и Бог с ним. У меня сейчас задача одна – задать несколько эксклюзивных вопросов капитану и отписать интервью в номер.

* * *

Так называемый «брифинг» начался не вполне обычно. Седовласый пожилой капитан отвел меня в сторонку и долго пристально разглядывал.

Не знаю, насколько понравился ему я. Думаю, что он не пришел в восторг от моего внешнего вида, а мне, напротив, капитан внушил искреннюю симпатию. Наконец, убедившись, что мы остались наедине, капитан спров сил:

– Мсье, Дробный, – он слегка поморщился, выговорив мою фамилию с французским прононсом, – вы имеете право на полеты?

Признаюсь, вопрос меня немного удивил.

– Вы имеете в виду, есть ли у меня космическая аккредитация?

– Да, именно.

Я небрежно вытащил изрядно помятый бэйдж и протянул его капитану.

– Отлично, – пробормотал он, разглядывая нагловатую ухмылку на фотографии.

– А можно узнать, капитан, – меня уже распирало от любопытства, – в чем собственно дело?

Капитан протянул мне руку.

– Жан Детруа, – представился он. – Можно просто Жан.

Ладонь капитана оказалась сухой и жесткой, как и взгляд его серых глаз.

– Вы не согласитесь полететь с нами?

Я недоуменно уставился на Жана.

– У нас проблемы с аккредитованным журналистом. – Видя мое удивление, поспешил раскрыть карты капитан. – У него очень сложное инфекционное заболевание. Мы вынуждены оставить его в клинике на Луне. А поскольку лететь без представителя СМИ мы не имеем права, а вы здесь единственный профессионал... Да к тому же имеете аккредитацию...

Дальше можно было и не продолжать. Я уже и так все понял. Для экспедиции ждать, когда с Земли прилетит еще один журналист, смерти подобно. Все рассчитано по минутам.

– Понимаете, капитан... – я поправился, – Жан. Боюсь, что меня не поймут в редакции. У нас в конторе очень строгие правила.

Конечно, я блефовал. Вернее набивал себе цену. Любой редактор просто лопнет от счастья, если корреспондента именно его издания возьмут в полет по солнечной системе, не говоря уже о межзвездной экспедиции.

Капитан прекрасно это знал. Он исподлобья глянул на меня.

– А вы изрядный пройдоха, мсье Дробный, – улыбнулся он.

– Не без этого. – Я весело подмигнул. – Еще бы...

* * *

Шеф был в восторге. Он едва не приплясывал от радости.

– Вася, – вопил он с экрана монитора, – дай я тебя расцелую!

Меня эта перспектива не обрадовала. Однако душу грела мысль о предстоящем полете и моих информационных сообщениях, перепечатанных ведущими мировыми СМИ.

– Я всегда говорил, что Дробный наш лучший репортер, – не унимался шеф.

– Как насчет повышения оклада, – невзначай бросил я.

– Василий! Какой разговор! Сумму можешь назвать сам.

Нет, всеВтакая родился под счастливой звездой. Может быть, даже под той самой, к которой мне уже сегодня предстоит отправиться на борту «Странника».

Оставалось лишь собрать вещи, коих оказалось совсем немного, да попрощаться с Питером. По правде говоря, я подозревал, что бедняга расВстроится. Главное, чтобы от полноты чувств он не разворотил ни в чем не повинный космический корабль. А с него станется! По колесикам, крыВлышкам и винтикам раскатает «Странник», лишь бы я остался. Поэтому разговор я начал, как нельзя более дипломатично.

– Пит, ты хочешь, чтобы твой друг стал самым известным журналистом в мире? – вкрадчиво спросил я.

– Хочу! – закивал Пит.

– Тогда мне придется улететь с Луны.

Он сначала не понял. Лишь смотрел мне в глаза и улыбался. Постепенно до него начал доходить смысл фразы. Губы бедняги затряслись, он сжал кулаки, да так, что захрустели костяшки пальцев.

– Останься, – пробормотал он, опустив голову.

– Нет, дружище. – Я похлопал его по могучему плечу. – Но я ненадолго. Слетаю, гляну одним глазком на зеленых человечков и вернусь.

Пит исподлобья глянул на меня.

– Ты же их уже видел. В прошлом месяце.

Я расхохотался.

– У прошлом месяце, – передразнил я Питера, – я видел не человечков, а чертиков.

Для этого не обязательно лететь в космос.

– Так оставайся, – снова пробубнил Пит. – Вместе посмотрим.

– Нет, Питер. Чертиков, мы смотреть не будем. Разум им по братьям, – хохотнул я. – Обещаю, что в следующий раз возьму тебя с собой. Будешь мне вещи таскать. Доверю тебе камеру и диктофон.

– Правда? – на лице Питера появилась улыбка.

– Чистая, правда! – сказал я. – Чище самого чистого и неразбавленного марсианского спирта!

Уладив таким образом свои лунные дела, я отправился на борт звездоВлета.

* * *

«Странник» оказался достаточно необычным космическим кораблем. Невысокий и дискообразный, он больше всего напоминал «летающие тарелки», которые любили описывать в прошлом веке фантасты да сумасВшедшие уфологи. Этим, собственно, он и отличался от большинства шпиВлеvidных ракет, что бороздили пространство солнечной системы. Впрочем, оно и ясно. Обтекаемая форма ему не нужна, ускорения для выхода из атмосферы не требуется. Сборка «Странника» происходила на земной орбите, а все комплектующие доставлялись на транспортных ракетах. А новейший гиперсветовой ускоритель позволял развивать скорость, ранее просто немыслимую. Я уже давно забросил идею разобраться в принципах

работы ускорителей и в технических нюансах функционирования звездолета. Для человека с гуманитарным образованием сложно понять все тонкости приспособлений, позволяющих обойти законы физики. Да это и не требуется. Разве так уж необходимо ребенку, играющему на компьютере, знать принципы его работы? Главное, чтоб на экране бегало и стреляло. Какое дело человеку, сидящему в туалете, до технологии изготовления туалетной бумаги? Выполняет свою функцию и слава Богу. Перестанет выполнять, вернемся к лопухам, дело нехитрое. Так и я. Спросите меня, чем отличается репортаж от обзора – отвечу. Или задайте вопрос о структуре и методах журналистского расследования. Да я сутки напролет вещать буду. А про звездолет пусть лучше конструкторы или, на худой конец, пилоты рассказывают.

Экипаж встретил меня настороженно. Новый человек, да с моим послужным списком – это, я вам скажу, не подарок. Однако любопытство взяло верх, и ко мне в каюту стали заглядывать гости. Первым зашел второй пилот, Степан. Долговязый и нескладный, он смотрел на меня почти с обожанием. Как вскоре выяснилось, он всегда мечтал стать журналистом или писателем. Пришлось рассказать ему парочку выдуманных историй о героической профессии работников пера. Из цикла: «Я хочу, чтоб к штыку (то есть к бластеру) приравняли перо». Степан оказался очень внимательным слушателем. То и дело почесывая острый подбородок, он задавал вопросы, ставившие меня в тупик. Например, когда я рассказал, как Джон Бенсон своими материалами привел к краху могущественную империю «Натагрюэль» и в результате был убит киллером, Степан вполне обоснованно спросил, почему сей замечательный журналист просто не взял с концерна «Натагрюэль» денег и не оставил его в покое. Пришлось объяснять юнцу что-то о кодексе чести и журналистской этике. А на самом деле все было гораздо проще. Бенсону предложили сто миллионов кредитов, чтобы он прекратил писать разоблачительные материалы. А Бенсон, разум ему по братьям, запросил миллиард. Вот и получил вместо денег банального киллера у порога квартиры.

Вслед за Степаном зашел пожилой врач и спросил, что я думаю о проблеме возникновения неизлечимых болезней. В ответ я пробормотал что-то про грехи наши. Бортовой священник, заглянувший как раз в это время, удовлетворенно кивнул и, перекрестив нас, удалился.

Наконец появился капитан и выдворил всех из каюты. Надо сказать, это оказалось кстати. Я уже давно сдерживал зевоту, и с трудом ворочал языком, ведя глубокомысленные беседы.

– Мсье Дробный, – капитан обеспокоено прикрыл дверь, – нам надо поговорить.

– Может, завтра? – добродушно покосился я на капитана.

– Хорошо, – поразительно быстро согласился Жан. – Завтра, так завтра. Времени у нас вагон и маленькая тележка.

– Это точно, – я начал расстегивать рубашку. – Или, как говорят на Луне, контейнер и маленькая бандеролька.

На следующее утро, естественно, по бортовому времени, я в сопровождении капитана посетил рубку управления. Едва я переступил порог, как сразу же застыл на месте, недоуменно озираясь по сторонам. Прямо новогодний утренник. Все сверкает, переливается, огоньки мигают, только елки не хватает и СантаКлауса. За бортовым компьютером сидел мрачный Степан. Увидев меня, улыбнулся и кивнул, как старому другу. Кресла, обшитые настоящей кожей аллигаторов, оказались мягкими и удобными. Расположившись напротив капитана, я приготовился слушать. Однако, Жан не торопился. Плеснув в кофе немного бренди, он протянул мне чашку. Аромат восхитительный. У меня даже в ноздрях защекотало. Да и сам напиток оказался под стать запаху. Горячий, обжигающий, бодрящий! Мне положительно здесь нравилось.

– Степан, координаты ввел?

Второй пилот угукнул.

– Иди, погуляй. Ускорители запускать еще рано.

Степан безмолвной тенью проскользнул мимо нас и скрылся за дверью.

– Так, вот мсье Дробный, – начал капитан.

– Можно просто Василий, – поправил я его, все еще разглядывая окружающую обстановку.

– Хорошо. – Капитан встал с кресла и неторопливо прошелся по рубке.

– Так вот, Василий. Думаю, пришло время рассказать о предстоящем полете и, так сказать, о некоторых нюансах, которые посторонним знать не полагается.

Он с шумом прихлебнул кофе. Я терпеливо ждал.

– Одна из целей нашей экспедиции – звездная система «Мнемоник». Насколько нам известно, там есть несколько планет земного типа, населенных относительно разумными существами. Плюс ко всему, эти планеты богаты флорой, фауной и природными ископаемыми.

Я внимательно слушал, хотя на языке уже вертелось множество вопросов.

– В случае успешной колонизации планет Мнемоника, человечество сделает огромный шаг к освоению вселенной. А вы, – он внимательно посмотрел на меня, – станете самым первым журналистом, который опишет начало освоения планет.

Я удовлетворенно кивнул. Такая перспектива была мне по душе.

– Но вот в чем дело, – капитан нахмурился, – главная наша цель совершенно иная.

– Даже так? – делано удивился я. – Что же может быть важнее?

– Постарайтесь не иронизировать, Василий.

Жан уселся в кресло.

– Вы знакомы с категорией секретности по форме G?

– Угу, – кивнул я. – Но, насколько мне известно, такая форма еще ни разу не применялась.

Капитан помолчал, затем снова поднялся с кресла и начал мерить шагами рубку.

— Речь идет о возможном уничтожении человеческой цивилизации, — он нервно покусывал губу, — именно поэтому, впервые, установлена такая форма секретности. Представляете, что начнется на Земле, когда люди узнают о том, что жить им осталось всего пару, тройку месяцев?

— Разум вам по братьям, — присвистнул я. — Но, послушайте, Жан. Неужели все так серьезно и пессимистично? Или все это дурацкий розыгрыш?

Капитан пожал плечами.

— Могу объяснить в двух словах, а вы сами решите, шучу я или нет. Кстати, вы помните, чем грозит разглашение секретной информации формы G?

Я кивнул. Наказание за публичное обнародование таких сведений предвусматривалось очень жесткое, если не сказать жестокое. Я не говорю уже о пожизненном лишении права заниматься журналистской работой. За такой проступок можно угодить и на электрический стул. В зависимости от последствий.

— Подпишите, — капитан протянул мне лист бумаги.

Я быстро черкнул подпись внизу листа, даже не взглянув на отпечатанный текст. И так ясно, что там написано.

— Так что, мсье Дробный, теперь вы понимаете, что нельзя публиковать информацию о полете «Странника» без предварительной цензуры. Однако, если все обойдется благополучно, обещаю, что вы станете нашим постоянным пассажиром и будете принимать участие во всех полетах.

Я немного скривился, но при последних словах капитана, настроение немного улучшилось. Цензура есть цензура. А если все пройдет гладко, то перспективы у меня откроются просто шикарные.

В дверь неожиданно постучали. Вслед за чем в дверном проеме появилась маленькая белобрысая голова первого помощника. Эсбэшник, сразу сообразил я.

— Капитан, вас вызывает Земля. — Резкий, неприятный голос альбиноса царапнул внутренности. Интересно, это только у меня такое неприятие к агентам спецслужб или они вызывают омерзение и у остальных людей?

— Сейчас буду, — кивнул капитан и протянул мне папку с грифом «Совершенно секретно — G». — Ознакомьтесь, на досуге. — Капитан направился было к двери, но остановился. — Да, и еще... Если у вас возникнут какие-нибудь соображения, рад буду выслушать.

Вслед за Жаном из рубки вышел и альбинос, предварительно пригвоздив меня взглядом к креслу. К тому самому креслу, обшитому кожей настоящего аллигатора.

* * *

Я направился к себе в каюту, на ходу пытаюсь привести мысли в порядок. Уже в коридоре на меня налетел спешащий на вахту Степан.

— Можно сегодня к вам зайти, — смущенно улыбнулся он. — У меня есть несколько вопросов.

— Извини, Степа. Давай, чуть позже, — поморщился я.

Расстроенный пилот, разум ему по братьям, обиженно насупился, но я, уже не обращая на него внимания, быстро шагал по коридору. Сказать, что меня разбирало любопытство, значит, ничего не сказать. Я просто сгорал от нетерпения. Хотя, признаюсь, при мысли о том, что мне предстоит узнать, по спине пробегал неприятный холодок.

* * *

Мысли шарахались в голове, будто табун антилоп, загнанных львами. Я закрыл папку и небрежно бросил ее на стол. Весело, оказывается, во всеВленной. А скоро станет еще смешнее, когда армада Гкхарков подлетит к солнечной системе. Оказывается, капитан ни капли не преувеличивал. Цивилизация осьминогоподобных существ из системы Гкхарк уничтожала все живое на своем пути. Сведения, полученные разведывательными зонВдами, держались в строжайшей тайне и были достаточно разрозненными. Но уже того, что я узнал, пролистав папку, оказалось достаточно. Мне вдруг захотелось спрятаться на далекой планете, окружив себя дюжиной красиВых девушек. И прихватить с собой звездолет коньяка, чтобы забыться.

Цивилизация этих тварей оказалась неким симбиозом примитивизма и милитаристскоВтежологического развития. Они признавали только силу, а их общественное устройство напоминало родовую общину со строгой иерархией. Гкхарки не обладали эстетическим вкусом и, соответственно, в их культуре не было ни искусства, ни развлечений, ни каких бы то ни было других ценностей. Да и самой культурыВго, честно говоря, не было. Единственное, что интересовало гигантских осьминожек – война. Они униВчтожали целые планеты, причем использовали самые жуткие орудия. На каждом космическом корабле гкхарков стояли мощнейшие аннигиляторы, способные превратить в ничто среднюю планету, не говоря уже об обычном корабле. Да и численность их флота, который в данный момент двигался к солнечной системе, составляла несколько сотен боевых кораблей. В то время, как Земля имела всего двадцать три космических крейсера.

Я закурил. Страхивая пепел прямо на пол, тупо рассматривал низкий потолок.

– Вот ублюдки, разум им по братьям, – ругнулся я.

Да и название у них противное. Бомжи, больные туберкулезом, так откашливаются. Гкхарк!

Интересно, зачем капитан доверил мне такую секретную информацию? Наверняка борт корабля кишмя кишит специалистами по инопланетному разуму, дипломатами, психологами. Или на них мало надежды? Значит, схватились за меня, как за соломинку? Да нет, чушь. Я в любом случае все узнал бы. Решили подстраховаться, чтобы не поднял на Земле панику. Это только в рассказах Брэдбери люди спокойно ложатся спать, зная, что завтра конец света. А на самом деле все рехнутся, узнав правду.

– ЧВчерт, – уголек истлевшей сигареты обжег пальцы. Я сел на кровати. Старательно вдавил бычок в пепельницу.

ЧтоВто не давало мне покоя. КакойВто важный момент я упустил из виду.

– Думай, Вася. Думай! – бормотал я, вновь пробегая глазами информацию о Гкхарках.

Ага, вот! «Несмотря на всю воинственность Гкхарков, на планетах, заседеленными этими существами, не происходит междоусобиц и конфликтов. Внутри их сообщества не зафиксировано ни одного случая насилия».

Странно. Твари, которые думают только об уничтожении иных существ, друг с другом прекрасно ладят. А люди при всей гуманности и приверженности общечеловеческим ценностям ежедневно убивают, насилуют и делают еще чёрти какие гадости своим собратьям.

Я размышлял достаточно долго. Выкурил еще несколько сигарет, затем встал и пошел к выходу. Остановил меня глухой удар в дверь каюты. Я прислушался. Тихо. Наконец, снаружи раздался невнятный шепоток.

– Кто там? – рявкнул я, пытаюсь придать голосу побольше храбрости.

Снова стало тихо, только отзвуки непонятно откуда появившегося эха едва слышно повторяли мой вопрос. «Кто там... кто там... кто там...»

Я потихоньку двинулся к двери, тщетно пытаюсь унять грохочущее в груди сердце. Взялся за ручку и потянул. В этот момент стальная конструкция начала переливаться всеми цветами радуги. И затем, совершенно неожиданно, растворилась в воздухе. Я отшатнулся, увидев в дверном проеме хохочущего Степана. У него было три головы, которыми он покачивал в разные стороны. И хохотал в три глотки.

Я закричал и проснулся. Рубашка прилипла к спине, холодный пот стекал по лбу, сердце готово было выскочить из груди. Надо же, кошмары мучают. Я взял сигарету, повертел ее в руке и засунул обратно в пачку. Неплохо бы развеяться.

Холодный душ и растирание полотенцем немного привели меня в чувство.

От меня ничего не зависит, на борту хватает специалистов по межпланетным контактам. Психологов всяких, ученых. Если они не смогут убедить воинственных инопланетян оставить нас в покое, значит, никто не сможет. Придется наблюдать уничтожение человеческой цивилизации молча, накачиваясь коньяком. А в целом, цивилизация у нас не самая плохая. Не идеальная, конечно, нет. Но и не сказать, что совсем уж отвратительная.

* * *

Несколько дней пролетели не то чтобы незаметно, но как-то без особых событий. Серенько и скучно. Пару раз я привел в недоумение Степана, шарахнувшись от него в сторону. Конечно, он был ни при чем, но воспоминания о недавнем кошмаре оставались слишком ярки. Наконец, настал ключевой момент... Мы вплотную приблизились к звездной системе, возле которой дрейфовала армада Гкхарков, готовясь к решающему броску к Земле.

– Мсье, Дробный, – капитан выглядел очень строго и официально. – Гкхарки согласились на переговоры, хотя честно предупредили, что ни на какие уступки не пойдут. Скорее всего, они согласились на встречу лишь

для того, чтобы объявить Земле войну. Официально. У них достаточно силен воинский кодекс чести. И перед тем, как кого-нибудь уничтожить, они должны предупредить противника.

Капитан помял в руках парадную фуражку.

– Значит, никаких шансов? – Вяло спросил я.

– Шансы минимальные. – Наши психологи попробуют найти с ними контакт, но я, честно говоря, сильно сомневаюсь, что у них это получится.

Я достал фляжку, кивнул капитану и, пригубив, сморщился.

– За удачу, Жан.

– Она нам не помешает. – Капитан повернулся. Однако уже возле самой двери он, немного потоптавшись на месте, снова повернулся ко мне.

– Знаете, Василий. Если переговоры зайдут в тупик, то разрешаю вам устроить так называемую пресс-конференцию с их вожаком. Цензуры не будет. Может и лучше, если люди узнают, что их ожидает. Возможно, хоть помолиться успеют.

Последние слова он пробормотал едва слышно и с заметной горечью в голосе.

Жизнь на корабле застыла. Время топталось на месте, и экипаж «Странника» пребывал в томительной неопределенности.

Бедный Питер, вдруг вспомнил я своего лунного товарища. Видимо не судьба тебе таскать мою нехитрую аппаратуру и гордо называться помощником знаменитого репортера.

В иллюминаторах светились чужие космические корабли. Выглядели они холодными, мрачными и наполненными непонятной безжалостной силой. Где-то там скрылась капсула с капитаном и еще десятком переговорщиков. Вернутся ли они и с какими вестями? Быть может, их убьют сразу после объявления войны.

– Убьют и съедят, – ухмыльнувшись, пробормотал я. Но на душе весело, конечно же, не было.

Я, вдруг, почувствовал себя неудобно. Только, что абсолютно безразлично разглядывал матовую стену, безуспешно пытаясь отыскать на ней хоть какой-нибудь дефект, как неожиданно к апатии охватившей меня, примешался холодок брезгливости. Я недоуменно повернул голову и тут же неприязненно передернулся. На пороге стоял эсбэшник.

– Собирайтесь, – процедил он. – Капитан требует, чтобы вы прилетели.

Я неловко поднялся и, стараясь не смотреть на щуплую фигуру альбиноса, направился к корабельному шлюзу. Все ясно – договориться не удалось. И сейчас мне предстоит услышать приговор человечеству. Еще месяц назад я и не думал, что мне будет уготована такая роль.

Экипаж маленькой шлюпки уже ждал меня. Два пилота суетливо помогли мне облачиться в скафандр и протиснуться к единственному пассажирскому креслу.

– В путешествие, так в путешествие, сказал попугай, когда кошка вытаскивала его из клетки, – грустно произнес я.

– Что? – один из пилотов недоуменно покосился на меня.

– Да так, – махнул я рукой, – анекдот вспомнил.

Выскочив из нутра «Странника», маленькая скорлупка понеслась к врагу

жеским звездолетам. Маневрируя между холодными темными глыбами диковинных кораблей, мы все дальше удалялись от «Странника», единственного родного места в этой части Вселенной. Наконец наша космическая малютка подлетела к флагманскому кораблю гаркхов. Подобно гигантскому кашалоту, корабль распахнул пасть и через мгновение сглотнул, оставив нас в непроницаемой мгле.

* * *

К горлу подкатила тошнота. Подобно морскому приливу, она то ненадолго отпускала, то вновь поднималась к самым glandам, грозя материализоваться в мерзкую вонючую жидкость. Капитан сочувственно поглядывал на меня.

— Ничего, скоро пройдет. — Нас первые полчаса тоже мутило.

Шлем скафандра лежал у меня на коленях. Враги постарались соблюсти все дипломатические правила приличия и соорудили в одном из отсеков нечто отдаленно напоминающее человеческую комнату. По крайней мере, стол и некое подобие стульев здесь были. Да и концентрация кислорода оказалась достаточной, для нормального дыхания. Но меня все равно мутило.

— А где остальные? — выдавил я.

— В соседнем помещении. Вождь Гкхарков.... Да, да, именно вождь, так он себя называет, распорядился, чтобы присутствовали только главные представители цивилизаций. И вы как журналист.

— Значит, кроме нас людей здесь не будет, — произнес я, разглядывая помещение.

Ничего примечательного. Серые стены, покрытые шероховатым наростом, высокий потолок, испещренный непонятными надписями. В центре «комнаты» возвышался полутораметровый куб, исполняющий роль стола. Рядом с ним такие же кубы, но поменьше. На одном из них расположился капитан, на втором ерзал я, ежеминутно поглядывая на створки перегородки ведущей в коридор. Именно оттуда должен появиться Вождь.

— Вкратце объясняю, как прошли переговоры, — поникшим голосом начал капитан.

Он бросил быстрый взгляд на часы. Потом махнул рукой и повернулся ко мне.

— Выпить есть?

— Чтобы у меня не было? — произнес я, вытаскивая фляжку. — Да еще в тот момент, когда мир рушится!

Капитан надолго приложился к горлышку, затем передал флягу мне.

— Помирать трезвым — глупо! — попытожил я, утирая губы ладонью. — Ну, так что там переговоры?

— Оказывается, гкхарки долго нас изучали. Собрали огромное количество информации и, убедившись, что мы в техническом отношении намного слабее их, решили напасть.

Капитан откашлялся.

— Тем не менее, они поражены объемом знаний, которые накопило человечество, и уважают нас за то, что мы развиваем науку. Они считают,

что в научном и культурном отношении мы выше их, и безоговорочно это признают. Но... — капитан поднял вверх палец, — они презирают человечество за техническую, вернее, военную слабость.

В этот момент из коридора послышался шум. Непривычно было, зная, что сюда движется живое существо, слышать не звук шагов, а шуршание огромных щупалец. Перегородка плавно раздвинулась, и перед нами предстал гигантский трехметровый осьминог. Верхняя часть его тела, усыпанная стекляшками глаз, мерно покачивалась на покрытых слизью щупальцах.

— Капитан, вы любите пиво с кальмарами, — задумчиво произнес я.

Жан с недоумением посмотрел на меня.

— Не время для шуток, — прошипел он.

Вслед за гкхарком вкатился металлический предмет, больше всего напоминая большой пылесос без шланга и ручки.

Я настроил камеру и приготовился задавать вопросы. Но Вождь прервал меня властным движением щупалец. Раздались резкие шелкающие звуки. Вслед за этим заработал «пылесос», который на поверку оказался роботом лингвистом.

— Вождь Гкхарков приветствует вестника земных новостей, — запищал робот-переводчик.

Я невесело усмехнулся.

— На планетах Гкхарков никто не разносит новости, нам это не нужно, — продолжал верещать писклявый переводчик. — Но, мы чтим традиции других планет, поэтому пошли на уступку. Что вы хотите знать?

— Зачем вы хотите уничтожить Землю? — спросил я.

— Люди слабее нас. Поэтому должны умереть.

— Но должна же быть причина, — не унимался я.

Капитан, сморщившись, сидел в сторонке и безучастно наблюдал за беседой.

— Мы признаем ваше Абсолютное знание. Вы знаете все! Но вы слабы! Слабый должен умереть. — Шелканье вождя и писк переводчика почти слились в один слабо различимый шум.

«Плохо же они нас изучили, — мелькнуло у меня в голове, — раз считают, что человечество владеет абсолютным знанием».

— Но, это ведь не повод... — попытался возразить я.

— Повод!

— Послушайте, — у меня вдруг возникла идея, — а почему вы не убиваете своих более слабых собратьев? Ведь следуя вашей логике...

— Мы живем родовым кланом. И все гкхарки повязаны родственными узами. Как можно убивать своих собратьев? А вы совершенно чуждый нам вид и к тому же слабы. Поэтому должны умереть.

Похоже, эти гкхарки упертые, как бараны. И шансов у нас действительно нет. Я вдруг с нежностью вспомнил Луну, добряка Пита и даже зверопова добного редактора.

— Разум вам по братьям, — негромко ругнулся я.

Писклявый робот-переводчик что-то зацокал.

— Я не понимаю, — наконец перевел он ответ.

— Чего ты не понимаешь, — я начал потихоньку звереть.

– Разум по братьям. Что вы хотели сказать?

И тут меня осенило.

– Да то и хотел. Мы же с вами братья по разуму. Как можно убивать своих братьев? – Я даже вспотел. – Пусть только и по разуму.

Воцарилась тишина. Долгая. Я бы даже сказал, очень долгая. Гкхарк сидел неподвижно, только его цвет поменялся с грязноВбуррго на розоваВтый. Наконец он снова защелкал.

– Мы этого не знали, – пропищал переводчик.

– Ну, понятно не знали! – Меня понесло. – Абсолютным знанием кто владеет, вы или мы?

– Мы должны подумать...

* * *

Полет к Земле я, признаться, помню смутно. Коньяк лился рекой, а здравцам не было конца. Меня разве что на руках не носили. Ну, еще бы! Мало кому удастся вот так с кондачка спасти цивилизацию. Гкхарки посоВвещавшись и, все еще пребывая под впечатлением развития земной науки, призналиВтакиВ нас своих братьев. По разуму. И, похоже, были счастливы не меньше нашего, что не произошло братоубийственной войны. А у нас появился могущественный союзник, который при случае так отделает возВможных вселенских врагов, что мало не покажется. Если вдруг вздумают обижать умных, но хилых братишек с Земли.

Я, покачиваясь, вышел в коридор и сразу же столкнулся с капитаном.

– Вася, а ты вчера про девушек правду говорил? – спросил он.

– ПВпрю каких? – я удивленно поднял бровь.

– Ну, что есть у тебя парочка знакомых девушек, с которыми можно неплохо развлечься, – капитан смущенно топтался на месте.

– Конечно, Жан! И даже не парочка. – Я подмигнул капитану. – Я несколько преуменьшил.

* * *

Уже засыпая в туалете, я силился представить, как будет выглядеть орден – «За спасение человечества».

Об авторе

Родился в 1973 году в г. Дивногорск, Красноярского края. Окончил Хакасский государЮственный университет им. Н. Ф. Катанова по специальности журналистика. Фантастику пишет с 2005 года, Лауреат премии им. В. П. Астафьева в номинации «Проза». Публиковался в изданиях: «Нева» (СанктЮетербург), «Полдень XXI век» (СанктЮетербург), «День и Ночь» (Красноярск), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Cosmopolitan» (Москва), «Юный техник» (Москва), «Техника молодежи» (Москва), «Искатель» (Москва), «ОчевидноеЮНевероятное» (Харьков), «Свой круг» (Монреаль), «Стена» (Киев), «Безымянная звезда» (Москва) и др.

Владислав Ксионжек

Ничейная земля

Вот бой и закончен. Вот и все уже для нас позади.

Автоматчики так просто и быстро прошли через отрытые ночью окопы, сметая всех плотным настильным огнем, что бойцы, получившие красные метки, решили остаться еще на какое-то время на поле. Поговорить, посмотреть на других, помечтать и подумать о чем-то своем.

Ребята сначала меня сторонились. Им было обидно. Ведь мне, в отличие от моих сотоварищей, досталась винтовка. И мне так повезло, что я успел израсходовать боекомплект.

Я выстрелил целых пять раз. Все пять раз в того, кто был самым высоким среди наступавших и шел чуть-чуть впереди остальных, не пригибаясь, а просто, как будто, сутулясь. Лишь когда я перевел прицел с груди на живот и в последний раз нажал на крючок, долговязый споткнулся, лицом упал в невысокую рожь.

А потом автоматчики в глубоких касках, надвинутых на глаза, начали прыгать на нас. Я уткнулся в жидкую глинисто-скользкую грязь, которая скопилась на дне, притворившись убитым. Выждав нужный момент, схватил двумя руками древко лежавшей рядом саперной лопаты и ударил наотмашь, как топором, по спине того, кто посылал веером пули от стенки до стенки окопа.

Лопата вошла в тело хотя и с усилием, но глубоко, упруго и плотно, как в плодородную землю, с которой не срезали дерн.

Я успел вырвать лопату из податливой плоти и ударить еще. А потом еще и еще, как будто желая перемешать неподвижное тело с землей.

Не помню, как пули прошли меня самого. Это было словно в тумане. Я не чувствовал боли. Только хлесткую тяжесть свинца.

Я смотрел из окопа на мелькавшие ноги. Потом — на безоблачно-нижнее небо. У меня не было мыслей и сил. Я был уже «там» и пока еще «тут».

Через какое-то время чувство «везде и всегда» постепенно прошло. Я осознал, что я на земле. С усилием встал и побрел через поле к ручью. Мои раны почти затянулись. А вот гимнастерка осталась дырявой. Я насчитал по восемнадцать сквозных отверстий на груди и спине.

Долго пытался отстирать заскорузлые ржавые пятна. Грязь сошла, но кровь моя была как цемент. Персональную «красную метку» было не смыть.

Двух таких же, как я, раздетых по пояс и приходивших в себя у воды, я увидел на поваленном дереве, на том берегу.

Они были не из нашей команды.

Тот, кто повыше — светловолосый, худой и костлявый, тер спину другому. Верней, промокал осторожно пилоткой, как будто боясь невзначай ущемить позвонки или раздавить слишком ломкие ребра.

Я перешагнул через неширокий журчащий поток.

— Ну разве так моют! — сказал я сердито. — Ты только размажешь всю грязь. Давай, покажу!

Я отобрал пилотку, зачерпнул ею воды и плеснул на чумазую, почти червную спину. Потом еще и еще.

Грязь глубоко въелась в кожу. Струйки скатывались по ней, не оставляя разводов.

Эх, наломать бы сейчас веток на березовый веник! Очень хочется проВстных удовольствий. Ведь нас их лишили с тех пор, как «одели по форме». Нелепо, смешно, в то, что осталось на складе. В линялые гимнастерки царВских времен и новые синие кавалерийские польские бриджи.

Разумеется, с теми, кто наступал, обращались не так. Слишком они уж холеные, самоуверенноВнаглые.

Вернее, раньше были холеными...

В жестоком бою все всегда на контрасте. Одни сыты, умыты, надменны, горды. Другие же обделены бытовыми удобствами, не избалованы уважеВнием и вежливым словом своих командиров. Зато искренне верят, что все у них впереди.

И с каждой битвой каждый чтоВтотеряет. А значит, становится ближе по образу жизни и внешнему виду к врагу.

Чем я больше лил воду на спину, тем больше грязи на ней появлялось. Она словно сочилась из тела.

Я спросил:

— Что случилось? Где ты так пропитался землей?

— Его долго рубили лопатой, — ответил за него белобрысый. — Пока не зажило, было страшно смотреть.

— Ну да... — вспомнил я (хотя, конечно, в слух не продолжил) последний свой боевой эпизод. Но на моем «топоре» не могло налипнуть столько земли!

— Это мой друг, — продолжал белобрысый. — Нас трое во взводе из одноВго города. Мы всегда говорили друг другу о том, что видел каждый из нас. А теперь он все время молчит. Внутри у него чтоВтохлопает, булькает...

— Я тебя узнал, — сказал я, как будто не слыша меланхолический моноВлог. — Это ты шел в цепи впереди остальных?

— У меня длинные ноги. Я всегда быстро хожу.

— Тебе куда попала пуля? В живот?

— Пуля? Попала? Нет, в живот точно нет. Я не знаю. Я не почувствовал... Правда, когда я упал, у меня с головы слетела каска, и на ней оказалась дыра.

— Вот видишь, наши винтовки лучше ваших трахВтархтелок. Они проВбивают металл. Хотя не пристреляны. Я целился тебе не в голову, а в живот.

— Ты наш противник? — удивился мой собеседник. — Ты был в окопе?

— Противники остались там, — я неопределенно махнул в противопоВложную сторону от заходящего Солнца, закрывая вопрос.

– А здорово все на нас заживает! – сказал белобрысый и улыбнулся такой открытой улыбкой на слегка конопатом лице, что я уже больше не мог представить его водянисто-голубые глаза прищурившимися из-под кромки каски, а руки сжимавшими стреляющий автомат.

– У тебя голова не болит?

– Немного. Я, наверное, ударился затылком, когда упал. Но это скоро пройдет.

– Мне кажется, у тебя там пуля, – сказал я, показав ему на область за ухом.

– Если даже так, что тут поделаешь?

– Нужно ее вынуть.

– Без инструментов? Ты сможешь? Ну, попробуй! Давай!

Я положил руку на коротко подстриженную, все еще пахнущую одеколоном голову, прижал середину ладони к тому месту, куда вошла пуля и где лобная кость неплотно сошлась.

Я отчетливо увидел кожным зрением кусочек свинца. Он смялся от удара о каску и был похож на жеваный окурок папиросы.

А потом вдруг мне стало дурно. К горлу подступила такая тяжелая тошнота, что я забыл, что больше суток не ел и что мне будет нечем облегчить желудок.

Белобрысый отодвинулся в сторону. Он теперь сидел на земле.

– Почему вы считают, что когда пуля попадает в висок – ты ничего не чувствуешь, – сказал он и виновато скривил уголки губ. – А меня чуть не вывернуло наизнанку. Я, правда, потом об этом забыл. Теперь вспомнил опять...

– На, держи, – сказал я, раскрывая ладонь и протягивая собеседнику пулю. – На память от стрелка!

– А он? – спросил белобрысый, тронув плечо безучастно лежавшего друга. – Ему ты сможешь помочь?

– Если мы с ним уже сегодня встречались, то, наверное, да.

Я вычерпывал из внутренних органов целые пригоршни дурно пахнущей жижи.

Нет, я не мог занести в раны столько земли. Очевидно, бедолага ел ее сам. И пытался ею дышать. Он захлебнулся грязью, пока я бил его ржавым, зазубренным клинком старой саперной лопаты.

Наконец, пострадавший хрипло вздохнул и начал судорожно кашлять, отхаркивая и отплевывая черную мокроту.

– Ты меня помнишь? – спросил я его, когда грудь его начала успокаиваться, а в глазах появилось осмысленное выражение.

Он отрицательно замотал головой.

– Ну, вот и хорошо!

– Спасибо, – сказал белобрысый.

– Спасибо за что?

– Спасибо, что ты нам помог.

– Теперь для меня это долг. Каждый в ответе за тех, кого пришиб... ну, в общем, кого приручил. А когда встретите земляка, передайте ему от меня горячий привет. Уверен, его обязательно скоро убьют.

Мы все были мертвы.

Все ополченцы погибли в окопах так быстро и просто, что смерть свою никто не успел осознать. Но мы продолжали, как будто, поВпрежнему жить. В том поле, где в траве, на земле, в свежевырытых нами траншеях остались лежать не погребенными наши тела.

Я раньше считал, что мертвым все безразлично. Неправда! Мы словно малые дети. Мы чегоВтождем.

Три дня прошло. Девять дней. Сорок. Мы потеряли им счет. Мы задерВжались на поле надолго. Может быть потому, что о нас все забыли. Нас лишили посмертно всех прав. Единственный список фамилий, который составил каптер, почемуВтосожгли.

У нас на поле не сеют, не пашут. У нас – тишина. Даже мальчишки боятВся ходить по костям. Коровы и козы – не в счет. Для нас они часть той высокой и сочной травы, в которой мы спим.

Но однажды опять появился немецкий солдат. Его было трудно узнать. На нем не было формы. Он шел тяжело. Опирался на палку, пытаясь уменьВшить нагрузку на левую ногу.

И всеВтаки он был из тех, кто здесь уже был. Он знал, что мы его ждем. Он видел, как мы его держим на мушках своих мало пригодных для боя стволов. Он остановился над самым окопом и долго стоял.

Его тянуло сюда потому, что я его звал.

Вот, он с трудом наклонился и взял из просевшего бруствера горстку земли.

КогдаВто земля была красной. Из восемнадцати круглых отверстий кровь хлестала, как будто бы я был дуршлаг, наполненный теплым и ярким густеющим клюквенным соком.

Пока ее сжимали в руке, земля вспоминала о том, что в ней была кровь. А я снова чувствовал боль. Бесконечную, смертную, такую тяжелую, что она приковала меня к этому полю, к пропитанной кровью земле.

Но немцу было хуже, чем мне. Он принимал эту боль. Я ее отдавал. Она возвращалась тому, кто ее причинил.

С тех пор, как вышел на пенсию, Фриц Лак с немецким упорством искал старых друзей.

Но находил, в основном, только могилы. Поколение было таким, что немногим удалось дожить до седин.

Два лучших друга Фрица, с которыми он воевал, были убиты еще в сорок первом. Он полагал, что могил у них нет. Ведь русские редко хоронят немецких солдат.

Он провел целый месяц в Москве. Получил доступ к трофейным архивВам. Из них впервые узнал названия сел, по которым когдаВто чеканным тевтонским шагом прошел.

ПоВрусски Фриц говорил хорошо. Не забыл еще то, чему научился в плену. Но Григорий Петрович, председатель колхоза «Имени 25 лет Победы», не сразу понял, чего от него хочет настырный иностранный турист.

– Мне фондов и грантов не надо. Я заплачу за все сам. Я нашел поле, на котором с войны лежат ваши и наши солдаты. Ваших больше. Давайте их всех похороним. Я за все заплачу.

– Наших больше! – возмутился притворно Григорий Петрович. – Это кто вам такое сказал?

– Я т о г д а тоже там был, – ответил Фриц и посмотрел на председателя немного с прищуром, как будто бы изВподкаски, надвинутой на глаза.

– Хорошо, – Григорий Петрович поборол внезапный озноб. – Что нужно вам от меня?

– Разрешение.

– Это будет непросто. У меня ведь почти половина земель не пригодна для посевной. Там, за лесом, вы нас били. А подальше, туда, за ручьем и рекой, мы вам врезали так... Впрочем, это неважно. Если бы не запрет на раскопки, знаете, какой урожай у нас бы был каждый год?

– Почему вам нельзя хоронить погибших солдат?

– Ну, сейчас уже можно, – сказал председатель. – А раньше была устаВ новка не увеличивать официальную цифру потерь. Если останков солдат не нашли, значит, они не погибли. Как у нас говорят: На «нет» и суда нет.

– Сейчас уже можно? – переспросил председателя Фриц.

– Теперь все можно списать на советскую власть. Да не смотрите вы так на меня! Помогу, но не сразу. – Григорий Петрович неожиданно и совсем, как будто, не к месту хитро прищурился. – КоеВктоиз авторитетных товаВ рищей говорит, что тела погибших солдат воплотились в траву, деревья, кусты. Зачем тревожить прах, который давно стал землей?

– Тогда, – сказал Фриц, – я хотел бы поставить им памятник. Общий, для всех!

Григорий Петрович понял, что немец дозрел. Улыбнулся доброжелаВ тельно и широко:

– Ладно. Начнем вести пропаганду. Деньги, надеюсь, для этого есть?

Вернувшись в Гамбург, Фриц Лак перечислил директору колхоза двести тысяч в евровалюте. Марта не возражала. Она всегда поддерживала мужа во всем.

В конце лета пришлось отправить еще пятьдесят. Весной Григорий Петрович опять попросил прислать двести тысяч. На новый рекламный сезон. Фрицу стало ясно, что пора приезжать самому.

Он своими руками сделал скамейку, привез в разобранном виде в Россию и собрал возле ручья. Сидя на этой ажурной скамейке можно было видеть все поле, за которым рос такой же, как на родине, лиственный лес.

Григорий Петрович весьма удивился, когда Фриц Лак попросил его показать отчет о расходах.

– Я же вам обо всем написал! Половина денег ушла на дотацию местноВ го радио. Вторую нужно было раздать ветеранам войны в виде так сказать отступного за то, что мы хотим уравнивать в правах погибших советских солВ дат и фри... то есть немецких фашистов. Это дорого стоит. Не каждый согласится за подачку продать свою совесть и честь.

– Я помню, что вы писали. Я хочу посмотреть документы.

– Документы – не понял председатель колхоза – на что?

– Счета. Квитанции об оплате. Фамилии. Списки. Расписки...

Григорий Петрович долго смеялся:

– Какие расписки? Какие счета? Вы не в Германии, мой дорогой. Мы не формалисты. Мы делаем все по велению наших сердец. Вот почему вы нас победить не смогли. Фамилии! Списки! Вы до сих пор не сумели понять, куда вы пришли!

– Тогда я вам денег больше не дам, – сказал немец твердо.

– Ну, хорошо, хорошо, успокойтесь! – согласился пойти на уступку Григорий Петрович. – Я дам расписку о том, что новый транш получил. Или вы не верите мне, что я израсходую средства с пользой для дела – для упокоения в нашей земле ваших друзей?

– Но мы совсем не богаты, – Фриц сказал виновато. – У нас с Мартой осталось немного денег только на памятник. Я уже выбрал место, где он может стоять.

– Хорошо, хорошо, – повторил председатель. – Мне все нужно обдумать. Давайте я запишу, как звали ваших друзей.

Сразу же после того, как настырный немец ушел, Григорий Петрович вызвал Сидорчука – самого пронырливого из бывших бригадиров, забравшего в личное пользование дальние выпасы за рекой.

– Чем я могу быть полезен, Петрович? – деловито спросил Сидорчук.

– Да так... вот, смотрю, ты огородил все луга, но скот не пасешь. Чем живешь?

Сидорчук усмехнулся:

– Живу, как и все, дарами земли.

– Я дары твои знаю! Почему продаешь в Москве немецкие каски? Наверно еще автоматы, гранаты...

– Что вы! – воскликнул испуганно Сидорчук. – Это же незаконно. Да и какие гранаты? Все протухло давно, отсырело. Ведь у нас – глинозем.

– Ладно, ладно! Я тебя не хочу подводить под статью. Но с любого бизнеса неса налоги нужно платить.

Сидорчук дернулся, сделал вид, что хочет засунуть руку в карман:

– Сколько с меня? Сколько я вам должен отдать?

– Мне деньги твои не нужны. Ты за ночь вспашешь мне поле. Так, как ты это делать умеешь, – произнес председатель с нажимом на «ты». – У тебя ведь есть металлоискатели и другие хитрые штуки.

– Хорошо. Я все сделаю. Где нужно копать?

– Ближе к нашей центральной усадьбе, возле самого леса, на той стороне, где остались окопы.

– Там же... – Сидорчук брезгливо скривился, – в основном только кости. Ополченцы. Одна винтовка примерно на пятерых. Да и те нет смысла искать. Рассыпаются словно труха. Амуниции много было у немцев. Но немцев там нет. Я уже проверял.

– Двое, как минимум, есть. Должны быть, – председатель внушительно посмотрел на искателя «кладов». – Запиши, как зовут: Курт Лемке и Клаус Браун. И смотри, не напутай! Не то мне придется напомнить, что «твою» землю колхоз в любой момент может вернуть.

Наутро, к очередному визиту иностранного гостя, у председателя в руках были убедительные аргументы для продолжения диалога. Григорий Петрович решил все сразу сказать, не давая оппоненту возможности возмущаться, сомневаться и возражать:

— К сожалению, наша с вами активность привлекла внимание корыстных людей, — начал он траурным голосом. — Сегодня ночью они перекопали все поле. Вот что они попросили вам показать... — Председатель достал два немецких «смертных» жетона с едва различимыми буквами. — Посмотрите, по моему, тут выбиты те самые имена, которые вы мне назвали.

Немец долго бесстрастно смотрел. Но не на медальоны. В глаза собеседнику.

— Сколько денег вам нужно?

Григорий Петрович снял с лица «скорбную маску».

— Я уже говорил. Двести тысяч. На памятник — еще пятьдесят.

— Таких денег у меня уже нет.

Председатель убрал медальоны.

— Посовещайтесь с вашей женой. Всегда можно что-то продать. Разве есть у вас что-то, что вам будет жалко отдать за друзей?

Фриц Лак пришел попрощаться с друзьями.

Было видно, что ночью на поле потрудились изрядно. Появилось немало воронок. Полоса шириной метров пять у окопов была вспучена бороной. Там и сям, словно корни засохших растений, из земли торчали кости. Можно было увидеть разбитые черепа. Они смотрели с глубоким укором на солдата вражеской армии, который стал причиной того, что был потревожен их прах.

Фриц вдруг осознал, что с этого поля живым не уйдет.

Я прицелился. Теперь что винтовку я знаю. Попаду прямо в сердце. Вырву пулей изношенный клапан. Выпущу в землю обратно свою, а вместе с ней и немецкую кровь.

Но стрелять я не стал. Лучше пусть его «успокоят» наши ребята. Не то будут дуться опять на меня много лет.

Мы ждали. Мы просто держали фрица на мушках изъеденных, ржавых стволов.

Он упал без нашей помощи — сам. Сердце. Клапан. Внезапная смерть.

К новичку в нашем сплотившемся братстве сразу же бросились двое, которых я опекал. Они понесли его на скамейку, к ручью. Им лучше побыть какое-то время втроем. Ведь в первые дни, иногда даже месяцы, годы трудно бывает понять, что один в поле не воин. Что наше поле одно и на всех. Навсегда.

Когда Марта приехала за телом супруга, она задержалась в поле на целый день. Найденной здесь на удивление крепкой саперной лопатой она присыпала землей кости давно погибших людей.

Сначала ей пришли помогать двое подростков из соседней деревни.

Потом потянулись и взрослые. Не то, чтобы очень активно старались приВ вести поле в божеский вид. Но чтоВтов сознании жителей сдвинулось.

Они починили скамейку, которую к этому времени ктоВю успел разбить топором. Распилили ствол упавшего дерева и поставили круг из пеньковВ чурбачков.

Теперь к нам в гости часто приходят. ПоВрусски, с бутылкой. А иногда просто так, посидеть, подумать и помечтать. Не всегда понимая, что так вот общаются с нами. Что для нас это память. А память важнее могил и крестов.

Об авторе

Родился 9 августа 1956 года. По образованию — физикЮеоретик.

Как и полагается при такой несуетливой профессии, преподавал общий курс физики стуЮ дентам, работал над диссертацией. Однако после того, как в научноЮпулярных журнаЮ лах начали публиковать его рассказы (первый — «Мальчик, старик и собака» — вышел в журнале «Химия и жизнь» в 1980 году), сменил специальность на более близкую к литераЮ турному творчеству.

Последняя занимаемая в советское время журналистская должность — член редколлегии, заведующий отделом науки журнала «Техника — молодежи».

К тому моменту, когда ушел в 1990 году в издательский бизнес, было опубликовано два десятка рассказов в общественноЮполитических газетах, научноЮпулярных журналах, ежегодниках «Фантастика», переводных сборниках советской фантастики (на английЮ ском и португальском) и в «Советской литературе» на немецком языке. В № 1 (10) «ЗнаниеЮла: Фантастика» за 2010 год был опубликован рассказ «Игра детей младшего школьного возраста».

Сергей Абаимов

Миллиард смертей понарошку

— Послушайте, Мак Лафлин! — президент кричал и брызгал слюной, — вы для того и носите погоны, чтобы выполнять мои приказы! Или вы думаете, мы потратили восемьдесят миллиардов только ради вашей забавы?!

— Никак нет, сэр, — начальник департамента военной разведки, самый засекреченный генерал армии Соединенного Королевства, взирал на развращенного президента с абсолютным спокойствием. Его холодные, словно льдинки, голубые глаза не выражали ничего.

— Тогда действуйте! Эти русские опять обнаглели! Хотят нарушить договор и провести испытания термоядерных бомб!

— Я знаю, сэр.

— Вы обязаны остановить их! — президент бухнул кулаком по полированной крышке стола. — Во что бы то ни стало! Любой ценой!

— Год тому назад я предупреждал вас, сэр. Нельзя было позволять этому Фейнштейну покидать страну. Вы тогда не послушали меня.

— Что?!! — президент вскочил из-за стола и угрожающе склонился над Мак Лафлином. — Да как ты смеешь!

— Простите, сэр, — ничто не изменилось в лице генерала. Словно окамененный ледяной водой, президент вернулся в свое кресло.

— Ну хорошо, признаю, я был тогда не прав, — произнес он, неожиданно быстро успокаиваясь. — Геополитическая обстановка требовала. Но теперь, генерал, я даю вам полный карт-бланш исправить ошибку. Не позволяйте этому Фейнштейну уезжать год назад. Посадите его в тюрьму, тем более, что он этого достоин. Ликвидируйте его, наконец.

— Вы имеете в виду, сэр, использовать наш МВ проект, чтобы исправить прошлое? — генерал искренне удивился. — Это невозможно, сэр.

— Вы не можете его остановить?

— Можем, сэр. Но это изменит настоящее. Плохое оно или хорошее, но это настоящее. Конституция запрещает нам рисковать им.

— Плевать! Что может измениться?

— Например, сэр, результаты ваших повторных выборов. Вы победили как человек, способный противостоять нарастающей угрозе со стороны русских. Измени мы прошлое, и в вашем президентском кресле уже может сидеть другой.

— Мой пост ничто в сравнении с благополучием Королевства, — президент кивнул седеющей головой. — Сделайте это.

— Не могу, сэр, — генерал упрямо покачал головой. — Никто не позволит нам. У спикера парламента за этот год родился мальчик, который чудом

выкарабкался из затяжной послеродовой пневмонии. Он не будет рисковать жизнью ребенка опять. Начальник генерального штаба женился. И так у всех. Никто не поддержит нас, многие приобрели что-то хорошее за этот год.

— Что же делать? — понурился президент.

— Сэр, использовать машину времени для изменения прошлого недопустимо. Даже прикажи вы мне это, — генерал твердо посмотрел в глаза президенту, — в соответствии с уставом, я не выполню ваш приказ. Вы можете просить меня добыть для вас что угодно — миллионы тонн золота, урана или тесла-бомб. Но коррекция прошлого недопустима.

— Интересно, откуда вы возьмете миллионы тесла-бомб? — ехидно спросил президент. — Или военная разведка имеет свое оружейное производство, о котором даже я ничего не знаю?

— Все очень просто, сэр. Мы можем использовать для этого машину времени.

— Это как? Вы будете производить тесла-бомбы с помощью машины времени?

— Так точно, сэр! — генерал впервые улыбнулся.

— Я не понимаю, объясните, — потребовал президент.

— Это очень просто, сэр. Представьте, что завтра вы мне дадите одну тесла-бомбу. Я с помощью машины времени перемещаю эту бомбу во вчерашний день и оставляю ее на складе одной из наших военных баз. Прошлое изменено, но не сильно. Теперь завтра я буду иметь уже две бомбы — одна вчерашняя, на складе, а одну вы опять сами дадите мне.

— То есть вместо одной бомбы вы из воздуха имеете две?

— Так точно, сэр! — снова улыбнулся генерал. — Но это еще не все. В завтрашнем дне у меня две бомбы. Я возвращаюсь с ними во вчера чуть позже, чем я появился там в предыдущий раз, и на складе уже лежит одна из бомб. Я оставляю там еще две новых рядом, завтра вы снова дадите мне одну — и у меня уже четыре бомбы.

— О, Господи, — произнес президент. — А откуда же там возьмется пропавшая бомба, если вы ее положите снова в другое место?

— Я понимаю, сэр, это сложно понять с первого раза. Проще всего думать об этом, опираясь лишь на прошлое. Будущее неустойчиво и полностью зависимо. Бомба появилась в прошлом и изменила тем самым все будущее. Она так и останется на складе, даже если в новом будущем вы ее мне не дадите и я ее туда так никогда и не положу.

— Это очень сложно...

— Сэр, вы упомянули о потраченных на наши исследования восьмидесяти миллиардах, — генерал ухмыльнулся. — Я готов возратить их вам в любой момент тем же способом. Золото, бриллианты, что хотите...

— То есть в стране появится лишних восемьдесят миллиардов золотом? Что же вы молчали до сих пор?!

— Мы только недавно отработали эту технологию, сэр. Но теперь экономика Королевства может полностью на нас положиться.

— Это похвально, генерал, — президент улыбнулся. — Но как же быть с русскими? — понурился он. Они близки к созданию тесла-бомбы.

– Это исторический факт, сэр, – кивнул генерал. – Мы не в силах изменить его, и должны опираться на нерушимое настоящее. Но для изменения будущего вы можете полностью на меня рассчитывать.

– Что вы предлагаете?

– Всяческую поддержку наших армейских подразделений. Точнейшие разведанные – с машиной времени это пара пустяков. Представьте себе, наш агент уходит в кайнозой, перемещается в нужное место и появляется там на секунду в будущем. Любой закрытый объект, любые барьеры охраны будут бессильны. Тем же способом обеспечивается проведение диверсионных операций – мы можем доставить любую бомбу в любое место.

– Доставьте теслаБомбу в лабораторию русских. Они так хотят ее получить – они ее получат.

– Это возможно, сэр, – медленно кивнул головой генерал. – Но вы должны представлять себе последствия. По моим данным, даже без веских доказательств русские ответят мгновенным контрударом. Такая сейчас обстановка.

– Мы выдержим, – в голосе президента появилась сталь.

– Это война, сэр. Мы не готовы, наша ПРО несовершенна. Будут огромные потери.

– Если мы позволим им создать теслаБомбу, потери будут несравнимо больше, – упрямо произнес президент.

– Вас не поддержат, сэр. Парламент не пойдет на это...

– Плевать, – было видно, что президента переклинило на идее. – Мне плевать на парламент, мне плевать на импичмент. Мы сделаем это для страны, история нас оправдает.

– Ядерные бомбы будут взрываться над нашими городами, сэр...

– Мы выстоим. Ядерные бомбы не теслаБомбы. Тогда не выживет никто.

– Но сэр...

– Это приказ! – президент опять кричал и брызгал слюной.

– Можно обойтись...

– Это приказ, генерал!!!

В комнате повисло молчание. Мак Лафлин тихо сидел на своем месте и спокойно наблюдал, как постепенно спадает гнев президента.

– Разрешите доложить, сэр? – произнес он наконец.

– Опять скажете, невозможно? – с угрозой спросил президент.

– Никак нет, сэр. Вполне возможно. Просто я хотел предложить вам другой вариант.

– Опять трюк с машиной времени? Так бы сразу и сказали, – уже доброу душно махнул рукой президент.

– Так точно, сэр, трюк, – Мак Лафлин помолчал. – Мы разработали новую технологию, но пока не успели опробовать ее в действии. Речь идет об абсолютном прогнозировании исхода военных действий. Однако это потребует от вас, лично от вас, сэр, полного мужества. Вы должны будете рискнуть жизнью. Точнее, вам придется умереть. Действительно умереть. Но вы останетесь в живых и будете знать исход войны с русскими.

Генерал замолчал.

– Мне придется умереть, но я останусь жив? – президент говорил медленно, тяжело глядя на собеседника. – Объяснитесь, Мак Лафлин. Пока что это похоже на попытку убить главнокомандующего и пахнет трибуналом.

– Хорошо, сэр, – голос генерала был попрежнему ровен. – Мы не можем рисковать настоящим, но мы можем рискнуть будущим. Вы, лично вы, сэр, с группой страховки перемещаетесь в далекое прошлое, в кайнозой. Тем самым мы создаем основной резерв для восстановления настоящего. Далее мы помогаем вам переместиться в завтрашний день, и вы начнете войну против русских. Вы проигрываете этот вариант будущего, а мы страхуем вас из кайнозоя. Если ситуация разрешится, ничего другого не потребуется. Но вот если станет очень туго...

– Что тогда?

– Мы спасаем вас, только вас, оставляя страну гибнуть. Вы уходите в прошлое, унося с собой весь накопленный опыт развития событий. И тут должно произойти то, о чем я говорил – мы убьем вас, сэр. Специальная группа возвращается в кайнозой и убивает вас еще перед заброской в будущее. Еще перед тем, как вы развяжете войну. Будущее изменено, страна цела и никогда не гибла. Но где вы более далеком прошлом существуете вы второй, прошедший через все. Мы возвращаем вас в завтрашний день, и дальше все будет зависеть только от вас, сэр.

Президент понуро ссутулился в кресле.

– Я понял, генерал, – произнес он. – Скажите, вы уверены, что это сработает?

– Должно сработать, сэр, – кивнул Мак Лафлин головой.

– И нет никакого способа спасти тому, первому... жизнь?

– Нет, сэр. Во всей Вселенной не должно быть вашего двойника. Иначе Королевство ждет опасность страшнее войны с русскими. Простите, сэр, но это абсолютно необходимая мера.

– Я понимаю вас, – президент кивнул головой. – Я такой же солдат, как и вы, Мак Лафлин, – произнес он. – Действуйте, генерал.

* * *

Все произошло очень быстро. Его запихнули в полутемную камеру. Неожиданно дикая боль, словно его вывернули наизнанку. Створки дверей распахнулись, и он выпал на заботливо подставленные руки.

Вокруг стояли офицеры в форме разведки. Камера, из которой он появился, словно черная, пустая коробка, торчала посреди знойной, залитой солнцем степи. И воздух! Воздух, каким он никогда не дышал.

Его поставили на ноги и поднесли к губам флягу с коньяком.

– Кайнозой, сэр, – произнес улыбчивый лейтенант и обвел все вокруг рукой.

Внезапно воздух словно треснул. Из черной коробки один за другим посыпались солдаты в неизвестной ему черной униформе. Они бесцеремонно растолкали офицеров разведки и выстроились вокруг президента четким полукругом.

Последним появился Мак Лафлин. Его полевая форма, смешная в кабинетах департамента, здесь казалась неотъемлемой частью его самого.

– Простите, сэр, но вы знаете, что я должен сделать, – произнес он, вытаскивая пистолет.

– Пойдите, Мак Лафлин, я еще не... – задохнулся президент.

– Все кончено, сэр.

– Но я... я по крайней мере имею право знать...

– Конечно, сэр. Королевства больше не существует, нам только чудом удалось вытащить второго вас.

– Но почему?..

– В распоряжении русских оказалось около десятка теслаБомб. Испытания, изВзакоторых все началось, были дезинформирующим маневром. На самом деле противник овладел теслаВтехнологией раньше нас, и Фейнштейн тут совершенно ни при чем. Простите, сэр, но вы погубили свою страну.

Раздался выстрел, и тело президента, словно тряпичная кукла, рухнуло в высокую траву.

* * *

– Это было... ужасно, генерал, – президент, казалось, постарел на несколько лет. В его волосах прибавилось седины, лицо сморщилось, словно печеное яблоко.

– То, что мы убили вашего двойника, сэр?

Президент тяжело посмотрел на генерала.

– То, что я видел там... – он достал сигару, и кто-то из окружающих офицеров тут же услужливо чиркнул зажигалкой. – Море огня... Слепляющего зеленого огня. Зеленая, сжигающая все волна. Она шла и шла вдоль страны, и города исчезали один за другим. И ничего. Ничего за этой волной. Лишь оплавленная, голая земля. Ни людей, ни деревьев, ни зданий. Ничего...

– Скажите, сэр, там была остаточная радиоактивность? Мы не смогли это проверить во время лунных испытаний, не хватило мощности. Нам важно это знать, сэр, – кивнул головой Мак Лафлин.

Президент смерил его долгим взглядом.

– Придется договариваться, – тяжело произнес он. – Договариваться. И с кем?! С русскими!!!

– Это будет нелегко, сэр. На данный момент у них стратегический перевес по запасам теслаБомб.

– Я очень боюсь предстоящих переговоров, – признался президент и нервно глянул на Мак Лафлина. – Скажите, генерал, вы могли бы опять подстраховать меня?

– Сэр, вам не страшно умирать снова? – осторожно осведомился генерал.

– Но ведь это было понарошку? Скажите, все, что я видел, это ведь было только понарошку? – почти попросил президент. – Этот миллиард исчезнувших жизней – ведь все это было только понарошку?! – тухнувшая сигара задрожала в его пальцах.

– Конечно, сэр, – соорив безразличное лицо, отчеканил генерал. – Только понарошку, сэр. Только понарошку. И мы всегда можем попробов
вать снова.

Об авторе

*Родился в 1973 году. Окончил Московский физико-технический институт.
Учился в аспирантуре Университета Калифорнии, Дэвис. Изучает землетрясения.
Научно-фантастические рассказы в 2006-2007 гг. печатались в ряде ведущих российских
журналов. В № 1 (6) «Знание Юла: Фантастика» за 2008 год был опубликован рассказ
«Две зеленые точки».*

Александр Белл

Разрушитель системы

Спору нет, что многие комсомольцы конца шестидесятых годов прошлого века страдали беспринципностью, но Вася Белкин, будучи человеком идейным, верил в светлое будущее и рук не покладал для его приближения. Он с энтузиазмом и творческим огоньком трудился в НИИ, с удовольствием вел в подшефной школе радиолюбительский кружок, а по ночам изобретал и мастерил машину времени.

На это сложное и вроде бы нереализуемое устройство его выбор пал неслучайно. Во-первых, ему достались материалы деда, отдавшего полжизни теории временных перемещений, а во-вторых, он понимал, что для достойного существования в настоящем надо соприкоснуться как с прошлым, так и с будущим, то есть, наблюдать не одну точку пути, а всю дорогу с ее возможностями и опасностями.

Отдавая предпочтение коллективному труду, Вася предложил уже работанную идею машины времени своему руководству, но начальники от молодого специалиста отмахнулись и по-отечески посоветовали лженаукой не увлекаться.

Единственным, кто активно поддерживал фантастическое начинание, был давний друг Васи Костя Непомнящий. Не обладая мощным умом и особым трудолюбием, он был асом по части снабжения, и скромный Вася всегда признавал, что без друга его работа давно бы зашла в тупик. Костя же не ограничивался техническими вопросами, а и в житейском плане опекал непрактичного Ваську: то импортные джинсы ему доставал, то с интересными девушками знакомил. Вася новенькие джинсы надевал, но с таким же удовольствием ходил бы и в отечественных брюках, а с девушками дальних дружеских отношений не заходил: то ли королеву ждал, то ли от своего увлечения ни на что не мог оторваться.

Работа над машиной времени шла хромяючи. То Васе казалось, что дело на мази, то он чуть ли не впадал в отчаяние, но все-таки упорство себя оправдало, и, худо-бедно, первый экземпляр был изготовлен. Совершенством он не отличался и позволял перемещаться туда-сюда не более, чем на сорок пять лет.

Не желая подвергать друга опасности, Костик так и рвался в первоиспытатели, но Вася отвел ему другую роль: отправлять и возвращать путешественника. После долгих раздумий и споров для начала решено было переместиться в период НЭПа. С машиной времени в рюкзаке друзья прибыли в глухую, почти заброшенную деревеньку. Вася, хоть и отличался смелостью, но зря рисковать не собирался, а чем малолюдней местность, тем меньше вероятность нарваться на неприятности.

На пустыре никого не было. Вася пристроил машину на пне и в который уже раз объяснил помощнику, какие тумблера и кнопки нажимать, в какую сторону перемещать движок. Потом в мышцу собственного бедра он ввел иглообразную микроантенну, принял раствор, приготовленный по рецепту деда, и в позе лотоса уселся на траву.

Костя разволновался. Предстоящие действия были простыми, но какая-нибудь досадная ошибка могла сорвать эксперимент века или даже погубить друга. Однако время поджимало, и юноша набросился на аппарат, как на заклятого врага. Вначале ничего не изменилось, но вот неподвижное тело изобретателя заколебалось, стало расти и истончаться, и вдруг совсем исчезло. Результат соответствовал ожиданиям, но Костю тем не менее затрясло.

Дышать было нелегко: воздух изобиловал неприятными химическими запахами. Вася с трудом разлепил веки и увидел дуло пистолета, направленное прямо ему в лицо. Находясь под влиянием перехода, путешественник не особо испугался, а пробежал взглядом по мордастому угрюмому детине в пятнистой форме.

«Буржуйский прихвостень. Такой убьет и не поморщится», — подумал Вася и, стараясь не шевелиться, сделал заявление.

— Я здесь с самыми добрыми намерениями.

— И потому самовольно проник на частную территорию, — тяжелый ботинок болезненно ударил изобретателя под ребра.

Жалея, что он не отправился в счастливое будущее, а угодил в паутину отживающего капитализма, Вася заверил:

— Это чистая случайность, но я посланник доброй воли, и все объясню...

— Иван, что там такое? — откуда-то сверху донесся властный, раздраженный голос.

Вася скосил глаза и чуть не присвистнул: жили же буржуи. Кто бы подумал, что в крохотной деревушке относительно недавно стоял эдакий особняк с башнями, колоннами и расположенной в крыле второго этажа, огромной крытой верандой. Там-то и стояли два буржуя: один — длинный глистоподобный и чернявый, а второй — лысый крепыш, сверкающий золотом массивных колец на толстых пальцах.

— Тут какой-то чудик нарисовался, босс. Называет себя посланником, — с явным подбострастием отозвался Иван.

— Почему впустили? — рявкнул лысый.

— Да он как с неба свалился или из-под земли вырос. Гляжу — сидит истуканом.

Лысый исторгнул грубое ругательство, но обстановку разрядил чернявый, пискляво предложив:

— Давай, поразвлечемся с этим посланником.

Лысый кивнул и крикнул вниз:

— Тащи его сюда!

Иван за шиворот поднял пленника на ноги и по песчаной дорожке, пересекающей ухоженную зеленую лужайку, привел его в дом, затмившей все представления о роскоши НЭПа. На веранде, которая вполне могла

служить местом отдохновения восточного принца, кроме двух мужчин, сидевших подле отлично сервированного стола, присутствовала и полуоголенная девица. Лежа в шезлонге, она то ли дремала, то ли притворялась дремлющей. Ее вольная поза и чисто символический наряд выдавали в ней продажную усладительницу буржуйской плоти. Полвека спустя ни одна комсомолка не показалась бы на людях в столь неприличном виде.

Упирая в спину незваного гостя пистолет, Иван подогнал его к развалившимся в низких креслах мужчинам. При ближайшем рассмотрении лысый оказался бритым, а у чернявого обнаружился неровно подстриженный ежик. Вглядываясь в Васю крупными, чуть навывкате, бесстыдными глазами, бритоголовый отрывисто бросил:

– Обыскан?

Прислужник грубо пошарил по телу юноши и пробасил:

– Чист!

– Тогда иди! – приказал бритоголовый и тотчас добавил. – Этот хиляк с мухой не справится.

Вася даже обиделся. Он, хоть и был худ, но спортом занимался и каждое утро по десять минут стоял на голове.

– Так кто же тебя прислал? – не предложив сесть, напористо спросил бритоголовый.

Изобретатель решил было, не метать бисер перед свиньями, но вовремя одумался: ведь знание истины кого угодно может толкнуть на путь исправления.

– Я гость из будущего, а точнее, из второй половины вашего же столетия.

Чернявый издал резкий смешок:

– Да он колес наглотался!

Но бритоголовому было не до смеха:

– Не похоже. Думаю, просто псих. Но как ему удалось проникнуть на мой участок? Охрана бы этого не допустила.

– Говорю же, я из будущего. В наше время на месте вашего дома будет пустырь без признаков былого строения.

Бритоголовый побагровел.

– Хамство! Я столько денег вложил в усадьбу. Считал, что она на века, а через несколько десятилетий от нее следа не останется?

Чернявый захихикал.

– Купился, купился, Антон. При твоём прагматическом уме, взял да и поверил бредням придурка.

– Уж больно он чудной. В наше время таких днем с огнем не сыщешь, – смутившись тем, что купился, пробурчал Антон и тут же переключился на Васю:

– А что случилось с моим домом. Война какая-нибудь была?

Лицо гостя приобрело скорбно-торжественное выражение:

– Да, страшная война. Не исключено, что ваш дом разбомбили, а потом люди разобрали его по кирпичикам.

– Мерзость! – возмутился Антон. – В этой стране нормальное существование немислимо. То революции, то войны, то хренота какая ни попадя!

– Но мы победили в войне, ликвидировали все перекосы, и теперь ничто не мешает счастливому строительству.

Антону ответ посланника не понравился:

– А строй? Какой у вас строй?

– Мы движемся к коммунизму, – скромно, но не без скрытой гордости отвечал Вася.

– Проклятье! – взвыл Антон, а чернявый то ли в шутку, то ли всерьез вцепился в свои короткие волосы и закачался из стороны в сторону.

Вася счел нужным добавить:

– Между прочим, откат к капитализму, который вы сейчас переживаете, был недолгим. Года через два в стране восторжествует социализм.

– А в остальном мире? – вскинул голову чернявый.

– Идут положительные процессы, но в некоторых странах, таких как США, капитализм, хоть и загнивает, но все еще крепко цепляется за свои позиции.

– А что будет с нами, со мной, в частности? – с затвердевшим от напряжения лицом спросил Антон.

Вася замялся:

– Что лично с вами, не знаю, но капиталисты, по крайней мере, как класс, будут ликвидированы.

– Значит, наше время кончилось?

Вася не успел кивнуть, как к бритоголовому подошел бесшумный Иван и что-то шепнул ему на ухо.

Обращаясь к чернявому, Антон с гадливой улыбкой сообщил:

– Депутат прибыл. Нужно идти договариваться, Марик.

– В свете открывшихся фактов особого смысла в переговорах не вижу, – кисло откликнулся Марик.

– И ты купился, – Антон невесело усмехнулся и тут же перешел на деловой тон. – Ладно, пошли, а этого нужно пока запереть.

– Не нужно! – девица уже не спала, а сверлила Васю взглядом красивых ярко-красных глаз. – Все равно скоро вернетесь, а я за ним пригляжу.

Глаза Антона холодно блеснули:

– Пригляди, Катерина. Только не позволяй себе ничего лишнего, а то я тебя по стенкам размажу. А ты, посланник, перекуси. Как говорится, от нашего стола вашему...

Мужчины ушли, а путешественник покосился на стол, ломящийся деликатесами. Ничего подобного он и на свадьбах не пробовал, но не есть же буржуйское. Лучше, пока есть возможность, по сторонам осмотреться. За высоким забором виднелись убогие лачуги, а возле одной из них ковыляла в земле обтрепанная старуха.

– Хорошо в будущем, что, посланник? – заинтересованно спросила подошедшая чересчур уж близко Катерина.

Вася взглянул в ее дерзкое самоуверенное лицо и почувствовал, как жар разливается по его телу, более того, ему показалось, что если эта особа пожелает, он побежит за ней наподобие жалкой привязчивой дворняжки. Усилием воли развеяв наваждение, путешественник вспомнил о своей просветительской миссии и заговорил, хоть и несколько сдавленно, но солидно.

– Думаю, что лично вам грядущие перемены пойдут только на пользу. Избавившись от униженного положения, вы сможете учиться и трудиться на благо Родины.

Девушка хмыкнула:

– Уже отучилась – институт закончила и, да будет тебе известно, сейчас тружусь на благо элиты родины.

– Но вас оскорбляют.

– Зато не бедствую. Правда... – она задумалась и продолжила озабоченно, – в связи с предстоящей сменой системы надо бы от Антона сбежать и заняться наукой. Ну, чтоб в новом обществе проблем не было. Только ведь этот упырь, пока суд да дело, под землей меня найдет и с землей сравняет.

Вася пожалел девушку.

– Сейчас не выйдет, но я прибуду сюда еще раз и постараюсь перебраться вас в будущее.

Катерина махнула рукой:

– Э, нет! Где родилась, там и пригожусь. А ты не волнуйся – выкручусь. Думаю, что красивая женщина ни при каком строе не пропадет.

Вася хотел было приобщить девушку к социалистическому мировоззрению, но ощутил трепет внутри себя и понял, что зов из будущего дан, и вот Вют начнется перемещение.

Ближе к вечеру Антон и его двоюродный брат Марк сидели в гостиной у потрескивающего камина. Оба угрюмо молчали, и, наконец, Марика проВрвало:

– Нет, я ни на грош не верил этому посланнику. И что же? Он взял да испарился прямо на глазах Катерины.

Не выказывая эмоций, Антон хмуро спросил:

– И что ты намереваешься делать?

Закинув ногу на ногу, Марик развалился в своем удобном кресле:

– А у нас всего один выход: поВбьстрому распродать собственность и вместе с деньгами свалить за границу.

Антон остался хмуроВосредоточенным:

– Кем я буду за границей? Богатым эмигрантом, которому никто не доверяет? Спасибо, не надо. Сейчас у меня скопилось полмиллиарда долВларов. Так вот, я пушу эти деньги на революционную борьбу и войду в новый режим не элементом, подлежащим уничтожению, а организатором и хозяином жизни.

– Не хило! – выпалил Марик, и после паузы поинтересовался. – А как поступишь с Катериной?

– Незамедлительно порву с ней: лидер оппозиции просто обязан быть хорошим семьянином.

Удрученно разглядывая обуглившуюся машину времени, Вася уже во второй раз повторил:

– Хорошо, хоть я успел вырваться из этого логова.

Костик, с момента появления друга не прекращающий хмурить лоб, словно бы ничего не услышал и спросил совсем о другом:

– Значит, движок нужно было смещать влево?
– Сто раз ведь говорил: левая сторона – прошлое, правая – будущее.
– Но хоть убей меня, а во время твоего путешествия движок стоял в крайне правом положении.

Вася засмеялся.

– У тебя в мозгах все перепуталось. Неужели же ты думаешь, что я не отличил бы светлого будущего от агонизирующего капитализма? Хотя, – юноша запнулся и помрачнел, – мне почему-то все время казалось, что я был не совсем в НЭПе... Может быть, меня, и правда, занесло в грядущее?..

Об авторе

А. Белл – это содружество двух авторов: Людмилы Хохловой и Наталии Поповой.

Людмила Владимировна Хохлова, 1954 года рождения, родилась в посёлке Салтыковский Московской области, образование высшее.

Наталия Алексеевна Попова, 1956 года рождения, родилась в Москве, образование высшее.

После окончания институтов обе работают в оборонной промышленности.

Публиковать свои работы стали с 2006 года в газетах «Тайная сила», «Шестая раса», «Необъявленный визит» и журналах «Наука и религия», «Дельфис», «Чистый источник», Донецкий рериховский вестник «Орифламма». В 2010 году в издательстве «Лотос» вышла книга «Лазейка для Иуды».

В № 1 (12) «Знание – сила: Фантастика» за 2011 год опубликован рассказ «О пользе самодельных табуреток».

Тамара Ветрова

Заблуждение

В квартире № 9 появился бюст. Или, лучше сказать, возник... Как он выглядел? Да как обычно: без рук, без ног — зато физиономия... самая преВ исполненная... При этом взгляд каменного гостя был нацелен строго на дверь в коммунальную уборную; создавалось впечатление, что он держал этот объект под жестким контролем; «объект находится под наблюдениВ ем»... Гм.

Тут надо отметить, что в описываемый период девятая квартира почти совсем опустела. Хотя до того была полна жильцов, которые беспрерывно запинаясь о каждый порог, налетали на всякую дверь и бранились довольВ но отвратительными голосами; так что, повторяем, до настоящей минуты там, можно сказать, яблоку было негде упасть — не то что бюсту.. Но вдруг, как сказано, жильцы удивительной квартиры исчезли — точно расползлись по многочисленным щелям. Возможно, впрочем, что ктоВтоуехал в команВ дировку.. допустим — уехал в город Рыбинск, набираться опыта... Или в другое место... А ктоВтоотбыл на дачу. Построил себе дачу около озера и уехал. Почему нет? Так или иначе, дома остался одинВединственный челоВ век, его звали Анатолий, а вот фамилию жильца уже не восстановить; эта фамилия утратилась навсегда.

Об Анатолии особо сказать нечего; или — если уж взяться за характериВ стику его свойств — можно отметить, что, как какойВнибудь газ, он отлиВ чался специфическим цветом и запахом. Цвета жилец был синего, с лилоВ выми вкраплениями и желтыми подтеками; какойВто импрессионизм, ейВбогу — или как это называется? Не реализм, точно. Ну а запах герой имел по сезону: сивушные масла, приправленные, соответственно, то луком с чесноком (чтобы уберечься от зимних инфекций), то — выдержанВ ными малосольными огурцами. И это было тем удивительнее, что хозяйВ ство Анатолий вел довольно беспорядочное и, уж во всяком случае, огурцов не солил; как видно, эти огурцы солились и плесневели сами, под воздейВ ствием живой природы... НВд.

Бюст обнаружился утром; знакомство, можно сказать, было не из приВ ятных. Жилец на ощупь двигался в сторону уборной; на ощупь — поскольку света в коридоре не было уже третий месяц. И вот, пересекая таким образом коридор (как разведчик — чужую границу.. Которая на замке...), пригибаВ ясь на всякий случай (ибо с потолка, с бесполезной лампочки свисала всяВ кая дрянь... кальсоныВне кальсоны...), Анатолий приближался ко входу в туалет, КАК ВДРУГ..

...запнулся, пребольно ударив палец на ноге.

– Сволочь! – высказался Анатолий и вздрогнул. Давненько он не слышал своего голоса...

– Легкие... не прочищены... – заметил Анатолий, наклоняясь: пострававший жилец предпринял попытку нащупать, обо что он споткнулся. И тут же обнаружил крупную голову каменного истукана.

– Спички! – буркнул Анатолий, проявив сообразительность. То есть человек догадался, что без спичек ему нипочем не разглядеть, что за дрянь понаставили его соседи прямо на пути к уборной...

Через пять минут Анатолий со свечой в руке вернулся на исследуемый участок. Бюст стоял точно там, где жилец едва не повредил палец – в полуВ метре от двери в уборную; увесистый каменный бюст с идиотским выражением величия на облупленной физиономии.

Анатолий, удерживая бутылку со свечой двумя руками, осмотрел пришельца.

– Это что за Павлик Морозов? – наконец вымолвил он и присел перед бюстом на корточки.

– И лицо... с выражением... – выговорил жилец. – Минин и Пожарский какойВто...

– Ты чего? – обратился Анатолий прямо к бюсту. – ТолкуВтомолчать...

И тут исследователя будто *обнесло*.

Во всяком случае, чтоВтов девятой квартире определенно изменилось. Как будто тут внезапно открыли форточку... Или чтоВтов этом роде...

Повинуясь незнакомому чувству, Анатолий аккуратно поместил бутылку со свечой к стене и сам присел тут же рядом: слева – свеча, справа – бюст.

В эту самую минуту (по космическим часам), на расстоянии 12 тысяч световых лет от Земли, на пустой черной равнине разговаривали двое. Их звали Первый и Второй.

Первый: Философ должен смотреть вверх. Вверх! Он не сенатор, чтобы искать чтоВтопод ногами.

Второй: Что же искать сенатору под ногами? Корм?

Первый: Не ерничай. Ты прекрасно знаешь, что никакого корма там нет и быть не может.

Второй: Знаю. Ни там, ни гдеВлибо еще. Вот я и говорю: Философ должен смотреть вверх. Верх – это перспектива. Если бы был телескоп...

Первый: Ну, был бы телескоп! Допустим. Что бы ты стал с ним делать?

Второй: Наметил бы перспективу.

Первый: Но твоя голова не движется. Шея – каменная... Какая перспектива?

Второй: Теоретически...

Первый: Теория, практика! Посмотри вокруг!

Второй: Я не могу вокруг. Я могу только перед собой. В этом суть Великой Реформы.

Первый: Суть? Прекрасно сказано!

Второй: Зерно. Каждый видит не дальше своего носа. Фигурально выражаясь... Психологически это абсолютно мотивированно. Человека не гнетут воспоминания...

Первый: Воспоминания? Что это значит? Я забыл.

Второй: В этом весь смысл. Не тащить на себе груз прошлого.

Первый: А будущего?

Второй: И будущего. Вообще никакой груз. Чтобы руки были свободны...

Первый: Да ведь нету никаких рук.

Второй: Фигурально выражаясь...

— Не понял, — громко выговорил жилец девятой квартиры Анатолий. И, поколебавшись, прибавил: — Прошу повторить.

Тут Анатолий беспричинно засмеялся и объявил в черную пустоту кориВ дора:

— Дубль два! Фигурально выражаясь...

Действие происходит, как и в первом случае, на расстоянии (приблизительно) 12 тысяч световых лет от Земли.

Представьте себе каменную равнину под черным небом. Безднадежный пейзаж, однако — характерный для миров, разбросанных в бесконечном космосе.

На равнине разговаривают двое — Первый и Второй.

Первый: Оратор должен указывать вперед. Во всяком случае, его рука должна быть устремлена вперед в символическом жесте.

Второй (*с огромным раздражением*): Какая рука? Ты забыл, никакой руки нет, уже сто раз говорилось...

Первый: Это — частность!

Второй: Ничего себе частность... Ну, хорошо, хорошо... А ноги — тоже частность, повтѐрjemu?

Первый (*решительно*): Если на то пошло, даже голова — частность.

Второй: Что же составляет суть?

Первый (*уклончиво*): Бюст — гордое имя...

Второй: Слышал сто раз!

Первый: Это звучит гордо.

Второй: Ну?

Первый: Ну и все. Что тебе еще нужно?

Второй: МнеВтоничего... Просто удивительно: ни рук, ни ног, ни, считай, головы — а все звучим гордо...

Первый: Тут все дело в великой истории. В веках.

Второй: Вехи — похоже на ветошь...

Первый (*гнет свое*): Отсюда и гордость. Твердые убеждения. Дело не в руках или ногах. У сороконожки, например, сорок ног — а что толку?

Второй: Она может бегать.

Первый (*с триумфом*): Найди мне хоть одну сороконожку!

Второй: Нету.

Первый: ТоВтой оно. Нету. А мы — есть.

Сидевший между свечой и бюстом Анатолий с упреком покачал головой.

— Что толку от стихов? — заметил он, раздумавшись. — Хоть с утра до ночи разговаривай, как Сергей Михалков... А смысл? Гори, письмо любви!..

Дело в том, что Анатолию почудилось, что невидимые голоса разговаривают стихами. Хотя ощущение было, безусловно, ошибочным: в речах космических туземцев была проза, одна только проза...

Космические собеседники Первый и Второй так привыкли к своему странному (на наш взгляд) окружению, что оно совсем не казалось им странным.

Ни мертвые каменные поля, простирающиеся сколько хватало глаз, тут и там; ни неподвижное черное небо, в котором почти не было видно звезд; ни абсолютное одиночество.

Впрочем, это последнее обстоятельство никак нельзя считать бесспорным, и вот почему. Первый и Второй не были единственными обитателями пустынной планеты. Там было немало и других обитателей; но все дело в том, что и те также были Первый и Второй; то есть либо Первый, либо Второй.

Этот парадокс не имел к Космосу (вообщеВто набитому парадоксами) совершенно никакого отношения. Не было это и заурядным надувательством. Просто несколько миллионов лет назад всему населению планеты было — ради поддержания порядка — предложено расщепиться на первый и второй. Так они и сделали, и с тех пор именно стали Первым и Вторым — каждый.

Теперь уже не было никакого смысла спорить над целесообразностью решения, принятого 5 миллионов лет назад. Зачем? Тем более, это решение не принесло видимого вреда. Другое дело — невидимый вред; но в историях разных цивилизаций полнымВполного *невидимого* вреда, который наносят даже самые невинные обстоятельства. Например, какиеВнибудть *хлор* и *бромсодержащие фрионы*, а попросту выражаясь — антропогенный фактор! По поводу последнего можете не удивляться: так *попросту* выражаются все кому не лень — во всяком случае, все разумные обитатели видимой части Вселенной. Такие выражения служат неоспоримым доказательством их разума.

Вернемся, однако, к далекой, в нашем исчислении, планете, где жители послушно поделились на Первый — Второй.

Называлась планета Бюст — 486.

Сразу отметим, что цифра 486 ничего решительно не значила. Это была

первая попавшаяся цифра, которая пришла в голову авторам идеи. Да и дело там было не в самой цифре, а в том, чтобы какая-нибудь цифра *была*; а иначе получалось глупо и несолидно: Бюст. Для планеты это было явно маловато и наводило на мысль о каком-нибудь провинциальном магазине...

Первый и Второй иногда и спорили. Со стороны это было немного глупо, так, как по крайней мере, последние 4 миллиона лет не приводило ни к каким последствиям. До этого тоже не приводило ни к каким последствиям, поскольку планета Бюст — 486 была такова, что там имелись одни только причины; а следствия слабо давали себя знать; или, точнее говоря, давали себя знать в других точках космического пространства.

(Например, у нас на Земле, на улице Степана Разина, в доме 35 в квартире № 9. Как вы помните, именно запнувшись о *бюст*, землянин едва не сломал себе палец).

...Представьте себе, как и в прошлый раз, каменную пустыню, которую — если быть честным — мог спроектировать какой-нибудь спившийся и обозлившийся на весь белый свет каменщик; да и то исключительно в том случае, если бы работал на своем месте тысячу лет — и все это время неукротимо пьянствовал!

Отвратительная местность...

Действующие лица прежние: Первый и Второй.

Второй: Но ты забываешь о долге! Постоянно забываешь о долге.

Первый: Я что?

Второй: Вот именно. Обо всем должен помнить я один.

Первый: О чем же ты помнишь?

Второй: Я сказал не конкретно, а для примера. Я должен помнить о долге!

Первый: И что же ты о нем помнишь? Для примера?

Второй: Должен быть долг. Иначе наше существование станет бессмысленной тратой времени.

Первый: Ты имеешь в виду выделенный класс инерциальных систем отсчета?

Второй: А?

Первый: Которые формируют некоторую совокупность одинаково равномерно и прямолинейно движущихся наблюдателей, заполняющих все пространство?

Второй: Наше пространство никто не заполняет. Почти никто.

Первый: Это обывательская точка зрения. А еще толкуешь о долге.

Второй: Не толкую, а напоминаю.

Первый: Это одно и то же.

Второй: *(после непродолжительного молчания)*: Мы не вправе пренебрегать своим долгом. Если мы пренебрежем им один раз, потом второй, потом третий, четвертый... Ты меня понимаешь?

Первый: Понимаю.

Второй: ...то со временем это войдет в привычку. Граждане Великой Империи не могут пренебрегать своим долгом.

Первый: Могут, но не должны.

Второй: Не встревай. Егозишь, как шило.

Первый: Хорошо, не буду встревать. Что же я стану делать?

Второй: Не пренебрегать своим долгом.

Второй: Мы – народ, в этом все дело.

Первый: Да?

Второй: Великий народ!

Первый: Где?

Второй: Куда ни кинь взор.

Первый: Никого нет.

Второй: Просто ты не можешь повернуть голову. Потому не видишь, что делается дальше твоего носа.

Первый: Такова суть Великой Реформы. Кто это говорил?

Второй: Я. Или ты. Сейчас уже не важно. Однако, если ты окинешь взором...

Первый: Ну?

Второй: ...наши необозримые просторы; могучие города и веси...

Первый: Могучие веси? ПоВмоему, ты зарапортовался.

Второй: ...то сам убедишься, что только великому народу под силу сложить эти гимны! Утверждающие приоритет духа...

Первый: Над чем?

Второй: Что ты сказал?

Первый: Я спрашиваю: приоритет духа над чем?

Второй: Ни над чем. Просто приоритет.

Первый: Такого не может быть. Грамматика не допускает.

Второй: Мы можем разглагольствовать сколько угодно... Вести дискусии... А следует просто выполнять свой долг! Не ерничать, не глазеть по сторонам!

Первый: Мы и не глазеем. Поскольку..

– Три водки, два пива, – громко выговорил жилец девятой квартиры Анатолий. – Иначе я развалюсь на атомы.

В Лекционном зале стоял заинтересованный гул.

Слушатели ждали Лектора, а пока обменивались впечатлениями.

– Стареющая цивилизация...

– Безусловно! Целый набор признаков... В «Истории космических цивилизаций» (издание второе, страница 681) можно прочитать...

– Пафос как признак вселенского маразма!

– Плюс – гипертрофированные самооценки...

– Размытый, но еще явственный след тоталитарного управления; эти «первый»Ввторой»...

Обсуждая, Слушатели не сразу заметили, что за кафедрой стоит Лектор и с интересом прислушивается к их репликам.

— А вы что скажете? — обратился он к самому юному Слушателю, котоВ
рый сидел на первом ряду, выставив вперед ноги в гигантских кроссовках.

— Снова Зонд Брейсуэлла, — объявил молодой человек. — Старая надежВ
да сформировать своих поставщиков информации из местного материала...

— А по поводу стареющей цивилизации?

— Согласен с... ними (юный Слушатель указал на задние ряды). Крепкий
космический маразм.

— Но как же они запустили Зонд?

Молодой человек пожал плечами.

— А они запустили его давно, — почти не задумываясь, ответил он. —
Пока еще не пребывали... в ступоре. И вот покуда этот космический разВ
ведчик — зонд — шел, а потом обжился в условиях новой цивилизации,
чтобы создать себе помощников из местного материала, — они состарились.

— Вы хотите сказать, что на этот раз зондВразведчик (известный в истоВ
рии Космоса как Зонд Брейсуэлла) явился на планету Земля в качестве
бюста?

— Ага. Да и как еще? У них там, поВмоему, больше ничего нету.

— Что ж, господа, совсем неплохо, — обращаясь ко всем, — заявил
Лектор. — Остается суммировать наши рассуждения...

В коридоре девятой квартиры, упирающемся в двери уборной, было
темно. Слабое пламя свечи едва освещало сидевшего у стенки человека и
каменный бюст, развернутый профилем в сторону уборной.

Человек был жилец квартиры Анатолий, а бюст — просто бюст. Впрочем,
если верить внезапному видению Анатолия, этот бюст был космонавтомВ
разведчиком, посланцем другого мира.

Анатолий, в руке которого откудаВтопоявилась бутылка, сделал два или
три глотка, перемежая их мерной речью. Он говорил:

— Я — землянин... Я — землянин...

Будто какиеВнибудть позывные, право...

— Мы — похожи! — говорил Анатолий каменному истукану. — У нас есть
глаза, и у вас есть глаза. У нас есть уши, и у вас есть уши. У нас есть нос, и
у вас есть нос. У нас...

Но дальше перечислять не имело смысла; больше у бюста ничего не
было, на то он и бюст... И всеВтаки, по некоторым признакам можно заклюВ
чить, что Анатолий не напрасно трудился, стараясь выйти на контакт.

Сидя почти у самого порога коммунальной уборной, скромный земВ
лянин сделал свое дело. Каменный истукан откликнулся, хотя и ничего
не сказал в ответ. Или Анатолий не расслышал? Во всяком случае, сигВ
нал на далекую планету был отправлен. Это — факт, тут уж ничего не
попишешь.

В Космос полетело информационное сообщение необыкновенной важВ
ности:

Земля — свободна для жизни. Население планеты состоит из *одного челоЮ*

века; да и тот – почти бюст. Малоподвижен, неразговорчив, нетребователен, терпелив.

Отношение к бюстам доброжелательное!

ПРИЕЗЖАЙТЕ !

Правда это или нет, только некоторые факты никак невозможно игнорировать. Например – изрядное количество каменных мужчин и женщин, преимущественно расположенных в парках культуры и отдыха. Они стоят и сидят, иногда – по неясной причине – возводят руки вверх; некоторые смотрят друг на друга, иные – на нас, пробегающих мимо... А один каменный человек сидит ссутулившись, охваченный тяжелым раздумьем. Фигура этого мыслителя хранится в известном музее – по видимому, для того, чтобы никому не пришло в голову задать ему вопрос: о чем он думает?

Вот о чем?

Об авторе

Родилась в 1955 году в г. Свердловске. В 1979 г. окончила Уральский Государственный Университет (УрГУ). Живет и работает в г. Лесной Свердловской области, преподаватель словесности в Школе искусств. Первая публикация в 1988 г., в журнале «Уральский следопыт». Автор книги «Кремлевские звёзды» (Екатеринбург, 2009), постоянный автор журналов «Магазин», «Урал», «Человек и закон». Публиковалась в двух антологиях уральской прозы – «Сказки уральских писателей», «Шаг на дорогу», журналах «Стетоскоп», «Вавилон», «Сетевая словесность», «Textonly». Лауреат премии журнала «Магазин» (1999 г.). Автор ряда статей, посвященных проблемам детского творчества. Постоянный автор педагогических изданий «Искусство в школе» и «Литература», так же публиковалась в журналах «Мир образования», «Искусство и образование». Автор фантастических, иронических, детективных, фантастических текстов.

Иван Афанасьев, Сергей Жданов

Саморез и Державность

На дорогах и дворах весело горланили куры и гуси, придя в весеннее возбуждение. На бельевых веревках и штакетных заборчиках провяливались на апрельском солнце старорежимные постельные принадлежности. Здесь, на самой городской окраине, среди рядов низкорослых двухэтажных домов, перемежаемых многочисленными деревянными сарайчиками, сельский уклад был неистребим.

И в этот прекрасный день в малометражной квартирке тетки Феоктиньи Рационализатор с рулеткой у рта и пеной на губах доказывал хозяйке, что не может ни при каких условиях шкаф в купе поместиться в маленькой нише.

— Старая твоя башка, — в сердцах объяснял Рационализатор, — шкаф в купе устроен так, что дверь открывается вбок, по пазам. А у тебя куда он будет открываться? Смотри, ведь в стенку упирается. Давай смастерю хорошие полки, а тут ты шторку повесишь?

Феоктинья лишь поджимала тонкие губы, отчего усики на ее верхней губе становились похожими на гусарские. Наконец она укоризненно сказала:

— А вот Волковым ты сделал...

— Дурина! Ты хоть была у тех Волковых? Да у них один сортир больше твоего зала!

Свернув рулетку, Рационализатор вышел на улицу, продолжая вполголоса ругать упертую бабку. Среди окрестных жителей он пользовался славой народного умельца, и очень дорожил своей репутацией. Уйдя на пенсию, он смог в полной мере отдалиться своей изобретательской страсти. Да и руки привычно просили работы, и приработок был кстати. Он и на пенсию ушел не потому, что здоровье оставляло желать лучшего, или же его попросили освободить место для молодых. Нет. Мог бы и дальше трудиться. Работа была, был почет, приличная зарплата.

Ушел он потому, что его предложения и изобретения все больше не совпадали с общей линией на производство дешевого одноразового товара. Технология поступала вместе с оборудованием, инструментами и стандартами, и чтобы улучшить в ней Рационализатор уже не мог. То есть мог, но — ценой изменения либо качества товара, либо иных его свойств. А такие его предложения почему-то всегда оказывались неприемлемыми.

Душа тянулась к новому, нестандартному, оригинальному. Чем труднее задание, тем интереснее работать. Недаром его изделия всегда были добротными, прочными, и шли нарасхват. Вот и сейчас, вернувшись домой

и перекусив, чем послал Бог и частная торговля, он не мог заставить себя не думать о чертовом шкафу. Точнее, мысль жила в нем самостоятельной жизнью, ускользая от сознания.

После обеда он не выдержал и потянулся к бумаге. ЧтоВтодолго чертил, беззвучно шевеля при этом губами. Потом пошел в мастерскую, располоВ женную в сарае, и провозился там до позднего вечера. Утром, не особо скрывая самодовольства, заглянул к Феоктинье.

– Подгоняй борт, старая. Не на руках же мне эту бандуру тащить.

Проблем с транспортом не возникло – какой левак откажется от полуВ сотни за десять минут работы? За дополнительное вознаграждение в виде жидкой русской валюты он даже помог занести изделие в квартиру. Установка тоже не отняла много времени: Рационализатор загодя подготоВ вил и крепеж, и инструменты. Вскоре он позвал хозяйку.

– Все. Принимай работу. Нравится?

Феоктинье нравилось. А как же – полированная дверца с зеркалом чуть не во весь рост. Словом, все, как у людей.

– А теперь смотри. Вот так дверца закрыта, а так... – Рационализатор плавно откатил дверцу в сторону, и та исчезла, растворившись в воздухе гдеВто на границе с глухой стеной, оставив только узкую лакированную полосу с золотистой ручкой на ней.

Соседка ахала, открывая и вновь закрывая шкаф.

– Куда же она деваетсяВто?

– А я почему знаю... Думаю, что кудаВтов эфирное пространство. ТебеВто какая разница? Стена цела? Цела. Дверь цела? Тоже цела. Что еще надо? СмотриВкалучше калькуляцию. Это за материал, это за работу..

Шкаф возымел огромный успех среди соседей, проживающих в столь же убогих типовых квартирках. По их заказам Рационализатор изготовил еще несколько аналогичных изделий, а потом увлекся новой задачей. В его шкафах дверцы исправно откатывались в сторону, исчезая на время из нашего мира.

А вскоре счастливая владелица первого образца приболела.

Ухаживать за матерью явился ее средний сын, Лешка, человек, скорее, пьющий, чем наоборот. Во всплеске его сыновних чувств соседи сразу узреВ ли корыстный расчет на материнскую пенсию. Да и материальную помощь других братьев Лешка рассчитывал использовать в собственных интересах.

В первый же день, будучи не вполне трезв, он сломал ручку на дверце шкафа. Полагая себя мужчиной хозяйственным и технически грамотным, он поспешил вернуть вместо ручки длинный саморез, продырявив дверцу насквозь. Иначе вытянуть ее из эфирного пространства у него не получаВ лось. Ввернул – и забыл о дверце на очень долгое время.

Когда популярный среди молодежи музыкальный канал транслировал клип, и на экране четыре энергичные девицы демонстрировали свои тела в минимуме одежды, далеко не все заметили появление в кадре зазубренноВ го остря. Мало ли что в этих клипах на экране происходит? Клип законВ чился, появилась разбитная ведущая, а острый зазубренный предмет не исчезал.

– Мне сообщили сейчас из операторской, что у нас появились некотоВ

рые неполадки с изображением. Я и сама вижу на контрольном мониторе, что сбоку от меня, — девица протянула руку, немедленно скрывшуюся за саморезом, — находится, скажем так, некий острый предмет. Хотя почему некий? Мне подсказывают, да я и сама вроде бы разглядела, что это обычный шуруп. Или саморез, если кому так больше нравится...

Далее девица заявила, что шуруп лично ей нисколько не мешает, что это вообще прикольно: вести передачу в тени шурупа. Руководство канала ухватилось за это, в общем-то, случайное высказывание своей ведущей. Поскольку убрать изображение самореза с экрана не удавалось — оно сохранялось на канале даже в том случае, если передатчик вообще прекратил трансляцию на данной частоте — руководство канала объявило его своим символом. Выражение «в тени шурупа» стало крылатым.

В продаже появились майки с изображением шурупа, брелки в виде самореза, конкурирующий музыкальный канал снабдил картинку своего канала отверткой. Фундаменталистские мусульманские круги усмотрели в необъяснимом явлении знак, посланный аллахом, о скорой гибели нечестивой и развращенной западной цивилизации. Среди символов арабских террористических организаций появилось изображение самореза. В арабских кварталах Парижа подростки краской рисовали на стенах домов огромные шурупы.

Ученые объяснить появление шурупа не смогли. Правительство Российской Федерации выступило с успокоительным заявлением, заявив, что явление самореза на экране музыкального канала никак не скажется на благосостоянии граждан России. В частности, утверждалось, что и в следующем году конъюнктура мировых цен на нефть останется благоприятной. Правительство поторопилось.

За три дома от Рационализатора жили его знакомые, Сидоровы. С ними проживал и их внук, Вениамин. Пока бабушка еще что-то увидела, хоть и сквозь очки, внук остерегался украшать жилище чересчур фривольными картинками. Но когда старушка ослепла настолько, что могла различать лишь общие контуры крупных предметов, внук повадился приносить домой эротические постеры. Один из них, изображающий даму в одном бюстгальтере, находящуюся в коленно-локтевой позе, Вениамин прикрепил на дверцу шкафа в купе. Шкаф для Сидоровых тоже сработал в свое время Рационализатор.

Первое явление «Российской Державности», как немедленно прозвали неприлично позирующую девицу оппозиционеры всех мастей, прошло почти что незамеченным. Вениамин утром собирался в колледж, откатил дверцу шкафа, достал оттуда ветровку, и сразу закрыл шкаф. В это время на одном из государственных телеканалов, известном своей официозностью и чопорностью, шла утренняя передача. Для редактора передачи внезапное перекрытие верхней части экрана полуголой накрашенной девицей явилось таким шоком, что он не смог отреагировать. К тому моменту, как в студии догадались отключить трансляцию, девица уже покидала экран своим ходом.

Через сорок минут шестеро причастных к передаче сотрудников были уволены, а остальные — отправлены во временные отпуска. Следствие вело

ФСБ, их сотрудники обнюхали и обстучали все углы принадлежащих каналу помещений. Кое-что противозаконное и антигосударственное они отыскали, но все это не имело к интересующему их происшествию никакого отношения.

Вернувшийся после учебы внук поел и быстро куда-то убежал. На этот раз прикрыть дверцу шкафа он забыл...

Канал уже загодя анонсировал освещение важного внешнеполитического визита президента страны. Как раз тогда, когда политобозреватель в студии уже готовился предоставить эфир специальному корреспонденту, на экранах появилась обнаженная девица. На этот раз она не исчезла, несмотря на попытки забить ее помехами, вообще отключить трансляцию. Зрители канала, в основном не испытывающие к соблазнительному телу здорового физиологического интереса, а более озабоченные престижем отчизны, с возмущением бросились звонить во все мыслимые инстанции. Что там прокуратура с милицией! Звонили, истерически требуя принятия срочных мер, в жилищные управления, на скорую помощь, в администрации всех уровней, в газовые службы, водоканал и даже доставку пиццы на дом.

Представители всех традиционных конфессий, не сговариваясь, обвинили во всем распущенность нравов, насаждаемую средствами массовой информации. Дума на сверхсрочном заседании обсуждала необходимость принятия очередного закона о борьбе с терроризмом, потому что квалифицировать происходящее иначе, чем новую, особо циничную разновидность терроризма, против которой не существовало пока еще юридически выверенных способов противодействия, было невозможно.

Правительство приняло ряд постановлений, ожидаемый эффект от которых мог наступить никак не раньше следующего месяца. Националисты обвинили во всем Америку, оказавшись солидарными с исламистами. Другие телеканалы потеснились, предоставив эфирное время пострадавшим коллегам. Но канал, привыкший представлять исключительно официальные точки зрения, впал в состояние полного развала. Никто из официальных лиц государства не имел на самый животрепещущий для страны вопрос не только государственной, но даже и чисто человеческой точки зрения.

Поздно вечером обнаженная дама самостоятельно покинула картинку злосчастного канала. Следующие несколько дней стояла хорошая погода, поэтому Вениамин в шкаф не лазал. Он слышал о явлении на канале голой бабы, но сам картинки не видел и не связывал свой шкаф с новой формой терроризма. А тем временем в соседнем доме одинокий бобыль Леганов повесил на дверцу своего шкафа лунный календарь огородника, вырезанный им из местной газеты...

Календарь перекрыл собою весь экран, и безвинно пострадавший частный малопопулярный канал временно прекратил вещание. Леганов пользовался шкафом часто. Появляющаяся и исчезающая таблица посевных дней с добавляющимися периодически записями от руки натолкнула общественность на мысль, что происходящие явления имеют общую причину, не связанную с политикой, заговорами и прочими традиционными для обыва-

теля объяснениями лично ему непонятных явлений. К тому же компетентные органы выяснили, какой газете принадлежала транслируемая бобылем Легановым в эфир таблица благоприятных для посева дней.

Представитель спецслужб намекнул, что в результате проведенной следственной работы они уже знают, жители какого города причастны к происшедшим безобразиям. Город назван не был, но уже на следующий день вся страна знала, какой город подразумевался. «В России все — тайна, и ничего — не секрет». Вскоре в вышеуказанном городе не осталось свободных мест в его немногочисленных гостиницах.

Когда на одном из каналов, претендующих на статус федерального, появилось изображение дешевой бумажной иконки, все неправославные конфессии дружно возмутились. Патриарх предложил было выкупить этот канал для церкви, но здесь воспротивилось уже государство. Иконка появлялась строго упорядоченно, по утрам и вечерам, в одно и то же время, поэтому канал легко сумел приспособить свое вещание к тому расписанию, которого придерживалась Антонина Семеновна для переборки своих вещей.

Так бы все оно и шло, не смени Вениамин плакат на своей дверце. Его новая дама лежала в одних перчатках на прелестном голубом диване, бесстыдно раскинув ноги прямо перед зрителями. Полюбовавшись плакатом, молодой человек откатил дверцу в эфирное пространство, ошарашив страну явлением мисс «Российская Державность — 2», и принялся выбирать для себя одежду.

Спустя час в Думе уже ставили вопрос о вотуме доверия правительству. А навстречу выходящему из дома Вениамину попался очень бодрый старичок с тросточкой. Старичок обходил квартиры в поисках лунного календаря, потому что его собственный по несчастию, промок, ставши нечитабельным. В тех квартирах, куда старичка впускали — а впускали почти все — он рысьим взором осматривался по сторонам.

В квартире Сидоровых старичок углядел знакомые раскинутые бедра и выхватил из кармана сотовый телефон. Рационализатора взяли через двадцать минут; через полчаса после того приехали к Лешке, забрали Антонину Семеновну и Леганова. Шкафы вывозили по одному, в сопровождении бронетранспортеров. Вениамина безуспешно искали по всему городу и захватили только ночью, когда он беспечно явился домой. Когда юноша узнал, что одна из фракций Государственной Думы требует для него смертной казни, то раскаялся в содеянном, пообещав оказывать следствию максимум симальную помощь.

Избавление от «Российской Державности» встретили бурей ликования. Наградили трех генералов и двух полковников, а майору, изображавшему старичка, подарили именные часы. На место пропавшего самореза музыкальный канал немедленно повесил его точное изображение. Только вот Рационализатора в камере хватил инсульт. Слишком поздно допущенные к нему ученые не сумели узнать секретов эфирного пространства; изобретатель уже не мог разговаривать, а после повторного инсульта умер.

Шкафы Рационализатора, чью тайну создатель унес с собой в могилу, хранятся на тайных складах ФСБ. Время от времени возникают идеи тайной переправки их на территорию Прибалтики, Грузии, США или Украины, но санкции руководства такие идея пока что не получили.

Об авторах

Афанасьев Иван Борисович, 1957 г. р., член Союза литераторов России. Творческую деятельность начинал как поэт, публиковался в местных, региональных и республиканских СМИ и сборниках. В зрелые годы переключился на прозу. Первая книга – повесть «След бича», написанная в соавторстве с Александром Голубевым, под общим псевдонимом Андрей Голиаф – была опубликована в 1991 году в издательстве «Отечество», после победы авторов во Всесоюзном конкурсе молодых писателей ЮФнтастов. Через год это произведение было переопубликовано в журнале «Сокол».

Следующая книга, роман «Паутина», вышла в свет в издательстве «ЭКМО» в 1996 году. Соавторы те же, но изменился псевдоним: Александр Гласьев. Серия «Абсолютное оружие». Под тем же именем в журнале «Пограничник» вышла в свет повесть «Точка в океане». Наиболее значимое произведение из числа завершённых, написанное в соавторстве с А. Голубевым, роман «Пионеры Аргоса», до настоящего времени не опубликовалось. С 2006 года началось устойчивое творческое сотрудничество с С. Ждановым (см. ниже). Написано 5 романов, несколько рассказов, частично опубликованных.

Жданов Сергей Владимирович родился в 1956 году. Живет в Орле. По специальности психолог, работает в психиатрии. Литературной деятельностью занялся в 2004 году, публиковался в региональных литературных альманахах (Орловский Край, 4ЮВыпуЮски). В 2007 году совместно с И. Афанасьевым опубликовал роман «Последняя надежда творцов», (издатель А. Воробьев, Орел). В журнале «Искатель» (11, 2007) опубликована повесть «Воплощение Великого Брата». Член Союза Литераторов РФ.

В № 1 «ЗнаниеЮЮла Фантастика» за 2011 год опубликован рассказ «Узревший облик мира».

Сергей Бугримов

Последние новости

– С вами Лили Та и Юю Эта с Первого межгалактического канала. Последние новости.

При посадке на планету «Глюк», системы звезды «ХипВХоп», потерпел крушение грузовой звездолет RGB8. Плутоний, находящийся на борту звездолета, вошел в реакцию с одним из химических составов, обволакивающих планету, отчего произошел динамический взрыв силой 1/5 крт. Этого оказалось достаточно, чтобы планета «Глюк» перестала существовать. А вместе с ней ушло в небытие и полуторамиллиардное население. Компания – перевозчик «mirvam» приносит свои соболезнования по поводу данного инцидента.

В нелепую ситуацию попали космические пираты, на протяжении нескольких циклов терроризировавшие созвездие «Свободы». Свой очередной и, как оказалось, последний налет они совершили на охотничий корабль «Сюрприз», выполняющий заказ зоопарка: отловить и доставить в живом виде хавозавра, одного из самых свирепых хищников, занесенного в «красную книгу». Зверь, к тому времени изрядно проголодавшийся, с огромным удовольствием проглотил целиком всех троих гореВнлетчиков. В принципе, их можно было бы еще спасти, тут же распоров брюхо хищника, но, как вы сами понимаете, подобный абсурд не уместен в нашем высококоразвитом обществе. Пожертвовать ценнейшим экземпляром ради каких-то никчемных ничтожеств – по меньшей мере, безнравственно. Естественно, что пища позволили спокойно перевариться.

Наконец-то закончился военный конфликт между двумя непримиримыми планетами «Кари» и «Нари», продолжавшийся на протяжении... А впрочем, никто уже и не помнит, когда он начался и, главное, из-за чего. Вспыхнувшая на почве меркантильного эгоизма грошовая ссора, переросшая, в итоге, в глобальное истребление друг друга. И вот, гастролирующая по бескрайним просторам вселенной черная дыра «Веселая карусель» поглотила с потрохами весь этот театр боевых действий. Теперь близлежащие звездные системы могут облегченно вздохнуть.

В лаборатории профессора ЧудОВОЮда вырастили мозг, обладающий невиданным доселе умственным потенциалом. Мозг сразу же потребовал обеспечить его физической оболочкой, всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами для этой оболочки, и отдать, для начала, пост президента Организации Объединенных Галактик. Когда профессор пришел в себя, он тут же презентовал свое детище одному из пунктов общественного питания. Приготовленное блюдо настолько пришлось по вкусу, что профессору

моментам поступило супервыгодное предложение о дальнейшем сотрудничестве. Однако профессор отказался, мотивируя это тем, что питаться умными мозгами вредно, так как они являются носителем вируса рациональной глупости.

Знаменитая парочка аферистов Джебра Моут и Вилт Хабар вновь в центре внимания на страницах криминальной хроники. Под видом иллюзионистов они устроили театрализованное шоу на планете «Даун». Представление удалось на славу. Мало того, что все зрители, в итоге, оказались без своих кошельков и драгоценностей, так еще и наследный принц Чук и Гек лишился фамильного перстня – символа власти. Пришлось принцу раскошелиться на довольно таки кругленькую сумму, иначе его империя оказалась бы под угрозой. А что касается полиции, то она, естественно, опять осталась с носом. Джебра Моут и Вилт Хабар, в своих лучших традициях, ушли от преследования в высшей степени виртуозно. Они просто... В прочем нам, мягко говоря, не рекомендуется оглашать данный метод уклонения от правосудия, дабы сей метод не стал учебным пособием для других. И это, наверно, правильно.

В северной части созвездия «Южный Крест», недалеко от торговых путей, таможенная служба выявила у контрабандистов крупную партию оружия массового поражения. Случись это где-нибудь в цивилизованном уголке Вселенной, виновные понесли бы суровое наказание. А так, отделались лишь незначительным штрафом и были отпущены под честное слово, что больше никогда не будут заниматься такими плохими делами.

На планете «Айя» отменен смертный приговор в отношении Ту ру Гея. Того самого Ту ру Гея, который умудрился съесть принцессу Эш, случайно залетевшую к нему в рот, когда тот завтракал. Дело в том, что местный уголовный кодекс предусматривает совершение смертной казни лишь одним способом – через повешение. Но как оказалось, у осужденного нет шеи, и поэтому привести приговор в исполнение не представляется возможным. Пришлось его отпустить. Однако Ту ру Гей дал расписку, что как только в уголовный кодекс внесется соответствующая поправка, он тут же явится и примет уготованную судьбой участь.

Чуть в стороне от «Млечного пути», буквально парсеков пятьдесят, обнаружена дыра во времени, через которую, вот уже на протяжении не установленного еще точно периода, просачиваются беженцы из будущего. Как правило, это патологические нарушители закона. Очевидно, в будущем им ой как не сладко придется! А из этого следует, что зло неукоснительно теряет свои позиции. И не далек тот час, когда это, мягко говоря, негативное явление будет фигурировать в нашем сознании лишь как исторический факт. Но это потом. А в данный момент объединенная флотилия по чрезвычайным ситуациям направляется к месту происшествия, дабы заштопать, если можно так выразиться, брешь в пространстве.

Студент биологического факультета с планеты «Гном» Вел Икан изобрел метод разложения живого организма на молекулы. После нескольких успешных опытов над своими домашними животными он решил на эксперимент над самим собой. Однако случилось непредвиденное. От короткого замыкания в электросети самостоятельно включилась система вытяжВ

ки. Часть молекул тут же всосало и выплюнуло в атмосферу. А из оставшегося материала воссоздать первоначальный образ, да и вообще какой-либо образ, было уже невозможно. А так как основные формулы открытия Вел Икан держал в своей голове, опасаясь, как бы кто-нибудь не выкрал их, с целью присвоить открытие себе, ведь оно еще не было запатентовано, то мы безвозвратно потеряли, или, во всяком случае, на неопределенное время получили отсрочку подобного прорыва в молекулярной биологии.

Очередной жертвой «Магнитной планеты» стал частный прогулочный звездолет с пятью особями на борту. Очевидно, они не заметили предупреждающих знаков; а, может, просто проигнорировали их, руководствуясь присущей необузданному нраву молодого поколения наивностью и вседозволенностью. В итоге: еще одна братская могила на этом кладбище ротозевов. Магнитное поле планеты настолько мощное, что с ним не способно справиться даже самая современная система торможения. Сейчас решается вопрос: отправить вторую эскадру бомбардировщиков для уничтожения «Магнитной планеты». Напомним, что первая экспедиция потерпела трагическую неудачу. Увлечшись пробным обстрелом объекта, никто и не заметил, как корабли приблизились на критическое расстояние. Ни один из восемнадцати экипажей не вернулся.

Подозрительный астероид перехватила таможенная служба звездной системы «Шоу». Сомнения в непогрешимости этого куска космических отходов появились сразу же, как только он самостоятельно увернулся от столкновения со встречным метеоритом. Когда астероид выловили, то обнаружилось, что он оснащен двигателем с программным управлением. Естественно, что тут же перехваченный объект подвергся доскональному обследованию. Результат не заставил себя долго ждать. Тщательно замаскированные склады с оружием, наркотиками, редкими металлами и драгоценными камнями буквально не оставили живого места на поверхности астероида. Хотя склады и были, как уже сказано выше, тщательно замаскированы, но еще раз повторимся: они не оставили живого места на поверхности. Стоило только наугад направить в ту или иную сторону лазерный луч, как сразу натыкаешься на какую-нибудь контрабанду. Осталось лишь дожидаться, когда следствие выявит всех, причастных к этому делу.

Невероятная авария произошла в четырнадцатом квадрате «Темной Галактики». Два звездолета столкнулись друг с другом в момент выхода из гиперпространства. Редчайший случай в истории космической навигации! Не помогла ни общая система безопасности, ни новейшая разработка «Superstop», которая, кстати, находилась в распоряжении обоих кораблей. Куда же можно было так торопиться, чтобы в спешке забыть дома элементарную внимательность?! Ответ вполне мог бы показаться забавным, если бы не был таким трагическим; ведь оба экипажа сгорели мгновенно. А суть заключается в том, что полицейский патруль «Красной туманности» на полных парах преследовал злостных нарушителей, а навстречу, на тех же парах, бригада криминальных гастролеров, выпотрошившая сеть национальных банков нескольких планет двойной звезды «Алла», пыталась уйти от представителей закона, которые сумели основательно сесть им на хвост.

Но судьба неумолима, и разыграла свою партию. А справедливую или нет – не нам судить. Факт в том, что теперь и патруль, и гастролеры имеют совершенно другие проблемы.

Жительница планеты «Земля» подала в суд на «Центр переселения душ». По контракту душа ее супруга после смерти должна была переключиться в попугая (разновидность говорящих птиц, которых модно держать в клетке для экзотического наслаждения). Попугай, до этого не проронивший ни слова, начал заливаться таким отборным нецензурным текстом, что вдова упала в обморок. Никогда ее супруг, как утверждает она, не позволял себе ничего подобного. И наверняка ее обманули, и всучили душонку какого-то гнусного, похабного оборванца (местный лексикон, имеющий сложное неординарное толкование). На что «ответчик» привел неопровержимые доказательства беспочвенности обвинений. Просто супругу при жизни не хватало смелости иметь, в присутствии жены, собственное мнение. Рука у той тяжелая, особенно когда в ней еще зажата сковородка. А попугай стоит денег, и не малых! Поэтому он может теперь совершенно спокойно выплевывать наружу весь тот скопившийся ворох неудовлетворенности, который мертвым грузом лежал на дне сознания его прошлой жизни.

И о спорте. Открытый чемпионат «Созвездия Звездного Братства» по тяжелой атлетике вошел в финальную стадию. Два спортсмена при абсолютно одинаковых данных показали абсолютно одинаковый результат. И вот только что пришло сообщение: победителем объявлен ФВЪр (общество «Мыслитель»). При фиксировании веса его тело погрузилось в грунт на три дюйма меньше, чем у соперника. От всей души присоединяемся к поздравлениям и желаем юному дарованию дальнейших успехов.

С вами были: Лили Та и Юю Эта. Всего вам самого доброго!

Об авторе

Родился в Киеве в 1964 году. Играл в военном оркестре, занимался шоу-бизнесом, а так же, как и большинство его ровесников, имеет несколько распространенных профессий. На данный момент работает в фирме, относящейся к медицине. Писать начал лет пять назад, когда, «наконец-то», вволю нагулявшись, появилось время для творчества». В № 3 (8) «Знание Юла: Фантастика» за 2008 год был опубликован рассказ «Вынужденная остановка». С тех пор появились публикации в периодических изданиях «Шалтай-Будай», «Супертриллер», «Техника молодежи», «Очевидное и невероятное».

Игорь Харичев

Открытие междисциплинарности

Ученые, как зарубежные, так и отечественные, утверждают, что междисциплинарность — это современный подход. Острое, так сказать, научного поиска. Напомним, что междисциплинарный подход предполагает взаимодействие различных отраслей науки и позволяет более глубоко и интенсивно проникать в суть законов природы и общества. Если коротко — это когда исследования ведутся на стыке нескольких наук.

До недавних пор считалось, что междисциплинарный подход возник в середине XX века. Между тем, он существует давно. И открыли его небезызвестные братья Гримм (Якоб и Вильгельм). Самый яркий пример тому — их проект «Горшочек каши». Помните? «Жила была одна девочка. Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку. «Здравствуй, девочка, — сказала ей старушка. — Дай мне ягод, пожалуйста». А девочка ей: «На, бабушка. А старушка поела ягод и сказала: «Ты мне ягод дала, а я тебе тоже что-то подарю. Вот тебе горшочек. Стоит тебе только сказать: Раз, два, три, горшочек, вари, и он начнет варить вкусную, сладкую кашу». Ну, и так далее.

Так вот, данный проект — соединение гуманитарного и естественнонаучного подходов. В гуманитарной плоскости это прежде всего социальное проектирование. Можно даже сказать — проект по осуществлению мечты о социально справедливом обществе, где каждому хватит каши, где не будет голодающих, где возможно изобилие. Не случайно мать девочки в ее отсутствии, не зная, как остановить горшочек, доводит дело до того, что каша заполняет улицы города, где они с девочкой живут. И только вмешательство девочки, которая, увидев, что делается на улицах города, бегом побежала домой, кое-как взобралась на крылечко, открыла дверь и крикнула: «Раз, два, три, больше не вари!», привело к прекращению появления новой каши. Но горшочек успел наварить ее столько, что тот, кому пришлось ехать из деревни в город, должен был себе в каше дорогу проехать. Причем каша была очень вкусная и сладкая.

Могут ли в подобной ситуации возникать серьезные социальные проблемы? Может ли накапливаться значительное расслоение в обществе? Исследования в сфере социальной психологии позволяют уверенно ответить: нет. Может ли человечество мечтать о большем? Еще одно уверенное нет. Изобилие каши, вкусной и сладкой, полностью снимает все социальные проблемы.

И тут вполне закономерно встает главный вопрос: как обеспечить возникновение каши из ничего? Ответ лежит уже в естественнонаучной плоскости. Причем речь идет о самых современных исследованиях — о возникновении вещества из физического вакуума в процессе квантовых флуктуаций. Ведь известно, что в соответствии с квантовой теорией, опирающейся на принцип неопределенности Гейзенберга, в вакууме происходят квантовые флуктуации физических полей, то есть случайные отклонения от нулевого значения, как следствие, непрерывно рождаются и умирают виртуальные частицы, которые при определенных условиях могут превращаться в реальные. Так что создание на основе этих частиц каши вполне допустимо с точки зрения физики, и братья Гримм (Якоб и Вильгельм), судя по всему, предвидели эту возможность. Что, собственно говоря, и нашло отражение в рассматриваемой сказке. Более того, по последним данным вакуум должен быть заполнен полем Хиггса, которое представляет собой сохранившиеся после «Большого взрыва» остатки инфлатонного поля, связанного с инфляционным расширением Вселенной в ранний период ее существования, о чем, весьма вероятно, тоже догадались упомянутые братья (Якоб и Вильгельм). Хотя пока что неясно, виделся ли им «Большой взрыв» действительно большим?

Так уже в начале XIX века произошло рождение междисциплинарного, а если учитывать широту охвата рассматриваемого проекта, то можно даже сказать — мультидисциплинарного подхода. И за это мы должны быть благодарны братьям Гримм, Якобу и Вильгельму. К сожалению, они намного опередили свою эпоху, и пальма первенства досталась другим. Но пришло время восстановить справедливость. Как говорится, лучше поздно, чем совсем поздно.

А то, что братья Гримм (Якоб и Вильгельм) опередили Жюль Верна в создании жанра научной фантастики, и говорить не приходится.

Об авторе

Родился в 1947 году в Самаре. По образованию астрофизик. В советское время работал в НИИ, с октября 1991 по февраль 1997 года — в администрации Президента РФ, затем — в Конгрессе интеллигенции России. В настоящее время — ген. директор журнала «Знание Юга». Секретарь Союза писателей Москвы.

Рассказы, повести, включая фантастические, с 80-х годов XX века неоднократно публиковались в журналах «Сельская молодежь», «Литературная учеба», «Новое время», «Кольцо А», «Наука и жизнь», «Дети Ра», а также газетах «Литературная Россия», «Собеседник», «Учительская газета», «Российские вести», «Куранты» и в альманахе «Словесность». В № 2 и 3 за 2006 г. литературного приложения «Знание Юга: Фантастика» была опубликована повесть «Будущее в подарок», в № 2 (11) за 2010 г. — рассказ «Будущее. Россия», а в № 1 (12) за 2011 г. — рассказ «Крапивное семя».

Автор художественных книг, вышедших в 1994, 2000, 2006, 2008, 2011 г.г. (в 2008 г. вышел фантастический роман «Своя вселенная», а в 2011 — новая редакция романа «Кремлевские призраки»).

РЕКЛАМА

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание – сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание – сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

Литературный магазин

В наших ИнтернетМагазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «ВестВ Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «ВестВ Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5ВяКожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «ВестВ Консалтинг» — *Степанов Е. В.*